ГРЮНВАЛЬД

В.В. Акунов

ГРЮНВАЛЬД

РАЗГРОМ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

HISTORY FILES

В.В. Акунов

ГРЮНВАЛЬД

РАЗГРОМ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4
А44

Акунов, В.В.

А44 Грюнвальд. Разгром Тевтонского ордена / В.В. Акунов. — М. : Вече, 2013. — 352 с. — (History files).

ISBN 978-5-4444-0834-6

Знак информационной продукции 16+

В книге историка Вольфганга Акунова раскрывается история многолетнего вооруженного конфликта между военно-духовным Тевтонским орденом Пресвятой Девы Марии, Великим княжеством Литовским и Польским королевством (XIII—XVI вв.). Основное внимание уделяется т.н. Великой войне (1310—1411) между орденом, Литвой и Польшей, завершившейся разгромом орденской армии в битве при Грюнвальде 15 июля 1410 г., последовавшей затем неудачной для победителей осаде орденской столицы Мариенбурга (Мальборга), Первому и Второму Торуньскому миру, 13-летней войне между орденом, его светскими подданными и Польшей и дальнейшей истории ордена, вплоть до превращения Прусского государства 1525 г. в вассальное по отношению к Польше светское герцогство Пруссию — зародыш будущего Прусского королевства Гогенцоллернов.

Личное мужество прославило тевтонских рыцарей, но сражались они за исторически обреченное дело.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4444-0834-6

Моему сыну Виктору

Бог создал в наше время священные войны для того, чтобы рыцари и толпа, бегущая по их следу… могли найти новые пути к обретению спасения. И таким образом, они не должны полностью удаляться от мирских дел, уходя в монастырь или выбирая другую форму церковного служения, как это было раньше, но могут удостоиться в какой-то мере Божественной благодати, продолжая заниматься своим делом с той свободой и с тем внешним видом, к коим они привыкли…

Гвибер Ножанский,
автор «Монтекассинской хроники»

Эй, сюда, псы с павлиньими чубами!
Эй, сюда!

Генрик Сенкевич.
Крестоносцы

Maria mild, o Mutter zart,
Sei Du mein Schild zur Himmelfahrt![1]

Из молитвы рыцарей
Тевтонского ордена

1. ЗАЧИН

Не лепо ли бяшеть, братия, начати старыми словесы трудныя повести[2]... а впрочем, лучше

Мы слогом сегодняшним песню начнем,
На происшедшее глянув —
Певцу не к лицу избитый прием,
Ветхий обычай Боянов[3]!

---

[1] Кроткая Мария, о, нежная Мать,
Будь моим щитом при вознесении на небо!

[2] Слово о полку Игореве.

[3] Марк Тарловский. Речь о конном походе Игоря, Игоря Святославовича, внука Олегова (Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова).

Тевтонский[1] (Немецкий) орден Пресвятой Девы Марии был основан в 1190 г., в ходе 3-го крестового похода, при осаде западными крестоносцами («франками» или «латинянами») сарацинской (мусульманской) крепости Аккона (Акры, Сен-Жан д'Акра, Акки, Аккарона, Птолемаиды). Немецкие купцы из богатых северогерманских торговых городов Бремена и Любека (ставших впоследствии основой военно-политико-экономического Ганзейского союза) создали, под названием «ордена госпиталя (странноприимного дома) святой Марии тевтонов (немцев) в Иерусалиме», организацию, деятельность которой должна была первоначально ограничиваться уходом за многочисленными ранеными в боях и больными немецкими крестоносцами. Эта задача была поручена членам нового странноприимного ордена («орденским братьям») монашеского звания. Впоследствии ведущая роль в ордене Девы Марии перешла к рыцарям, которые, также принимая монашеский постриг, приносили обет (то есть обязательство) силой оружия бороться за сохранение Святого града Иерусалима под властью христиан (а впоследствии, после повторной потери Иерусалима христианами, — за его возвращение под их власть). В 1198 г. папа (епископ) римский официально признал странноприимное братство «тевтонов» («мариан») в качестве духовно-рыцарского ордена Римско-католической церкви под названием «ордена Дома Святой Марии Тевтонской», или «Тевтонского ордена Дома Святой Марии» (лат.: Ordo Domus Sanctae Mariae Theutonicorum). В период своего пребывания в Святой земле (Земле Воплощения, то есть главным образом в

[1] Тевтонами (или аллеманами) — этнонимами древних германских племен — на средневековой латыни именовались немцы, или, если быть точнее, подданные Священной Римской империи (германской нации). Поскольку мы намерены в дальнейшем (условно) именовать «тевтонами» членов духовно-рыцарского Тевтонского (Немецкого) ордена Девы Марии — «мариан», это название будет даваться нами в кавычках.

Палестине и Сирии) молодой Тевтонский орден оказался не в состоянии сравняться в силе и влиянии с учрежденными там значительно раньше военно-монашескими орденами храмовников (тамплиеров) и иоаннитов (госпитальеров). Сделавшись собственником многочисленных, однако разбросанных по всей Европе и Азии (главным образом, в Сирии, Палестине, Армении[1], Греции, Южной Италии, на острове Кипр и в Германии) земельных владений, полученных им в дар от светских и духовных властителей, Тевтонский орден в скором времени направил свои усилия на создание, с использованием своего внушительного военного потенциала, собственного единого, централизованного государства, способного обеспечить рост его могущества в большей степени, нежели разрозненные, хотя и многочисленные, мелкие владения. Особо тесные связи с Германией побудили Тевтонский орден отвлечь свое внимание от Святой земли. В 1222 г. «мариане», по приглашению короля Венгрии Андрея (Эндре) II (1205—1235), перенесли свою деятельность в Се(д) миградье (Трансильванию), где король поручил тевтонским рыцарям защищать пограничную область Бурца от нападений язычников-куманов (кипчаков, известных у нас на Руси под именем «половцев») и обеспечить ее колонизацию христианскими поселенцами. Однако уже в 1225 г. ордену «мариан» пришлось, под давлением венгерского короля, завершить этот эпизод своей истории, поскольку король (вообще-то весьма благоволивший соперникам «тевтонов» — иоаннитам) не пожелал терпеть существование автономной орденской области на территории своего королевства.

[1] В описываемую эпоху «Арменией» называлось государство, основанное в Киликии переселившимися туда под натиском мусульман армянами. Один из киликийско-армянских царей, Левон, не только щедро одарил «мариан» земельными владениями, но и сам вступил в Тевтонский орден в качестве «конфратера» («собрата»).

Еще до завершения се(д)миградской эпопеи «тевтонов», в 1222 г., их призвал на помощь польский герцог (князь) Конрад I Мазовецкий (1202—1247). Конрад, правивший также другой польской областью — Куявией (и являвшийся подданным императора «Священной Римской империи германской нации» Фридриха II Гогенштауфена) был не в состоянии собственными силами положить конец набегам литовского (а не славянского, как многие пишут и думают) племени язычников-пруссов (прутенов), успешно преодолевавших воздвигнутые поляками для защиты от их вторжений земляные валы и постоянно нападавших на Мазовию (Мазовше) с севера (а заодно и против близких сородичей пруссов — литовцев, также косневших в язычестве и опустошавших земли своих соседей огнем и мечом). Как вполне самостоятельный правитель, Конрад имел полное право так поступить. Ныне Мазовия — северо-восточная часть современной Польши (с центром в Варшаве, являющейся сегодня столицей всей Польши). Однако в описываемое время Мазовия составляла особую область, а польской столицей был город Краков, центр Малой (Юго-Восточной) Польши. Князь Конрад обещал вознаградить «братьев» Тевтонского ордена[1]

---

[1] В качестве полноправных членов в Тевтонский орден Приснодевы Марии в первые столетия его существования принимались главным образом отпрыски дворянских родов (как правило, младшие сыновья мелкопоместных рыцарей, не получавшие доли в отцовском наследстве), но, наряду с ними, также и не принадлежавшие в рыцарскому сословию (*лат.:* ordo equester, буквально: «всадническому сословию» — термин, заимствованный из терминологии Древнего Рима, где «всадниками» — «эквитами», *лат.:* equites — именовалось второе по знатности, богатству и значению сословие после патрициев-сенаторов) бюргеры (горожане) — главным образом, граждане торговых ганзейских городов Бремена и Любека (как дань уважения первым «тевтонским» страноприимцам, происходившим из этих двух городов) — и хорошо зарекомендовавшие себя незнатные воины-крестоносцы. Последние за особые заслуги,

за военную помощь Кульмской (Хелминской) землей и всей территорией Пруссии (которую, правда, еще предстояло завоевать).

2. О ПРУССКОЙ МИССИИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

От заключительного этапа истории пруссов (XII—XIV вв.) сохранилось немало погребений, позволяющих судить об уровне культуры — в том числе военной — прусских языч-

---

пройдя период послушничества и после принесения необходимых обетов и принятия монашеского пострига, возводились в сан «брата-рыцаря» (*лат.*: frater miles или frater militarius, буквально: «брата-воина») Тевтонского ордена лично гохмейстером (который сам обычно был выходцем из нетитулованного рыцарского сословия, и лишь в редких случаях — из аристократических родов Священной Римской империи). Подниматься по служебной лестнице до высших административных должностей могли, как правило, лишь «братья-рыцари», хотя бывали и исключения. Так, например, вышеупомянутый Верховный магистр Карл фон Трир был сыном бюргера немецкого города Трира на Рейне. «Братья-рыцари», «братья-сарианты» и «братья-священники» приносили обет пожизненного служения Тевтонскому ордену. «Братья», вступившие в Тевтонский орден, передавали ему всю свою движимость и недвижимость (если таковая имелась), навечно вешали щиты со своими фамильными гербами (если обладали таковыми) на стены орденской церкви и отныне украшали свой щит только черным на белом поле крестом ордена Святой Девы Марии. В случае их смерти или исключения из военно-монашеского братства все внесенное ими имущество оставалось в собственности Тевтонского ордена. И лишь впоследствии, когда орден превратился из военно-миссионерской организации в «госпиталь немецкого дворянства» (для вступления в который стали требоваться все более длинные списки поколений благородных предков), дело дошло до нашивания фамильного герба тевтонского рыцаря поверх украшавшего его белый плащ черного орденского креста, наложение родового герба на орденский крест в геральдических документах и других вопиющих нарушений устава Тевтонского ордена. Кроме «братьев-рыцарей» полноправными членами Тевтонского ордена были «братья-сарианты» («сервиенты», «сержанты») и «братья-священники» («братья-клирики», нем. «пристербрудеры», Priesterbrueder), от которых при вступлении в братство «мариан» не требовалось доказательства благородного происхождения.

ников эпохи их вооруженной борьбы с Тевтонским орденом. Особенно богатые находки были сделаны немецкими археологами, раскопавшими в конце XIX в. прусское погребение близ Штангенвальде (на Куршской косе). Пруссы хоронили своих покойников (во всяком случае, представителей родоплеменной знати) в деревянных гробах, облаченными в нарядные одежды с дорогими украшениями (в числе которых было и немало монет Тевтонского ордена). Мужчин погребали непременно с оружием — мечами, боевыми топорами и т.д. Не менее богатое прусское погребение было раскопано близ Гердауэна. Сделанные там археологические находки полностью подтверждают сообщение «Ливонской рифмованной хроники» (нем.: Livlaendische Reimchronik) о погребении прусских воинов, павших в бою с тевтонскими рыцарями в 1257 г., согласно которому прусские ратники были превосходно вооружены:

Spere, schilde, brunes, pfert,
Helme, keyen unde swert,
Brante man durch ihr willen;
Damit solden sie stilen
Den tuefel in jener worlde dort,

или, в переводе со средневерхненемецкого языка на современный русский:

«Копья, щиты, брони[1], лошадей,
Шлемы, палицы и мечи
Сожгли там по их воле;

[1] Кольчуги или панцири.

Этим они должны были утешить (или: насытить)
Дьявола в мире ином.

В данном случае речь шла о другом принятом у пруссов способе погребения — путем трупосожжения. Интересно, что среди перечисляемого вооружения прусских «дикарей» упоминаются кольчуги, панцири, шлемы и даже такое дорогое по тем временам оружие, как мечи. В погребениях находили многочисленные конские скелеты с удилами, стременами и сбруей, отделанной металлом (чаще всего — железом). Оружие (мечи, секиры, копья и т.д.), а также конская сбруя, стремена и шпоры прусских воинов часто инкрустировались серебром. Среди находок, сделанных в прусских погребениях, были особенно распространены подковообразные заколки-фибулы, а также бронзовые чаши, на которых были вырезаны фигуры ангелов и различные орнаменты (изделия христианских стран позднероманской эпохи).

Итак, эти якобы «дикие» пруссы на поверку были хорошо вооруженными, опытными в военном деле противниками, способными успешно противостоять тевтонским рыцарям не только на суше, но и на воде. У них имелись большие боевые корабли. Так, например, при осаде пруссами орденского замка Кёнигсберг «тевтоны» потопили несколько прусских кораблей (которых было в общей сложности 5), пустив при этом на дно 50 прусских воинов.

Ведя боевые действия на суше, пруссы предпочитали тактику «малой» (партизанской) войны, часто используя засады, неожиданные нападения, стремительные набеги и т.д., однако не раз сходились с «тевтонами» и в больших полевых сражениях. Они нередко побеждали воинов Христовых, но, как правило, им не удавалось воспользоваться плодами одержанных

побед. Обычно пруссы довольствовались тем, что могли вернуться домой с добычей.

Простые пруссы жили в бревенчатых избах, крытых камышом или соломой. Их домашняя утварь ограничивалась самыми необходимыми предметами.

Сказанное, разумеется, не относится к знатным пруссам (военным вождям и их дружинникам), жившим исключительно войной и привозившим из постоянных набегов на соседей богатую добычу.

Одежда пруссов, изготовленная чаще всего из шерстяных тканей, отличалась простым покроем и, судя по сохранившимся описаниям и изображениям, напоминала литовский народный костюм. В пище пруссы также были неприхотливы. В то же время они очень любили пиры с обильными возлияниями и обычно напивались допьяна. Те, кто были победнее, угощались на пирах хмельными медами, а те, кто побогаче, предпочитали алкогольный напиток покрепче, изготовленный из перебродившего кобыльего молока (короче говоря — кумыс). Подобно латышам, литовцам, русским и угрофинским народностям, пруссы очень любили париться в бане.

Они изготовляли для себя только самые необходимые предметы, а более художественные изделия приобретали путем обмена у соседей, находившихся на более высоком уровне развития. Так, они умели сами перерабатывать лен и шерсть в ткани, но предпочитали обменивать добытые на охоте меха на готовую шерстяную одежду, и в том числе на столь любимые ими ткани с вплетенными в них мелкими бронзовыми колечками.

Письменности пруссы не знали, поэтому изумлению их не было предела, когда христианские миссионеры показывали

им, как при помощи букв можно передавать слова и мысли отсутствующих людей.

Пруссы, отличавшиеся исключительной храбростью на поле боя, обладали и другими привлекательными чертами национального характера. Так, в эпоху, когда христианские народы, как чем-то само собой разумеющимся, пользовались так называемым «береговым правом» (позволявшим прибрежным жителям невозбранно грабить корабли, выброшенные бурей на берег, а мореходов даже убивать), пруссы оказывали помощь морякам и купцам, потерпевшим кораблекрушение или преследуемым морскими разбойниками. Как писал в 1075 г. Адам Бременский: «Можно было бы сказать немало похвального об обычаях пруссов, если бы только они исповедовали христианскую веру».

И в самом деле, религия пруссов была связана с жестокими, варварскими обычаями, включая сожжение пленников живьем на кострах. Их представления о браке также свидетельствовали о крайне низком уровне культуры. У пруссов процветало многоженство. Жен покупали и считали собственностью мужей, которые использовали их для домашних работ и для любых других целей. По обычаю, якобы завещанному пруссам их первым верховным жрецом (криво-кривейте) Прутенем (Прутено или Брутено), мужьям разрешалось даже сжигать жен на костре, если те нарушали супружескую верность или заболевали, да и по целому ряду других причин. Если муж умирал, жены переходили в собственность его старшего сына. Бывало и так, что отец и сын, из экономии, покупали себе одну общую жену на двоих. Учитывая все данные обстоятельства, не представляется удивительным, что прусские отцы семейств (обладавшие неограниченной властью над детьми и над всеми членами семьи, включая и рабов), предпо-

читали убивать своих дочерей, чтобы не обрекать их на столь печальную участь. В одной из своих булл, изданной в 1218 г., (анти)папа Гонорий III упоминает жестокий обычай пруссов оставлять в живых только одну из своих дочерей, ради продолжения рода.

Что касается внешности пруссов, то они (как и близкородственные пруссам литовцы) описываются как рослые, пропорционально сложенные люди вполне «нордического» типа — с голубыми глазами, белым цветом кожи и мягкими, светло-русыми или рыжеватыми волосами.

Язык пруссов был очень близок современным литовскому и латышскому языкам (то есть был не славянским, а балтским). Он оставался разговорным в Пруссии еще в эпоху Реформации, и первый светский герцог Пруссии, бывший Верховный магистр (гохмейстер) Тевтонского ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах, повелел перевести лютеранский катехизис с немецкого языка на прусский. Однако уже в 1625 г. мало кто пользовался в повседневной жизни прусским языком.

Религия пруссов заключалась в поклонении силам природы. Как писали орденские хронисты, пруссы «в своих заблуждениях почитают всякое существо как бога: солнце, луну и звезды, птиц, четвероногих зверей и даже жабу». Правда, они поклонялись животным не как таковым, а как символам богов или потому, что те обитали рядом со святилищами.

Несмотря на нашедшие в эпоху Ренессанса широкое распространение представления о том, что главными богами прусских язычников являлись Перкунас, Потримпас и Пиколлос, документально подтверждено их поклонение, в эпоху христианизации Пруссии Тевтонским орденом, только божеству Курхе. В послании Вармийского (Эрмландского) епископа папе римскому упоминаются также такие боги пруссов как

Патоллус и Натримпе, наряду с другими «богохульными фантасмами», однако без указания их «функций».

Поляки долго вели с пруссами пограничные войны, в которых успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Наконец польский князь (а с 1025 г. — король) Болеслав Храбрый, вассал римско-германского императора Оттона III, в конце X в. отвоевал у пруссов Хелминскую землю.

Именно при Болеславе отпрыск знатного и состоятельного чешского (богемского) рода Адальберт (по-чешски: Войтех, по-польски: Войцех) начал проповедовать среди пруссов христианство, что вполне соответствовало интересам Польши, надеявшейся, что, приняв христианскую веру, пруссы утратят хотя бы часть своей свирепой воинственности.

Адальберт начал свою проповедь среди пруссов словами: «Я — славянин и ваш апостол!» Почему-то некоторые историки делают неправомерный вывод о том, что пруссы были якобы не балтами, а славянами, как и святой Адальберт, именно на основании этих слов, хотя из них ничего подобного не явствует.

Узнав о цели прихода христианского миссионера, прусские язычники потребовали от него покинуть их страну. Тем не менее он проповедовал среди пруссов в течение пяти дней, после чего был убит. Голова Войцеха была отсечена язычниками и насажена на длинный шест — в назидание всем проповедникам христианства...

Несмотря на мученическую смерть Адальберта-Войцеха, Болеслав Храбрый не отказался от мысли обратить пруссов в христианскую веру. По его просьбе миссию Адальберта продолжил немец Брун (Бруно или Брунон), отпрыск рода графов Кверфуртских (родственников римско-германского императора Оттона III). Однако в скором времени миссионер и 16 со-

провождавших его «латинских» (римско-католических) монахов были обезглавлены прусскими язычниками в Восточной Пруссии.

Только в Мазовии пруссы в ходе набегов сожгли 250 церквей и 1000 деревень, убили около 20 000 и угнали в полон 5000 жителей. Даже учитывая известную склонность средневековых хронистов к гиперболизации, не подлежит сомнению, что число жертв прусских набегов было огромно. Если бы не вмешательство Тевтонского ордена, откликнувшегося на слезные мольбы Конрада Мазовецкого о помощи, пруссы вполне могли завоевать польские земли. Но, как бы то ни было, благодаря своевременному вмешательству рыцарей Девы Марии, этого не произошло.

Гохмейстер «тевтонов»[1] брат Герман фон Зальца согласился не сразу. Он долго вел переговоры и торговался с Конрадом Мазовецким, обязавшимся наконец, по Леслаускому договору 1230 г., передать ордену Девы Марии всю Хелминскую землю (нем.: «Кульмерланд», Kulmerland, Culmerland) от Древенца до нижней Вислы.

---

[1] Единственным внешним отличием Верховного магистра от остальных рыцарей ордена Приснодевы Марии в описываемый ранний период орденской истории являлся нашитый на груди его белого кафтана (котты) или полукафтанья (сюрко) черный крест с серебряной окантовкой — первоначально прямой, но со временем превратившийся в лапчатый. И лишь позднее в гардеробе тевтонских гохмейстеров появились упоминаемые в расходных книгах орденского казначея отороченные лисьим мехом перчатки, собольи накидки с золотой каймой, шелковые плащи, дорогие русские меховые шапки, серебряные пряжки, золотые шпоры, янтарные четки и прочие предметы роскоши, отнюдь не подобающей монахам (пусть даже и рыцарского звания). К концу XV в. серебряную окантовку, судя по дошедшим до нас иллюстрациям и гравюрам, получили и черные лапчатые кресты на белых плащах простых рыцарей и священников Тевтонского ордена. Именно этот черный, прошитый серебром тевтонский крест впоследствии, в начале XIX в., вдохновил прусских художников на создание знака Железного креста, а в годы Первой мировой войны — эмблем для боевых машин и самолетов германской армии.

Папа римский санкционировал миссию ордена «мариан», а римско-германский император Фридрих II выданной в итальянском городе Аримине (Римини) особой грамотой (так называемой «Золотой буллой Римини») даровал Верховному магистру «тевтонов» в Пруссии (которую, повторимся, еще предстояло завоевать) все права суверенного государя (в Леслауском договоре не было оговорено главенство Польши — а точнее говоря, Конрада Мазовецкого — над Тевтонским орденом на дарованных ему землях; император Фридрих и папа римский воспользовались данным обстоятельством, объявив эти владения ордена Девы Марии собственностью Римско-католической церкви).

Таким образом, Тевтонский орден на дарованных ему и впоследствии покоренных и христианизированных им прусских землях не являлся ленником, или вассалом, ни Конрада Мазовецкого, ни германского («римского») императора, получив полную автономию и избавившись от верховного владычества над собой Священной Римской империи (германской нации).

В результате многолетней войны собравшимся со всей Европы крестоносцам под предводительством Тевтонского ордена удалось наконец покорить Пруссию. Победы «тевтонам» обеспечивал именно постоянный приток крестоносцев со всей Европы. Особенно важную роль играли английские крестоносцы. В честь них основанный в 1230 г. «тевтонами» очередной замок был назван Георгсбургом («Георгиевским замком», то есть «Замком святого Георгия» — небесного покровителя и заступника «веселой Англии»). Не менее активно участвовали в вооруженных паломничествах ратей Тевтонского ордена в земли языческих пруссов также французские и

шотландские крестоносцы (в частности, представители рода Сен-Клэров, или Синклеров).

При покорении Пруссии западными христианами вовсе не произошло геноцида прусского населения и замены его немецкими колонистами.

Вопреки этим широко распространенным, но оттого не менее ложным представлениям, Тевтонский орден совершенно не стремился к поголовному истреблению не только пруссов, но и других прибалтийских племен (и тем более — славян). В его задачу входило обращение язычников в христианскую веру, и это являлось как бы единственным оправданием всех его завоеваний. Большинство пруссов, приняв (пусть и не всегда и не совсем добровольно) Святое Крещение, продолжало жить на прежнем месте, хотя и под новыми, христианскими, именами, в качестве арендаторов орденских земель или горожан, составляя вспомогательные дружины ордена Святой Девы Марии в военное время — подобно «чуди» (эстам-эстонцам) в орденской Ливонии. Эти прусские слуги Тевтонского ордена (проживавшие частично в орденских замках, частично — в предоставленных им орденом «мариан» на правах военного бенефиция (поместья) имениях, расположенных в сельской местности), именовались «витингами», «вейтингами» или «вайтингами».

«Тевтонам» (как, скажем, и крестителю Руси святому равноапостольному князю Владимиру Красное Солнышко) приходилось порой насаждать христианство огнем и мечом. Поэтому не представляется удивительным, что в 1260 г. на покоренных землях вспыхнуло восстание пруссов, продолжавшееся до 1273 г. Лишь ценой огромных усилий, большой крови и при помощи «гостей», то есть крестоносцев-«интернационалистов», съехавшихся для вразумления язычников со всех концов Евро-

пы, Тевтонскому ордену удалось наконец подавить восстание пруссов (при помощи части прусской знати — «витингов», — сохранивших верность христовой вере и Ордену, как своему «коллективному сюзерену»).

Необходимо заметить, что среди пруссов еще до появления на их землях «тевтонов» шла ожесточенная борьба за власть между военными предводителями — «куни(н)гасами» — и языческими жрецами, приводившая во многих случаях к переселению прусских военных вождей с их дружинами в соседние земли — например, в Литву или в Новгород, где даже возник целый «Прусский конец (квартал)»[1]. Душой восстания

---

[1] Наличие в славянском (по преимуществу) Новгороде «прусского конца» (квартала), Прусской улицы и тому подобные исторические факты вовсе не служат доказательством славянского происхождения переселившихся в Новгород балтийских прус(с)ов. Во многих городах средневековой Европы — например, в Киеве, Царьграде, Вормсе, Кёльне и др. — были иудейские кварталы. Это вовсе не означает, что жившие в них иудеи были славянами, греками или немцами. На прусском языке во владениях Тевтонского ордена (а впоследствии — в учрежденном на их месте немецком светском Прусском герцогстве) говорили еще в XVI в. Тогда же, в эпоху Реформации, был составлен прусско-немецкий словарь, сохранившийся до наших дней. Из него однозначно явствует, что прусский язык был не славянским, а балтским, близко родственным литовскому и в несколько меньшей степени — латышскому. Известные слова немецкого философа Фридриха Ницше о том, что «немцы вошли в число великих наций благодаря большому проценту славянской крови», относится к действительно вобравшим в себя немало славянских крови и черт немцам-бранденбуржцам, немцам-саксонцам и немцам-мекленбуржцам (покорившим и обратившим в христианство полабских, т.е. живущих по Эльбе, славян-вендов, или сорбов), а также к немцам-пруссакам (ибо в состав королевства Пруссии после трех разделов Польши в конце XVIII в. действительно вошло многочисленное славянское — польское, кашубское и мазурское — население), но никак не к балтам-пруссам, из смешения которых с немецкими колонистами, прибывавшими на протяжении ряда веков из разных частей Германии, образовался субэтнос пруссаков. Не случайно в русском языке проводится четкое различие между прус(с)ами (балтами) и пруссаками (немцами). Кстати, в немецкой (и не только немецкой) ученой среде распространена точка зрения, согласно которой древние прус(с)ы образовались в результате смешения древних балтских племен

против власти христианского Тевтонского ордена были как раз языческие жрецы («криве») пруссов. Поэтому не представляется удивительным, что многие военные вожди пруссов, в поисках союзников против своих врагов-жрецов, принимали в этой борьбе сторону «тевтонов», враждебных, будучи христианскими миссионерами, врагами языческих жрецов «по определению».

При достижении поставленной цели «орденские братья», как и все тогдашние «крестители», не слишком-то стеснялись в выборе средств. Покоренные пруссы были поставлены перед выбором: «Крещение или смерть» (нем.: Taufe oder Tod). В конце концов они «покорились вере и братьям», по выражению орденского хрониста. После покорения пруссов начался процесс их постепенной германизации, сопровождавшийся колонизацией прусских земель переселенцами из Германии. Базой для нее являлась «Кульмская грамота» (нем.: Kulmer Handfeste) 1233 г., гарантировавшая будущим переселенцам — как крестьянам, так и горожанам — в прусские владения Тевтонского ордена широкие права и заманчивые привилегии. Свои завоевания в Пруссии орден Девы Марии закреплял и защищал, возводя все новые замки (бурги), которые первоначально представляли собой деревянно-земляные укрепления, а впоследствии (в особенности после восстания пруссов 1260—1273 гг.) строились из кирпича или из камня[1].

с германцами-готами, переселившимися в Прибалтику из Скандинавии (в том числе с острова Готланд). Так, скажем, название прусского военного вождя — «кунингас» — явно происходит от древнего германского слова «кунинг» (король), родственного скандинавскому «конунг», немецкому «кениг» и английскому «кинг», имеющим аналогичное значение.

[1] «Тевтонские» замки в Пруссии чаще строились из кирпича (производство которого было налажено «марианами» на месте), а в Ливонии (Лифляндии) — из камня.

Крупнейшими из этих замков были Торн (1231), Мариенвердер (1233), Эльбинг (1237), Христбург (1247), Мемель (1252), Кёнигсберг (1252) и Мариенбург-на-Ногате (строительство которого началось в 1274 г.).

Прусские простолюдины, добывавшие себе хлеб насущный в качестве сельскохозяйственных рабочих и арендовавшие небольшие участки земли у «витингов», именовались «гертнерами». Представители этой категории прусских подданных Тевтонского ордена в случае войны сопровождали своих помещиков-«витингов» в качестве пеших воинов, вооруженных достаточно просто (обычно — боевым топором и ножом) и имевших из защитного вооружения в лучшем случае щит и шлем (железный колпак).

Многие прусские военные вожди, отчаявшись в победе над «марианами», но не желавшие им покориться, бежали со своими дружинами в соседнюю Литву или в Новгород, где даже возник целый «Прусский конец (квартал)».

К 1253 г. восстание пруссов было подавлено «марианами» и пришедшими им на помощь крестоносцами. Не располагая осадной техникой, повстанцы оказались не в состоянии овладеть орденскими замками и вытеснить «тевтонов» из Пруссии, лишив их опорных баз.

В 1254 г. в Пруссию прибыло многочисленное крестоносное ополчение под командованием богемского короля Оттокара II Пшемысла, маркграфа Оттона Бранденбургского и графа Рудольфа фон Габсбурга (которому, по велению судьбы, было суждено впоследствии разгромить и убить Оттокара в борьбе за престол Священной Римской империи).

Крестоносцы замирили прусские племена севернее реки Прегеля (Преголи) и заложили на высоком холме («горе»)

близ реки крепость Кёнигсберг[1], назвав ее «Королевской горой» в честь чешского короля Оттокара.

К 1283 г. все уцелевшие к тому времени прусские вожди-«куни(н)гасы» присягнули на верность Тевтонскому ордену Святой Девы Марии. Этот год считается годом окончательного замирения Пруссии. Первоначально «тевтоны» оставляли простым пруссам их свободу, а знатным — их привилегии (если пруссы принимали крещение). У отказавшихся креститься конфисковали имущество, а самих изгоняли. Во время и после восстаний пруссы были поставлены вне закона. Многих из них убивали, а тех, кто остался в живых, обращали в рабов — «дреллов» (нем.: Drellen) или расселяли по другим землям. Кроме того, орден Приснодевы Марии постоянно мобилизовал прусских мужчин в свое войско во время походов.

В то же время очень многие вожди местных племен добровольно принимали христианство и активно участвовали в военных походах Тевтонского ордена. Орден Девы Марии весьма ценил их за верную службу и старался по достоинству вознаградить. Как правило, в качестве награды отличившимся неофитам предоставлялись земельные наделы, освобождение от податей и т.д. Поэтому с течением времени даже те из пруссов, куршей, ливов, леттов, латгалов, земгалов (семигалов) и эстов, кто поначалу оказывал ордену активное сопротивление, постепенно смирялись с положением вещей и начинали ему служить. Немалую часть орденского войска составляли воины-прибалты, принявшие христианство или склоняющиеся к его принятию.

В орденских хрониках историков Петра из Дусбурга, Иоганна (Иоганнеса, Иоанна) из Посильге (Посилие), кёниг-

---

[1] По-польски: Кинсберг или Крулевец.

сбергского капеллана Николая (Николауса) из Ерошина и др. зафиксированы имена многих крещеных пруссов, верно служивших делу ордена и своей кровью, пролитой на поле брани, засвидетельствовавших свою верность Христу и Верховному магистру, — Глаппо, Стовмел, Конрад-Дьявол, Мартин из Голина и многие другие прусские «витинги».

Правда, некоторые из окрещенных прусских «витингов» — например, известный своим участием в «Великом восстании пруссов» 1260 г. ренегат Генрих Монте (Геркус Мантас) — изменяли ордену, но такие были скорее исключением из правила. Как правило, «тевтоны» расправлялись с изменниками не менее беспощадно, чем, скажем, святой благоверный князь Александр Невский. Генриха Монте, например, поймав его в лесу (возможно, почитавшемся жрецами прусских язычников священным), в котором он укрывался, привязали к дереву, сорвав с него рубаху, и пригвоздили мечом к древесному стволу (или повесили). Был казнен и изменивший ордену вождь пруссов Гланде. Другой Гланде (вероятно, родственник казненного предводителя мятежников) бежал из Пруссии в Новгород. Возможно, именно он был тем самым знатным пруссом Гландой Камбилой, который, приняв христианскую веру в ее православном варианте, под именем Андрея Кобылы, стал на Руси прародителем рода Романовых, взошедших в 1613 г. на царский престол.

В походах орденского войска «витинги» выступали под собственной хоругвью (баннером, или знаменем).

Прусские подданные ордена Девы Марии вели со своим коллективным сюзереном переговоры через особого представителя их интересов — «ландкеммерера» (Landkaemmerer), которому помогали подчиненные ему «пакморы» (Pakmore). Аналогичных представителей, именовавшихся «флодерами»

или «влодерами» (Vloder), имело и вассальное по отношению к Тевтонскому ордену поморское (померанское) дворянство.

Аналогичные процессы происходили и в Ливонии, где «Воинству Христову» («братьям-рыцарям Христовым») — ордену меченосцев (гладиферов или «братьев Меча», нем.: Schwertbrueder) — оказывали активную поддержку, например, окрестившийся вождь (король) угро-финского племени ливов (по которому завоеванная крестоносцами-«латинянами» земля, собственно, и была названа Ливонией, хотя ливы, именуемые друвнерусскими летописцами «ливь», отнюдь не являлись ее единственным туземным населением) Каупо и его сын, погибшие в бою с язычниками-эстами (предками современных эстонцев). От Каупо и его сына произошел известный прибалтийский род фон Ливен, многие представители которого сыграли выдающуюся роль в российской истории. Но это так, к слову.

На военную службу крещеные союзники «тевтонов» (именовавшиеся, как мы уже знаем, в русских летописях «чудью») являлись в своем исконном вооружении. Конные прусские воины-«витинги», или «великие (большие) свободные» (по «тевтонской» орденской терминологии) — в сфероконических шлемах с кольчужной бармицей, кольчугах или пластинчатых (ламеллярных) панцирях (по-немецки: «платтенгарниш», Plattenharnisch; поэтому военная служба прусской знати Тевтонскому ордену именовалась «платтендинст», Plattendienst), с большими круглыми или каплевидными щитами, копьями, мечами или длинными боевыми тесаками («дуссаками» или «дуссегами», о которых еще пойдет речь далее). Пешие («малые свободные») ратники — тоже в шлемах с бармицами, кольчужных рубахах, с круглыми щитами, копьями, сулицами (дротиками) и боевыми ножами (мечи стоили дорого и были далеко не всякому по карману). Необходимо за-

метить, что вспомогательные контингенты орденских войск оказали немалое влияние на тактику боевых действий и даже на состав вооружения «тевтонов» в Прибалтике.

Многие элементы прибалтийского вооружения — например, дротики-сулицы, или легкие круглые прусские щиты, равно как и литовские щиты-тарчи с вертикальным рельефным выступом посредине (так называемые «прусские павезы»), со временем заняли полноправное место в комплексе военного оснащения воинов Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии и Прибалтике, придав ему специфический, неповторимый облик.

Так, в сражении при Танненберге (Грюнвальде) 15 июля 1410 г., если не решившем окончательно, то во многом предопределившем исход противоборства рыцарей Пресвятой Девы Марии с поляками и Литвой и судьбу Тевтонского ордена в Пруссии, даже многие рыцари отборного отряда орденского войска, атаковавшего польского короля Владислава, были, в отличие от противостоявших им поляков, вооружены не длинными тяжелыми копьями, а именно сулицами (вследствие чего поляки из состава атакованной «тевтонами» Великой Королевской хоругви поначалу даже приняли их за литовцев).

Когда папа римский Григорий IX объявил очередной Крестовый поход против язычников в Пруссии, «тевтоны», собрав все наличные силы, прошли всю территорию от Немана до Вислы. В ходе Крестового похода Польша лишилась Добжинской (Добринской) земли и Поморья (Померании), Куявия же сделалась территорией постоянных набегов и войн. К 1237 г. орден Святой Девы Марии завладел восточным побережьем Балтийского моря и устья рек Вислы, Дины и Немана (Мемеля).

На завоеванной многонациональными армиями крестоносцев во главе с «тевтонами» территории и сложилось упоми-

навшееся нами выше самостоятельное тевтонское орденское государство, просуществовавшее до начала XVI в.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что «братья» Тевтонского ордена составляли только отборные части и гарнизоны возводившихся на покоренных землях замков. Все крупные сражения были выиграны крестоносцами, съезжавшимися на помощь «тевтонам» сначала из Польши и Северной Германии, а впоследствии — со всей германской метрополии, из современных Бельгии и Голландии, Франции и Англии.

Покорив и обратив в христианство пруссов, «тевтонам» сразу же пришлось иметь дело с другим, родственным пруссам, и не менее агрессивным языческим племенем — литовцами. В последующие десятилетия в среде европейского дворянства вошло в обычай получать посвящение в рыцари «в Пруссии» (которую в то время нередко путали с Литвой[1]

---

[1] Кстати говоря, первое упоминание топонима «Литва» в письменных источниках связано с христианской миссией (он упоминается в связи с убийством в 1009 г. святого Бруно Кверфуртского язычниками на границе Пруссии и Литвы). Литовцы приняли христианство после всех других европейских народов. Великий князь Литвы Миндовг-Миндаугас был крещён в 1251 г., а спустя 2 года, с благословения папы римского Иннокентия IV, коронован королем Литвы. Однако, вследствие постоянных политических и военных конфликтов с орденом Приснодевы Марии, Миндовг, через десять лет после крещения, отрёкся от христианской веры. Великий князь литовский Гедимин (1316—1341), основатель династии Гедиминовичей, всю свою жизнь оставался язычником, несмотря на то, что в письмах папе римскому Иоанну XXII неоднократно лицемерно выражал желание принять христианство. Потомки Гедимина по политическим соображениям также балансировали между язычеством и христианством, и в то же время между Западной (Римско-католической) и Восточной (Греко-кафолической, или православной) церковью. Сын Гедимина Ольгерд, имнуемый современными литовскими историками Альгирдасом (1345—1377), принял православное крещение, но, по мнению Владимира Антоновича, старался придавать своему вероисповеданию частный характер, не принуждая своих подданных креститься, вследствие чего большинство литовцев сохраняло языческие верования. Несмотря на принятие великим князем Ольгердом христианства по православному обряду, в его правление приняли мученическую смерть за веру православные Виленские мученики (1347) и католические

из-за близкого родства населявших обе области народностей), в ходе своеобразных, полных опасностей «сафари» против тамошних язычников. И неслучайно английский «рыцарь без

монахи из духовного ордена францисканцев (1368). Православные Виленские мученики — придворные литовского князя — Антоний и Иоанн были повешены литовскими язычниками за исповедание христианства. Евстафия же язычники перед повешением подвергли трехдневным пыткам, перебив ему ноги, срезав с головы волосы с кожей и отрезав нос и уши. Виленские мученики прославлены Русской православной церковью. Крещение Литвы (по римско-католическому обряду) произошло лишь при сыне Ольгерда — Ягайло (Йогайло, Ягайле, по-польски: Ягелло), окрещенном при рождении по православному (восточному) обряду, но впоследствии впавшем в язычество. 14 августа 1385 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена Кревская уния, положившая начало образованию двуединого литовско-польского государства. Уния предусматривала брак польской королевны Ядвиги и Великого князя Литовского Ягайло, коронацию Ягайло королем польским и крещение Ягайло и литовцев в католическую веру. 15 февраля 1386 г. Ягайло был крещен в столице Польского королевства Кракове под именем Владислав. Вслед за королем крестились его родственники и большая часть литовского великокняжеского двора. В 1387 г. Ягайло вернулся в Литву. В столице Литвы Вильне (ныне — Вильнюс) на месте святилища Пяркунаса (верховного бога литовского языческого пантеона, аналогичного прусскому Перкунасу) им был построен кафедральный собор Святого Станислава (христианского мученика и небесного покровителя Польши). В последующие несколько лет всё языческое население литовской области Аукштайтии (Аукштайте) было крещено по «латинскому» (римско-католическому) обряду (насколько искренне эти новоиспеченные «латиняне» обратились ко Христу — это уже другой вопрос), в то время как другая литовская область — Самогития (Жемайтия, Жемайте, Жмудь), отошедшая Тевтонскому ордену, оставалась языческой. В 1389 г. папа римский Урбан VI (формально являвшийся верховным главой Тевтонского ордена, стоящим выше гохмейстера) официально признал Литву христианской католической страной. Внук Ягайло, Казимир, был канонизирован и почитается Святым Небесным покровителем Литвы. Великий князь Литовский Витовт (Александр), двоюродный брат Ягайло, проводил активную церковную политику, построил целый ряд церквей, боролся с пережитками язычества. Последней литовской областью, принявшей христианство (естественно, по «латинскому» обряду), стала Самогития-Жемайтия, крещёная в 1413 г., после того как она, по 1-му Торнскому (Торуньскому) мирному договору не была отторгнута от владений Тевтонского ордена и передана под власть Великих князей Литовских. Надо ли говорить, что, несмотря на формальную ликвидацию язычества в Литве, к началу XV в. среди литовского крестьянства еще долгое время сохранялись языческие обряды и традиции — например, почитание ужей, дубов и т.д.

страха и упрека» Найджел Лоринг, владелец герба с алыми розами и главный герой исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд» любимого писателя нашего детства сэра Артура Конан Дойля, также участвовал в Крестовом походе в землю Пресвятой Девы Марии:

«Во всех христианских землях снова царил мир, человечество пресытилось войнами, и удовлетворить свое страстное желание (совершить третий подвиг, который разрешил бы его от обета. — *В.А.*) Найджел мог только в далекой Пруссии, где тевтонские рыцари вели нескончаемые сраженья с литовскими язычниками. Но чтобы отправиться в Крестовый поход на север, человеку мало было обзавестись деньгами и завоевать славу доблестного рыцаря, и прошло еще десять лет, прежде чем со стен Мариенбурга Найджел взглянул на воды Фришгафа (по-польски: Вислинского залива. — *В.А.*), а потом выдержал пытку раскаленной плитой, когда отправлялся к священной скале Вотана (вероятно, все-таки не древнегерманского Вотана, а литовских богов Пяркунаса или Потримпаса. — *В.А.*) в Мемеле...» (Артур Конан Дойл. «Сэр Найджел»).

Впоследствии знатный английский рыцарь Ричард Йоркский, пришедший на помощь ордену Святой Девы Марии, со славой пал в битве с польско-литовским воинством при Танненберге 15 июля 1410 г., и даже враги дивились проявленной им доблести.

В 1237 г. Тевтонский орден включил в свой состав остатки ордена братьев-меченосцев («бедной братии Христовой»), организованного в 1202 г. по образцу ордена рыцарей Христа и Храма (храмовников-тамплиеров), основавшего в Ливонии (на территории современной Латвии и части современной Эстонии) отдельное государство и наголову разгромленного

литовцами при Сауле (Шауле) в 1236 г. (в этой битве с литовскими язычниками пал и последний «войсковой магистр» — «геермейстер» меченосцев-гладиферов Фольквин, или Волквин, фон Винтерштетен). Первым провинциаальным магистром (ландмейстером) Тевтонского ордена в Ливонии стал ландмейстер Пруссии Герман Бальк[1].

3. О ПРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Включив в свой состав владения меченосцев, Тевтонский орден к 1239 г. взял под свой контроль все балтийское побережье. Орденское государство имело строго иерархическую структуру. Орденские земли (провинции) Пруссия и Ливония (Лифляндия) были разделены на административные и военные округа — комтурства (комтурии) или фогтства (наместничества) и пфлегшафты (имения). Каждым комтурством руководил конвент (совет), состоявший (в идеале) из 12 орденских «братьев-рыцарей» во главе с комтуром, или комментуром (этому званию в других духовно-рыцарских орденах соответствовало звание командора или коммендатора). Комтур был облечен правом принятия решений (после предварительного обсуждения со своими собратьями) в рамках своей зоны административной ответственности. Заместителем комтура являлся «домовый комтур» (гаузкомтур, Hauskomtur), облеченный правом принятия решений в отсутствие (или в случае болезни) комтура. Сюзереном (верховным владыкой) орденского государства являлся глава ордена Девы Марии — Вер-

[1] В разных источниках фамилия первого ливонского (и одновременно — прусского) ландмейстера «тевтонов» пишется по-разному: Балк, Бальк, Балке, Бальке, Вальке, Фальке («Сокол») и т.д.

ховный магистр (нем.: гохмейстер, homeyster, Hochmeister), избиравшийся пожизненно Генеральным капитулом (Верховным советом) Тевтонского ордена. Верховный магистр являлся также Верховным главнокомандующим орденской армией. Генеральный капитул, избиравший Верховного магистра, состоял из 12 членов — представителей «братьев-рыцарей», в число которых входили:

1) 5 высших должностных лиц — «гроссгебитигеров» («великих повелителей», именуемых в русскоязычной исторической литературе также «великими советниками» и «великими лицами») — ордена Приснодевы Марии из Пруссии,

2) ландмейстер (земский, или провинциальный, магистр) и ландмаршал (земский маршал) ордена Приснодевы Марии из Ливонии;

3) дейчмейстер (германский, или немецкий, магистр, то есть управитель орденскими владениями «тевтонов», расположенными на территории тогдашней Германии);

4) 4 наиболее авторитетных комтура.

Теоретически гохмейстер Тевтонского ордена был неограниченным, самодержавным правителем. Однако на деле в осуществлении функций управления орденом «мариан» Верховному магистру помогали упомянутые выше пять «гроссгебитигеров», Grossgebietiger (именовавшихся порой просто «гебитигерами», Gebietiger, то есть «повелителями»), с которыми Верховный магистр, согласно орденскому уставу, был обязан совещаться при решении важных вопросов.

В число этих «гроссгебитигеров» входили:

1) Великий комтур (нем.: гросскомтур, Grosskomtur) — заместитель Верховного магистра, осуществлявшего верховный надзор над управлением страной и над резиденцией ордена и Верховного магистра. В соответствии с кругом своих за-

дач, гросскомтур пребывал в столице орденского государства (с 1274 г. — в Эльбинге, а затем — в Мариенбурге-на-Ногате).

2) Верховный маршал (нем.: оберстер маршал, Oberster Marschall, или просто маршал), отвечавший за все военные вопросы, включая вопросы вооружения и снаряжения. В XIV в. должность Верховного[1] маршала была объединена с должностью комтура Кёнигсберга (вероятно, в связи с тем, что Кёнигсберг располагался в непосредственной близости главного — литовского — театра военных действий). В отсутствие Верховного магистра маршал становился Верховным главнокомандующим орденского войска (в этом случае маршалу должен был подчиняться даже великий комтур).

3) Верховный казначей (нем.: оберстер тресслер, Oberster Tressler, или просто тресслер, Tressler), ответственный и подотчетный за все финансы ордена Девы Марии. Его местопребыванием также был Мариенбург.

4) Верховный ризничий (нем.: оберстер траппьер, Oberster Trappier, Oberster Drappier, или просто траппьер, Trappier, Drappier, именуемый иногда в русскоязычной исторической литературе Великим ризничим или Великим интендантом), отвечавший за одежду и обувь «тевтонов». Его должность была объединена с должностью комтура Христбурга.

5) Верховный госпитальер (нем.: оберстер шпиттлер, Oberster Spittler, или просто шпиттлер, Spittler, нередко именуемый в русскоязычной исторической литературе Великим госпитальером или Великим госпиталарием), отвечавший за медицинскую службу, больницы и странноприимные дома (госпитали) Тевтонского ордена.

---

[1] В русскоязычной литературе Верховный маршал «тевтонов» обычно именуется «Великим маршалом».

Со временем, когда, после завершения христианизации Пруссии и Ливонии, экономические аспекты (в первую очередь — торговля янтарем и хлебом) стали играть все более важную роль в жизни ордена Девы Марии, в его структуре появились соответствующие должности: «шефферы» (Schaeffer), руководившие торговыми операциями орденских комменд и подчинявшиеся «великим шефферам» («гроссшефферам», Grosschaeffer). Таких «великих шефферов» было два — один в Кёнигсберге, другой — в Мариенбурге. О размахе торговли Тевтонского ордена, скажем, пушниной, говорит хотя бы следующий факт. В 1399—1402 гг. — на пике своего экономического развития — орден Девы Марии вывез только из Новгорода (с которым активно торговали и сами «орденские братья», и расположенные в орденских владенниях ганзейские города) более 300 000 беличьих шкурок. В иные годы «тевтонский» экспорт из Новгородской земли доходил до 500 000 шкурок белки, десятков тысяч шкурок ласки, нескольких тысяч горностаевых и соболиных шкурок, от 100 до 150 тонн пчелиного воска, необходимого для производства восковых свечей (только в город Ревель — нынешний Таллин — в 1368 г. было завезено из Новгорода 18 тонн воска) и т.д. Впрочем, довольно об этом...

Поскольку стабильной сухопутной связи между орденскими владениями в Пруссии и Ливонии не существовало, а большие размеры обеих орденских провинций (в особенности — более обширной и протяженной Ливонии) затрудняли эффективный контроль из прусского Мариенбурга, ландмейстер Ливонии (лат.: magister Livoniae или magister Livonie) фактически сам отвечал за ее судьбу. Заместителем и главным советником ливонского ландмейстера был ландмаршал. В истории Тевтонского ордена его ливонский филиал, несмотря на свое

подчинение пребывавшему в Пруссии Верховному магистру, сохранял достаточно самостоятельное положение, что, вероятнее всего, объяснялось фактом возникновения ливонского филиала Тевтонского ордена на землях, завоеванных орденом братьев-меченосцев. Прибывавшие в Пруссию и проходившие там службу тевтонские «братья-рыцари» были родом, как правило, из Центральной и Южной Германии. «Братья-рыцари», прибывавшие в Ливонию, напротив, в большинстве своем были северогерманского и западногерманского происхождения.

Согласно уставу Тевтонского ордена, «братья-рыцари» были обязаны неустанно вести вооруженную борьбу с «врагами Креста и Веры». Вступавшие в орден «мариан» рыцари — как правило, младшие сыновья представителей средне- и мелкопоместного немецкого дворянства (министериалов), приносили обеты нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания. Однако не следует забывать, что они (по крайней мере, в большинстве своем) в описываемое время вступали в орден Девы Марии не только ради спасения души. Очень многие из них связывали с этим судьбоносным решением возможность вести рыцарский (воинский) образ жизни, то есть воевать с неверными (а война с неверными еще со времен блаженного Августина признавалась Церковью справедливой и богоугодной войной), получая при этом приличное рыцарю содержание на протяжении своей земной жизни.

Духовным окормлением членов ордена занимались «братья-клирики» («братья-священники»), число которых на первых порах было невелико. Впоследствии именно «братья-священники» составляли капитул соборов и избирались на епископские кафедры в Кульмской, Помезанской, Эрмландской (Вармийской) и Замландской (Самбийской) епархиях

(диоцезах), учрежденных в 1243 г. в завоеванной Пруссии. Только Эрмландскому епископству удалось сохранить относительную независимость от Тевтонского ордена.

Отдельную группу или категорию («сословие», «чин») членов ордена Девы Марии составляли «братья-сарианты» (нередко именуемые в русскоязычной военно-исторической литературе «оруженосцами»), соответствовавшие «вооруженным сервиентам» (лат.: servientes armorum), или «вооруженным сержантам» других военно-монашеских орденов. Будучи совершенно полноправными членами ордена (хотя и не рыцарского происхождения и звания), «братья-сарианты» (также являвшиеся, в силу приносимых ими приведенных выше трех обетов, монахами) несли воинскую службу наравне с «братьями-рыцарями», отличаясь от них лишь несколько облегченными доспехами и вооружением. Число «братьев-сариантов» (нем.: «сариантсбрюдер», Sariantsbrueder, Sarjantsbrueder) Тевтонского ордена в Святой земле и в Пруссии превышало число таковых в орденской Ливонии.

От «братьев-сариантов» следует отличать «услужающих братьев» (нем.: «диненде брюдер», dienende Brueder), или просто «динеров» (нем.: Diener), то есть буквально «слуг» Тевтонского ордена.

«Услужающие братья» были неполноправными членами ордена Девы Марии. Они несли службу и выполняли различные работы в «орденских домах», а также нередко становились управляющими имениями Тевтонского ордена на завоеванных территориях.

Власть Тевтонского ордена распространялась также на его многочисленные, хотя и разрозненные, владения за пределами Пруссии и Ливонии — в Германии. Орденские владения в Германии были разделены на 12 земских баллеев (ландбаллеев). Непо-

средственное руководство ими входило в круг задач упомянутого нами выше германского магистра (дейчмейстера) Тевтонского ордена.

Кроме того, орден Приснодевы Марии имел разрозненные земельные владения (баллеи), расположенные на территории Голландии (например, Утрехтский баллей, существующий до сих пор), Австрии, Италии, Богемии (Чехии), Греции, на острове Кипр и даже в Испании. Во главе каждого из этих владений стоял особый земский комтур (ландкомтур), управлявший им под свою ответственность.

После завершения завоевания Пруссии Тевтонский орден обратил свои взоры на Запад, стремясь соединить свои владения по суше с Германией (или, точнее говоря, со Священной Римской империей). В результате «братья-мариане» вступили в конфликт с Польским королевством. В этом конфликте орден Девы Марии одержал верх и завладел Помереллией (Восточной Померанией, или Восточным Поморьем), а также портовым городом Данцигом (по-польски: Гданьском).

Верховный магистр Тевтонского ордена Зигфрид фон Фейхтванген (1303—1311) перенес в 1303 г. свою резиденцию (и тем самым — столицу ордена) поначалу в Эльбинг (по-польски: Эльблонг), а затем — в Мариенбург (по-польски: Мальборк, или Мальборг) на реке Ногате (на территории ливонских владений «тевтонов» имелся еще один Мариенбург, по-латышски: Алуксне). С этого момента должность ландмейстера Пруссии была слита с должностью Верховного магистра. После присоединения к орденским владениям Помереллии Мариенбург стал географическим центром орденского государства, простиравшегося от Германии — через Пруссию — до Ливонии. Тем самым магистр продемонстрировал всему миру, что государство Тевтонского ордена — самостоятель-

ная и независимая держава. Благодаря своим гигантским размерам замок Мариенбург, резиденция Верховных магистров, стал наиболее зримым символом величия и могущества ордена Приснодевы Марии.

Завоевание Пруссии и части Померании, перенос резиденции руководства Тевтонского ордена и столицы орденского государства в Мариенбург и осуществление прав светского государя явились наглядными свидетельствами окончательной трансформации ордена из странноприимного братства в государственное образование. Тевтонский орден по-прежнему вел вооруженную борьбу с язычниками, распространял христианскую веру, помогал больным и убогим, однако отныне руководствовался наряду с этим и чисто государственными интересами. На христианизированных землях основывались новые замки, поселения и торговые города, под защитой ордена достигшие со временем цветущего состояния.

После завершения крещения прусских язычников орден «мариан», в силу своего устава, был обязан найти новых язычников, с которыми он должен был начать священную войну за их обращение в христианскую веру. Весь XIV век прошел под знаком ожесточенной вооруженной борьбы «тевтонов» с языческой Литвой. Эта борьба была кровавой и беспощадной с обеих сторон (а не только со стороны «мариан»). Так, литовские язычники обычно сжигали взятых в плен рыцарей и «гостей» Тевтонского ордена живьем на кострах (часто — вместе с их боевыми конями). «Тевтоны» вместе со своими союзниками также не щадили «поганых язычников».

Города, основанные на орденской земле, были обязаны в военное время выставлять вооруженные отряды своих купцов и бюргеров (горожан) в помощь Тевтонскому ордену. Эти отряды горожан регулярно участвовали в походах на литовских

язычников. Состоятельные купцы служили в полном рыцарском вооружении и доспехах, включая (к началу XV в.) шлем с забралом типа «армэ» или «гундсгугель» (нем.: Hundsgugel, то есть «собачья морда»), составляя тяжелую конницу («рейсигов», Reisige, от слова «рейс(е)», Reise, означающего в современном немецком языке «странствие» или «путешествие», но означавшего в эпоху Средневековья «военный поход»), на тяжелых боевых конях. Городские ремесленники (члены цехов, или гильдий), владельцы небольших дворов (городских усадеб) несли военную службу в качестве конных (реже — пеших) арбалетчиков, в кольчугах или ламеллярных (пластинчатых) доспехах и «железных шляпах». Все граждане расположенных в тевтонских владениях городов регулярно проходили военную подготовку под руководством и надзором опытных орденских инструкторов. Так, город Эльбинг, в зависимости от ситуации, выставлял от 24 до 216 воинов, выступавших в поход под знаменем (баннером) орденского комтура Эльбинга (вместе с «тевтонским» гарнизоном расположенного в городе орденского замка). Однако в критических ситуациях в ополчение призывали всех горожан, способных носить оружие. В битве орденского войска с польско-литовской армией при Танненберге 15 июля 1410 г. пало 550 ополченцев из Эльбинга (это очень много, учитывая, что все население города в 1410 г. составляло 8000 человек).

Более крупные города обмундировывали своих ополченцев в налатники цветов городского герба и выводили их в поле под городским знаменем. Иногда отдельные отряды имели собственные «походные знамена» («аусцугсфенлейны», Auszugsfaehnlein). Города побогаче могли позволить себе также нанять солдат «на стороне», чтобы усилить этими контингентами наемников собственное ополчение.

К Крестовым походам («рейсам», Reisen) «тевтонов» на языческую Литву охотно присоединялись многочисленные светские рыцари из Германии, Англии, Франции, Чехии, Венгрии, Польши и из других стран христианской Европы. Многие из этих «военных гостей» Тевтонского ордена преследовали идеалистическую цель обратить язычников в правую веру. Другие надеялись участием в Крестовом походе искупить свои грехи. Кроме того, быть посвященным в рыцари на поле боя с язычниками считалось весьма престижным.

Одним из этих крестоносцев-«интернационалистов» был, к примеру, французский рыцарь Филипп де Мезьер, служивший королю Кипра Петру I, автор известной поэмы «Сон старого пилигрима» (Songe de viel pelerin), сравнивавший походы в Литву с походами в Святую землю (и мечтавший об организации новой «круасады» в Святую землю с целью окончательного освобождения иерусалимского Гроба Господня от ига неверных), активно участвовавший в «рейсах» ордена на Литву даже после принятия последней христианства (как известно, во многом формального).

Впрочем, говоря о «языческой Литве» описываемого периода, не следует упускать из вида следующее немаловажное обстоятельство.

К середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского вошли покоренные язычниками-литвинами (летувисами), ослабленные татаро-монгольским нашествием при хане Батые и последующими татарскими набегами, западно- и южнорусские княжества (Витебское, Волынское, Киевское, Пинское, Полоцкое, Черниговское, Смоленское и др.), население которых исповедовало христианскую веру в ее православном варианте. В результате их подчинения литвины-балты (аукштайты и жемайты), исповедовавшие, в подавляющем боль-

шинстве своем, язычество, оказались национальным меньшинством в общем составе населения Великого княжества Литовского. Одной из причин подчинения православного населения Западной Руси литовским язычникам была политика относительной религиозной терпимости (если не сказать — индифферентности), проводимая литовскими князьями (часто и многократно менявшими веру по соображениям политической выгоды — подобно тому, как их языческие подданные многократно принимали крещение, чтобы задаром получить новую белую крестильную рубаху). Кроме того, воинственные князья Литвы (находившейся, подобно упомянутым выше пруссам и монголам, в состоянии «пассионарного подъема») достаточно успешно противостояли татарским ханам Золотой Орды, не только отражая их набеги, но и, в свою очередь, нанося им ощутимые контрудары. Так, Великий князь Литовский Ольгерд в 1362 г. разгромил сразу трех татарских ханов в битве при Синих Водах. А Великий князь Литовский Витовт в 1399 г., собрав под своими знаменами громадное войско (в которое кроме чисто литовских и западнорусских дружин, вошли несколько сот польских и венгерских крестоносцев, а также военный контингент из 100 «братьев» Тевтонского ордена!), в союзе с Тохтамышем — ханом Золотой Орды, свергнутым ставленниками среднеазиатского завоевателя Тамерлана (Тимура, Темир-Аксак-хана, Тимурленга, Ленк-Тимура, «Железного Хромца»), чуть не уничтожил ослабленную нашествием Тимура Золотую Орду, но был разбит вассалом Тамерлана — новым золотоордынским ханом Теми́р-Кутлугом — и его полководцем Едигеем (Идигеем, Едике, Етике) в битве на реке Ворскле в 1399 г.

Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что в литовском войске князя Витовта, сразившемся с армией Тевтонского ор-

дена в 1410 г. под Танненбергом, насчитывалось 36 (западно- и южно-) русских полков («хоругвей»). Семь русских хоругвей имелось, кстати, и в союзном литовцам польском войске (ибо Польша также присоединила к себе, после татарского нашествия, часть исконно русских земель).

Заметим в скобках, что именно попавшие под власть языческой Литвы западные и южные славяно-руссы, составлявшие подавляющее большинство воинов Великого князя Литовского Ягайлы (крещеного по православному обряду Яковом, но затем впавшего в язычество и позорно косневшего в этом язычестве, пока не принял наконец римско-католическую веру под именем Владислава), опоздав соединиться с полчищами золотоордынского темника Мамая, разбитыми войском под предводительством благоверного Великого князя Московского Дмитрия Ивановича в 1380 г. на поле Куликовом, «отводили душу», убивая своих раненых в Куликовской битве татарами «православных братьев по вере (и крови)» из средне- и восточнорусских княжеств, когда те после победы над Мамаем возвращались с обозом в Москву. Но это так, к слову... Желающих узнать больше леденящих кровь подробностей об упомянутых нами событиях отсылаем к древнерусским летописям (а тех, кому недосуг или лень копаться в летописях, — к фундаментальным трудам покойного профессора Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» и «От Руси к России»).

4. О ВОЙНАХ «МАРИАН» С ЛИТВОЙ

Войны, а по сути дела, — одна бесконечная война «мариан» с литовскими язычниками, как и все войны, имела свою специфику.

Прибалтийские языческие племена, постоянно враждовавшие между собой, никак не могли сплотиться против общего врага. Именно эта разобщенность стала основным фактором, который позволил Тевтонскому ордену, совместно с ополчениями европейских крестоносцев, покорять их одно за другим.

Но достаточно было нескольким литовским племенам объединиться — и «марианам» не помогали ни лучшая дисциплина, ни лучшее вооружение. Литовцы, подобно своим сородичам-пруссам, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди всех прибалтийских племен, не только сумели отразить все вторжения крестоносцев, но и сами неоднократно совершали походы в орденские земли (по большей части победоносные). При этом они не ставили себе целью захват чужих земель, совершая набеги ради захвата пленных (обращавшихся ими в рабов) и грабежа. Так, уже в 1203 г. литовцы совершили набег на только что построенный город Ригу, а на русские земли в период с 1200 по 1285 г. было совершено 18 крупных и множество мелких набегов. О том, что основным противником Христова воинства в Прибалтике были именно литовцы, непреложно свидетельствует следующий факт: из семи ландмейстеров «тевтонов», павших в бою при христианизации Ливонии в период с 1238 по 1296 г., шесть были убиты литовцами — не говоря уже о последнем магистре ордена меченосцев Фольквине (Волквине, Вольковине или Фолькуине) фон Винтерштеттене, убитом теми же литовцами в битве при Сауле.

Литовцы не только постоянно нападали на своих соседей, но и постоянно от них оборонялись. С Запада на них наступали «тевтоны», с Востока — русские княжества. Особенно опустошительным был поход, совершенный русскими

войсками в литовские земли в 1258 г. Тем не менее литовцы упорно отстаивали свои земли и свое языческое «родноверие» (приняв христианство только в 1386—1389 гг., последними в Европе), предпринимая ответные набеги и на католические земли «латинян», и на православные русские княжества.

На протяжении всего этого времени литовцы жили в условиях традиционных патриархальныхь отношений, хотя, начиная с XIII в., по мере возрастания своей «пассионарности» (выражаясь языком Льва Гумилева) начали усиленно вооружаться. Особенно возросло число литовских конных воинов, которые в мирное время жили земледелием и скотоводством, однако были достаточно состоятельными, чтобы иметь дорогое железное оружие. Нередко состоятельные литовцы обладали значительными земельными владениями, которые сдавали в аренду свободным крестьянам-общинникам, составлявшим в военную пору пехоту литовского войска.

В случае войны литовцы собирали племенное ополчение — «кариас» (karias), именовавшееся у их сородичей-пруссов «кариа» (karya). Согласно данным летописей, литовские конные воины использовали низкие седла, более удобные, чем громоздкие седла тяжелой кавалерии как Запада, так и Востока. Летом литовские военные формирования постоянно отправлялись в набеги за добычей, именовавшиеся, как у «тевтонов», «рейсами» (лит.: reyssa), захватывали скот, рабов и добывали себе воинскую славу.

Со своей стороны, «мариане» и их союзники-крестоносцы предпочитали для войны с литовцами зимнее время, когда замерзали болота и реки, а леса с опавшей листвой не давали

укрытия для литовских «лесных братьев», постоянно ускользавших от воинов Христовых летом.

Однако литовцы (подобно пруссам, земгалам, эстам, карелам и финнам) совершали свои набеги (как на христианские земли, так и друг на друга) и зимой, на лыжах, пешими, что давало им немалые преимущества, особенно в том случае, если снег был глубоким. Во время таких набегов взрослых мужчин обычно убивали (было бы очень сложно гнать их, в качестве пленных, домой без лыж, а встав на лыжи, пленники легко могли убежать). Предпочитали угонять в полон женщин и детей, хотя из-за них приходилось идти домой медленно. Такая добыча очень ценилась. Тех, кто не мог пригодиться в хозяйстве, продавали на сторону, соседним племенам или торговцам невольниками.

Что же касается военных приемов и вооружения, то тактика литовцев, странным образом, во многом напоминала тактику монголо-татар. Хотя литовские всадники больше пользовались метательным оружием в виде дротиков-сулиц, тогда как монголо-татары применяли преимущественно лук и стрелы. Литовцы также имели лучников, но, согласно хроникам, обычно не конных, а пеших. Лучники литовцев были хорошо обучены, превосходя частотой и меткостью стрельбы лучников из Германии и Скандинавии. Подобно монголо-татарам, литовцы предпочитали заранее подготовленнолму сражению стремительный, ошеломляющий набег, и быстро исчезали, прежде чем их жертвы приходили в себя для оказания отпора. Битвы, происходившие постоянно между небольшими отрядами самих литовских племен, чаще всего носили характер группового поединка, в котором обе стороны сражались пешими, а проигравшие отступали к лошадям и искали спасения в бегстве.

Основным оружием литовского всадника (кстати, своих покойников литовцы хоронили с оружием, по языческому обычаю) являлся меч (чаще всего немецкого производства), с рукоятью, изготовленной на свой, местный вкус. Некоторые рукоятки литовских мечей были изготовлены из железа и бронзы, нередко с серебряными украшениями и инкрустацией.

Наконечники литовских копий и сулиц (нередко очень длинные) были частью привозные, скандинавские, частью — местного производства. Доспехи собственного изготовления у литовцев до XIV в. встречались достаточно редко. Тем не менее в многочисленных войнах XIII в. литовцы захватили множество доспехов самого различного типа в боях с «тевтонами», поляками и русскими и носили их в боевой обстановке. Господствующим типом защитного вооружения в описываемое время, как и повсюду, у литовцев была кольчуга. Литовцы носили ее как поверх одежды, так и под ней (например, в зимнее время). Шлемы литовцы использовали преимущественно сфероконические, восточноевропейского образца. Кстати, такие шлемы достаточно часто носили рыцари, сарианты и кнехты Тевтонского ордена (не следует представлять их себе поголовно в широкополых шапелях-«эйзенгутах» и горшковидных шлемах-«топ(ф)гельмах»). Заметим, что горшковидные (горшковые) шлемы называются так достаточно условно. В действительности эти шлемы могли иметь форму не только горшка, но также ведра, котла или бочонка. Щиты были также традиционной, общеевропейской формы. А вот знаменитый «литовский тарч» («литовская павеза») пришел в Литву лишь в XIV в., причем из северо-восточной Польши, где (судя по сохранившимся печатям) начал распространяться с середины XIII в.

5. О ХРИСТИАНСКИХ РАЗБОЙНИКАХ-«СТРУТЕРАХ»

В период бесконечных пограничных «малых войн» Тевтонского ордена с языческими племенами пруссов и литовцев обе противоборствующие стороны активно использовали в борьбе иррегулярные отряды так называемых «струтеров» (буквально: «прячущихся в кустах», от средневерхненемецкого слова «струт», Strut, т.е. «куст», «кустарник»). Летописец Тевтонского ордена брат Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской» именовал «струтеров», выступавших на «тевтонской» стороне, по-латыни «христианскими латрункулами», latrunculos Christianos (буквально: «христианскими разбойниками»), что на русский язык традиционно переводится как «наемники» (хотя встречается и вариант «разведчики»). Начиная примерно с 1260 г., хроники постоянно сообщают о вооруженных отрядах «струтеров», состоящих на службе ордена Девы Марии. Согласно Петру Дусбургскому, в эти отряды входили «смелые люди, имевшие богатый опыт разбоя», называя среди них поименно, наряду с внушавшим страх и ужас язычникам предводителем «струтеров» Мартином из Голина, также Конрада по прозвищу Диавол (Дювель, нем.: Dywel), Стовмела, Кудара из Судовии и Накама из Помезании (Судовия и Помезания — области, находившиеся во владениях Тевтонского ордена. — *В.А.*), которых сопровождали в вылазках на вражескую территорию «многие другие». Группы — или, если угодно, банды — «струтеров» (численностью от 5 до 50 человек), как правило, действовали не самостоятельно, а по заданию орденского руководства. Так, например, Мартин из Голина с четырьмя «тевтонскими братьями» и одиннадцатью пруссами захватил одну дерев-

ню в Судовии, взяв в плен и перебив ее жителей. У этого крещеного знатного прусса-«витинга» были особые счеты с единоплеменниками, продолжавшими коснеть в язычестве. В ходе набега прусских язычников на область крещеных пруссов, находившихся в подданстве Тевтонского ордена, один нехристь вспорол жене Мартина мечом живот, умертвив нерожденного ребенка, выпавшего из рассеченного материнского чрева на землю. С тех пор Мартин поклялся беспощадно мстить язычникам.

В 1278 г. отряд «струтеров» под предводительством Мартина из Голина с наступлением темноты совершил неожиданное нападение на деревню прусских язычников в еще не подчиненной власти ордена области Скаловии. Большинство захваченных в селении мужчин было убито, а женщины, дети и скот захвачены в качестве добычи. В 1224 г. отряд Мартина из Голина, по приказу комтура орденской области Кёнигсберг, совершил успешное и весьма эффектное нападение на имение литовского князя (племенного вождя-«кунингаса», именуемого в «Хронике» Петра из Дусбурга латинским словом «регулус», regulus, то есть буквально «царек», «королек»), где происходили свадебные торжества, на которые съехалось множество гостей, в том числе знатных язычников. В ходе нападения было убито 70 одних только знатных пруссов (именуемых Петром из Дусбурга на латинский манер «нобилями», то есть «благородными»). Было захвачено немало золота и серебра (привезенного ранее знатными пруссами и их дружинниками из набегов на своих менее воинственных соседей в качестве военной добычи) и угнано в полон множество женщин и детей.

Как «тевтоны», так и их противники использовали «струтеров» также для преследования вражеских отрядов, грабивших

местных жителей или возвращавшихся к своим с награбленным добром и пленниками.

В период войн с литовцами Тевтонский орден, с целью своевременного предупреждения литовских набегов на орденское приграничье, организовал специальную разведывательную службу из представителей туземного населения.

Особые «сторожа» — «вартлейты» (нем.: Wartleute) из числа жителей подвластных Тевтонскому ордену прусских и литовских пограничных поселений, занятые сбором оперативной информации о противнике, за определенную плату сообщали орденским властям об угрозе нападения вражеских «струтеров» или о замеченных ими военных приготовлениях на неприятельской стороне. Эти известия стекались к орденским должностным лицам — «гебитигерам» (нем.: Gebietiger, буквально: «повелителям») пограничных областей, которые незамедлительно пересылали их дальше — в Кёнигсберг, маршалу Тевтонского ордена (являвшемуся одновременно комтуром, то есть правителем Кёнигсберга).

Такие послания именовались «путевыми отчетами» (по-немецки: «вегеберихтами», Wegeberichte).

Орден не только оказывал своим «струтерам» материальную поддержку (хотя данные о регулярной выплате им жалованья отсутствуют — ведь «христианские разбойники» получали захваченную в ходе своих «спецопераций» долю добычи), но и одаривал особо отличившихся земельными наделами. Со временем они вливались в ряды «витингов», а впоследствии могли стать даже прусскими «ландриттерами» — светскими вассалами Тевтонского ордена.

В 1387 г. Тевтонский орден заключил с Великим княжеством Литовским договор, согласно которому определенные приграничные территории должны были щадиться шайками

«струтеров», состоявшими на службе высоких договаривающихся сторон.

Перед началом военных походов на язычников — «рейсов» (нем.: Reisen) — орденское командование, планировавшее эти регулярные предприятия, участникам которых предстояло прокладывать себе путь через труднопроходимые лесные дебри, поручало особым проводникам, или «лейтсманам» (от нем.: Leitsmann, т.е. «проводник») из числа туземного населения, хорошо знавших местность, разведать лесные дороги или тропы, пометив их особыми, заранее оговоренными с «тевтонами», знаками, заметными и понятными для следующих за ними крестоносцев и в то же время незаметными и непонятными для неприятеля.

Если «рейсы» происходили зимой (что случалось довольно часто, поскольку замерзавшие в зимнее время болота и водоемы становились более легко проходимыми для тяжеловооруженных рыцарей, воинов и «гостей» ордена Девы Марии), то в преддверии похода «лейтсманы» или «лейтслейты» (нем.: Leitsleute) были обязаны тщательно проверять прочность ледяного покрова на пути следования христианского войска.

Перед началом летних «рейсов» было не менее важно находить броды через реки и проходимые участки болот. Успех «рейса» зависел также от возможностей снабжения войска в походе и создания по пути следования складов провианта. В «Мариенбургской должностной книге» (Marienburger Aemterbuch) постоянно отмечались расходы на выплату вознаграждения прусским и литовским «проводникам» (вознаграждение выплачивалось им только за конкретный поход, регулярного же жалованья они, судя по всему, не получали).

В целях подготовки взятия вражеских замков и крепостей орденские соглядатаи разведывали прочность и толщину стен

неприятельских укреплений, их высоту, строительные материалы, из которых они были возведены, а также другие подробности, важные для выделения штурмующим имеющихся в орденских арсеналах осадных машин или постройки новых на месте, и т.д. Нередко функции разведчиков выполняли не туземцы, а «братья» Тевтонского ордена. Полагаться во всем только на данные, полученные от местных «лейтсманов», было связано с определенным риском. Порой отряды крестоносцев сознательно заманивались «проводниками» (тайно перекупленными неприятелем или изменившими ордену Девы Марии в силу каких-либо иных причин), в непролазные дебри «по принципу Ивана Сусанина» или же под стрелы и дротики сидевших в засаде язычников. Однако бывали и случаи, когда «проводники» просто ошибались и сами сбивались с пути. Порой знаки, по которым ориентировалось выступившее в поход орденское войско, чтобы не заблудиться в девственных лесах Прибалтики, неожиданно «исчезали» — как водится, в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте!

Огромное значение для ордена Девы Марии имела организованная им надежная и быстрая система почтовой связи. «Тевтонская» курьерская служба с полным основанием могла считаться образцовой (по тем временам). Актуальная информация обо всех передвижениях неприятеля и о вражеских намерениях должны были своевременно доставляться в центры военного планирования, расположенные в Кёнигсберге — резиденции маршала ордена — и в Мариенбурге — резиденции Верховного магистра. Столь же незамедлительно приказы, принятые на основании полученной оперативной информации, должны были доставляться из резиденций Верховного магистра и маршала обратно, в пограничные комтурии, откуда оперативная информация поступала в центры планирования.

Настоятели орденских домов (замков-монастырей) — комтуры — пользовались специально обученными гонцами для срочного обмена информацией в целях согласования своих действий по преследованию неприятельских банд, постоянно вторгавшихся на орденские земли. Послание ливонского ландмейстера доставлялась этой курьерской почтой в мариенбургскую резиденцию Верховного магистра, расположенную на расстоянии шестисот километров от резиденции ландмейстера, всего за 10 дней.

В каждом «конвентсбурге» — орденском замке, являвшемся местопребыванием комтура (комментура, командора, коммендатора) — и конвента орденских «братьев-рыцарей» (состоявшего как минимум из 12 человек, не считая самого комтура), расположенном по пути следования гонца, последний был обязан представлять комтуру письма, которые он вез с собой, а комтур — проверять, не следует ли избрать для них какой-либо особый путь дальнейшей доставки, и снабжать их пометками касательно времени прибытия и дальнейшего следования гонца. Любое послание в течение всего нескольких дней доставлялось от самой границы орденского государства в его столицу.

На почтовых станциях, имевшихся в каждом орденском замке, постоянно держались наготове курьерские лошади особой местной породы, известные под названием «брифшвейки» (нем.: Briefschweiken, Briffsweyken), т.е. буквально «швейки (лошади прусской породы) для доставки писем» или «почтовые лошади». В этих замковых конюшнях гонцы могли в любое время дня и ночи сменить лошадей, чтобы, не задерживаясь (и наскоро выпив прямо в седле кружку доброго пива, умением варить которое издавна славились орденские пивовары) следовать дальше по почтовому тракту. В конюшнях кёниг-

сбергского замка маршала ордена всегда стояли наготове 10—15, а в замках комтуров — по 5—7 почтовых лошадей. Конные гонцы, обязанные сесть в седло по приказу в любое время суток, вербовались среди представителей коренного населения — пруссов, литовцев или латышей (а если быть точнее, то ливов, леттов, латгалов, земгалов и куршей, слившихся позднее в единый народ латышей), известных своей надежностью и преданностью ордену Девы Марии. За верную службу эти «бриффферы» (нем.: Brieffuehrer, т.е.: «письмоноши» или «письмоносцы») или «брифюнги» (нем.: Briefjungen, т.е. «почтовые парни») получали земельные наделы и освобождались от всех работ, оброков и прочих поборов.

За 31 год правления Верховного магистра Винриха фон Книпроде (1351—1382) Крестовые походы «мариан» и их союзников — крестоносцев-«интернационалистов» — на Литву достигли своего апогея. Для этих военных предприятий, требовавших от своих организаторов немалых усилий и жертв, были характерны не столько полевые сражения, сколько постоянная необходимость преодолевать дремучие леса, бездорожье, болота, проблемы снабжения и логистики, и быть постоянно начеку (язычники, умевшие искусно приспосабливаться к местности, постоянно устраивали засады). Решить свою основную, стратегическую задачу — добиться установления постоянного и надежного сухопутного сообщения между Пруссией и Ливонией — ордену «мариан» так и не удалось.

В 1386 г. было официально объявлено о крещении Литвы в римско-католическую веру. В 1389 г. папа римский официально признал Литву христианской страной. Крещение Литвы (пусть даже чисто формальное) лишило Тевтонский орден повода совершать против литовцев Крестовые походы с

участием европейских «интернационалистов». А если быть еще точнее — крещение Литвы вообще поставило под вопрос смысл и целесообразность существования Тевтонского ордена, основывавшего всю свою деятельность на необходимости обращения язычников в Христову веру.

6. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ ОРДЕНА К 1400 г. И О ПРИЧИНАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ С ЛИТВОЙ И ПОЛЬШЕЙ

В конце XIV — начале XV в. Тевтонский орден, благодаря своей строгой организации, централизованному управлению и огромным доходам, находился в апогее своего могущества. За прошедшие 150 лет он создал на завоеванных и христианизированных, с огромными усилиями и жертвами, языческих землях орденское государство, которое, благодаря притоку колонистов, достигло завидного (для соседей) экономического процветания.

Немецкие колонисты, прибывавшие в орденские владения изо всех областей средневековой Германии — прежде всего, из Нижней Саксонии, Бранденбурга, Силезии и со средней Эльбы, постепенно слились с исконным населением — балтами-прус(с)ами — в один народ (впоследствии вошедший в историю Германии, Европы и мира под названием пруссаков). В то время, разумеется, еще рано было говорить о «национальном самосознании» в современном смысле этого слова (хотя в настоящее время мы, к сожалению, являемся свидетелями все большей эрозии этого чувства под влиянием идеологии «глобализма»). Однако всех этих людей объединяло чувство родства и своеобразного «государственного самосознания». Об-

раз жизни «братьев-рыцарей» претерпел немалые изменения. Теперь их целью было уже не только обращение в истинную веру и покорение язычников.

Тевтонский орден превратился в организацию, обеспечивавшую достаточно безбедную жизнь в этом, посюстороннем, мире своим членам, становившимся все более властолюбивыми и высокомерными. Новые рыцари, принимавшиеся в орден, по-прежнему были родом из Германии. Местных рыцарей — светских вассалов ордена Девы Марии, получавших от него поместья на условиях военной службы — в число орденских «братьев-рыцарей» не принимали (вне зависимости от того, являлись ли они потомками обращенных в христианство прусских «кунингасов» или же крестоносцев-«интернационалистов», прибывших когда-то из Германии или других стран христианской Европы на подмогу «тевтонам» для покорения Пруссии).

Местное население орденской Пруссии рассматривало рыцарей-монахов Тевтонского ордена, не имевших в Пруссии корней и сородичей, как чужаков. По Уставу «орденским братьям», как монахам, запрещалось не только жениться (вообще, а на местных девушках и женщинах — в частности), но и водить дружбу с местными мирянами. Следует также заметить, что к описываемому времени в Тевтонский орден вступали уже не только «пламенные идеалисты». Теперь все большее число «братьев-рыцарей» ожидало от вступления в орден «мариан», прежде всего, жизни, обеспеченной в материальном отношении. Другим, преисполненным доброй воли, в связи с их происхождением и воспитанием, полученным в далекой Германии, требовалось немало времени для того, чтобы ознакомиться с условиями и особенностями жизни в орденской Пруссии. Все это по-

степенно привело к окостенению традиционной, заданной орденом системы.

Сложившуюся ситуацию не смогли преодолеть даже такие выдающиеся Верховные магистры, как Винрих фон Книпроде или Конрад фон Юнгинген (1394—1407). В лучшем случае им удавалось только отодвинуть во времени наступление неизбежной катастрофы. Тевтонский орден обосновывал легитимность (законность) своей власти тем несомненным фактом, что именно он заложил основы благосостояния и экономического процветания христианской Пруссии. Однако этот несомненный факт не мешал постепенному, но неуклонному упадку дисциплины и добродетелей Тевтонского ордена. Эти противоречия и рост напряженности постоянно нарастали по всей орденской Пруссии. Крупные и богатые прусские города выражали все большее недовольство налогами, пошлинами и сборами (постоянно возраставшими после крещения Литвы, в результате которого заметно уменьшилось число «крестоносцев-интернационалистов» — «военных гостей» ордена Девы Марии, — охотно поднимавших меч на литовцев-язычников, но не на литовцев-христиан). Из-за уменьшения притока «военных гостей» (нем.: Kriegsgaeste) ордену «мариан» пришлось прибегнуть к вербовке наемников, стоивших немалых денег, что, в свою очередь, потребовало повышения налогов и пошлин.

Кроме того, орден Девы Марии по-прежнему сохранял за собой монополию на особо прибыльный экспорт различных природных богатств Пруссии, но в первую очередь — хлеба и янтаря (через свои торговые фактории в Мариенбурге и Кёнигсберге). Крестьянам во многих случаях приходилось выходить на безвозмездную барщину. Епископы зависели от

Тевтонского ордена в административном отношении и находились под его строгим контролем.

Упомянутые выше светские вассалы ордена Девы Марии — потомки переселившихся в Пруссию европейских рыцарей и прусской родоплеменной знати, — хотя и получали от ордена «мариан» поместья, находились в глухой оппозиции, поскольку «братья» не допускали их к участию в управлении Пруссией.

В Кульмской земле эти «земские рыцари» («ландриттеры, Landritter», или «ландесриттеры», Landesritter), мечтавшие получить такие же вольности, как польская шляхта, основали тайный «Союз (Общество) ящериц» (нем.: «Эйдексенбунд», Eidechsenbund), как орудие претворения в жизнь своих заговорщицких планов.

Именно в царившей в орденской Пруссии внутренней нестабильности следует искать ответ на вопрос, почему после разгрома армии Тевтонского ордена и его союзников при Танненберге польско-литовским войском вся Пруссия почти без сопротивления покорилась победителям.

Проживание иудеев в орденских владениях было запрещено. Вероятно, гохмейстеры руководствовались теми же соображениями, что и российская императрица Елизавета Петровна, не желавшая «иметь от врагов Христовых интересной прибыли». Возможно, Верховным магистрам «мариан» пришлось об этом горько пожалеть, когда в XV в. на вверенный их попечению орден обрушился комбинированный удар врагов внешних и внутренних, «тевтоны» оказались в ситуации острого финансового кризиса, а денег было взять неоткуда. Но не будем торопить ход нашего повествования…

Не лучшим образом складывалась для ордена «мариан» и внешнеполитическая обстановка. В 1386 г. Великий князь

Литовский Ягайло (Ягайла, Йогайла, по-польски: Ягелло) женился на наследнице польского королевского престола Ядвиге (Гедвиге), «отбив» ее, при поддержке польских магнатов, у жениха — маркграфа Бранденбургского Сигизмунда фон Люксембурга, будущего короля Венгрии и римско-германского императора (затаившего с тех пор лютую злобу на Ягайло).

Брачный союз князя Литвы и польской королевны представлял собой смертельную угрозу для Тевтонского ордена. Благодаря браку Ягайло и Ядвиги фактически сложился военно-политический союз Польши и Литвы (окрещенной в одночасье по приказу Ягайло, как уже упоминалось выше). Формально факт крещения Литвы лишал легитимации существование Тевтонского ордена, учрежденного с целью борьбы за обращение язычников в веру Христову. Отказ ордена «мариан» признать Литву, еще вчера откровенно языческую, истинно христианским государством, поскольку подлинного обращения литовцев в христианство не произошло, хотя и был, вероятно, не вполне необоснованным, не нашел поддержки у папы римского (откровенно радовавшегося распространению зоны влияния Римско-католической церкви на огромную территорию Литвы) и не смог воспрепятствовать сокращению числа «военных гостей» — упоминавшихся выше «крестоносцев-интернационалистов», прибывавших в Пруссию (и — в меньшем числе — в орденскую Ливонию) для поддержки вооруженной борьбы «тевтонов» с литовцами.

Орден Девы Марии пытался играть на противоречиях между Ягайло, именовавшим себя после принятия крещения по римско-католическому обряду (хотя при рождении он был окрещен по православному обряду и наречен Яковом, а с течением времени впал в язычество) королем польским Вла-

диславом II (1386—1434) Ягелло, и его двоюродным братом Витовтом, или, по-польски, Витольдом (1392—1430), принявшим после крещения (по римско-католическому обряду) имя Александр. Двуличный Витовт, предатель и перебежчик по натуре, неоднократно переходил с одной стороны на другую. В 1382—1384 гг. он сражался на стороне Тевтонского ордена против Ягайло, в 1384—1389 гг. — на стороне Ягайло против ордена, в 1389—1391 гг. — на стороне ордена против Ягайло, в 1392—1398 гг. — на стороне Ягайло против ордена, в 1398—1401 гг. — на стороне ордена против Ягайло, и лишь в 1401 г. окончательно перешел на сторону Ягайло.

Тевтонский орден (вопреки традиционно возводимой на него напраслине) всегда строго соблюдал условия договоров и соглашений. А вот король польский и Витовт (которому Ягайло уступил титул и власть Великого князя Литовского — правда, лишь пожизненно) действовали лицемерными и коварными методами, несовместимыми с рыцарственным поведением и рыцарским кодексом чести «братьев» Тевтонского ордена.

Согласно заключенному с «тевтонами» Салинскому (Саллинвердерскому) миру (1398) Великий князь Литовский Александр-Витовт навечно уступил Тевтонскому ордену языческую область Жемайте (Жемайтию, по-латыни: Самогитию или Самагиттию, по-польски: Жмудь) с целью ее христианизации (чему жмудины-жемайты, упрямо косневшие в язычестве, упорно сопротивлялись). В обмен на эту территориальную уступку Витовт получил от ордена военную помощь, необходимую ему для экспансии в восточном направлении и, в частности, борьбы с Золотой Ордой.

Уступка Жемайте, казалось, означала осуществление давней мечты «тевтонов» о получении «коридора», соединяющего орденские владения в Пруссии и Ливонии. Самогития была

включена в состав орденских владений на правах фогтства под управлением фогта (наместника) Генриха фон Швельборна. Однако, как уже упоминалось выше, в 1399 г. литовское войско Витовта (в составе которого сражался и воинский контингент Тевтонского ордена — 100 «орденских братьев», т.е. рыцарей и сариантов, со вспомогательными частями) было наголову разбито татарами хана Темир-Кутлуга (вассала Тамерлана) и его полководца Едигея на реке Ворскле. Путь Витовту на Восток оказался закрытым. И Великий князь Литовский вновь обратил свой взор на Запад, что привело его к очередному конфликту с Тевтонским орденом. В 1401 г. Витовт инспирировал восстание жемайтов против власти ордена Девы Марии, оказав повстанцам вооруженную помощь. Военные действия велись с переменным успехом. Наконец Витовт в 1401 г. заключил с Тевтонским орденом Ковенский договор, по которому подтвердил права «тевтонов» на Жемайте. Новым орденским фогтом Самогитии был назначен Генрих Кюхмейстер фон Штернберг.

Заручившись, в очередной раз, военной поддержкой Тевтонского ордена, Витовт снова обратил свои взоры на Восток, задумав нанести удар по собственному зятю, Великому князю Московскому Василию. Однако история повторилась. Военные походы Витовта в 1406 и 1408 гг. на Москву не увенчались успехом. Решающее значение для Великого князя Литовского приобрело восстановление его власти над Жемайте. Любопытным в данной связи представляется упоминавшийся выше факт многократной перемены веры Витовтом, то принимавшим крещение, то вновь впадавшим в язычество. Однако все это в конечном счете не имело значения в глазах папы римского, однозначно признавшего Литву обращенной в христианство и запретившего Тевтонскому

ордену в 1404 г. организовывать дальнейшие Крестовые походы на литовцев.

К началу XV в. политическая конфронтация между Тевтонским орденом и польско-литовской коалицией стала неизбежной. Орден «мариан» оказался перед лицом врага, власть которого распространялась на собственно Литву, ряд присоединенных к Литве западнорусских княжеств и на Польшу. Эту коалицию, территория которой окружала орденские владения с трех сторон, возглавлял беззастенчивый, расчетливый и преисполненный ненависти к Тевтонскому ордену польский король. Ягайло получил от польских магнатов («можновладцев») мандат положить конец властным притязаниям Тевтонского ордена.

Постоянные трения возникали по вопросам прав владения Помереллией (именуемой в одних источниках Восточной Померанией, а в других — Западной Пруссией), приобретения орденом «мариан» в 1402 г. области Неймарк (Новая Марка), а также по поводу областей Дризен (Дрезденко) и Добрин (Добжинь). Упоминаемые обычно в данной связи «безудержные экспансионистские устремления» Тевтонского ордена, якобы являвшиеся причиной предстоявшей Великой войны польско-литовской коалиции с «тевтонами», при ближайшем рассмотрении оказываются очередным мифом, поскольку покупка орденом «мариан» Новой Марки была осуществлена лишь после заявления прежнего владельца этой области, немецкого маркграфа Бранденбургского, согласно которому маркграф, в случае отказа «тевтонов» купить у него Новую Марку, продаст ее Польше. А покупка Новой Марки Польшей означала бы, что кольцо окружения вокруг орденских земель замкнулось бы окончательно, отрезав владения «тевтонов» от Германии, являвшейся жизненно необходимой для ордена «мариан»

базой снабжения. В Жемайте шла непрерывная «малая (или, выражаясь соврменным языком, партизанская) война». Орден Девы Марии нисколько не заблуждался насчет активной помощи, оказываемой жмудским повстанцам Великим князем Литовским, в свою очередь, поддерживаемым польским королем. Все попытки «тевтонов» вбить военно-политический клин между Литвой и Польшей (или натравить их друг на друга) оказались в конечном итоге безуспешными. Тем не менее государство Тевтонского ордена, территория которого (общей площадью более 170 000 кв. км) простиралась от реки Одера (Одры) на западе до Финского залива на востоке, с 59 замками и 48 городами, достигшее пика своего размера и могущества, оставалось «крепким орешком» для всех, желавших попробовать его «на зубок».

30 марта 1407 г. приложился к роду отцов своих Верховный магистр «тевтонов» Конрад фон Юнгинген. К числу его несомненных заслуг относилось не только повышение благосостояния вверенных ему Богом земель, но и осуществление искусной политики, в ходе которой он умело защищал интересы ордена (преимущественно дипломатическими средствами). Невзирая на требования многих «орденских братьев» начать превентивную войну против литовско-польской коалиции, не дожидаясь, пока она станет слишком сильной, мудрый гохмейстер предпочитал «худой мир доброй ссоре». В таких случаях старый магистр, поседелый под шлемом и израненный в бесчисленных боях, говаривал: «Войну легко начать, но трудно закончить» (нем.: «Krieg ist bald angefangen, aber schwer beendet»). Перед своей кончиной он призвал «братьев» ни в коем случае не избирать новым Верховным магистром своего родного брата Ульриха. Тем не менее 26 июля 1407 г. Генеральный капитул — в первый и единственный раз за всю

историю ордена Девы Марии — единогласно избрал, после смерти прежнего Верховного магистра, его родного брата.

Новый гохмейстер «тевтонов» Ульрих фон Юнгинген, рожденный в 1360 г., подобно своему умершему брату и предшественнику, был отпрыском знатного швабского рода, владения которого располагались в районе Боденского озера. В 1387—1392 гг. Ульрих был «кумпаном» или, в другом написании, «компаном» («компаньоном», то есть, буквально, «оруженосцем», в действительности же — адъютантом или помощником) тогдашнего Верховного (Великого) маршала «тевтонов» Конрада фон Валленроде (Валленрода), неоднократно принимая в этом качестве участие в походах на Литву. Дальнейшая карьера Ульриха выглядела следующим образом. В 1393—1396 гг. он был фогтом Замланда (Самбии), в 1396—1404 гг. — комтуром Бальги, а в 1404 году был назначен Верховным маршалом, командующим всеми войсками Тевтонского ордена (подчиненным лишь Верховному магистру). В этой должности Ульрих в 1404 г. участвовал в военно-морской экспедиции «тевтонов» на остров Готланд, в ходе которой «тевтонским» десантом были разгромлены разбойничьи гнезда морских разбойников-«витальеров» и взят их главный оплот — город Висби.

Ульриху фон Юнгингену явно не хватало хладнокровия и выдержки, свойственных его покойному старшему брату. Явная склонность Ульриха решать спорные вопросы преимущественно военными средствами, судя по всему, отвечала настроениям, господствовавшим к описываемому времени среди «орденских братьев», и, вероятно, явилась главной причиной его единогласного избрания гохмейстером. Высшее руководство ордена Девы Марии не сомневалось в неизбежности вооруженного конфликта с польско-литовской коалицией, и потому ему представлялось в высшей степени логичным

избрать Верховным магистром именно воинственного Ульриха. Отвага и деятельная натура нового гохмейстера заставляла Капитул надеяться на победу ордена, под его предводительством, в грядущем вооруженном конфликте. Сразу же после своего избрания Верховный магистр назначил комтура Меве (по-польски: Гнева) Фридриха фон Валленроде (Вальроде или Валленрода) новым Верховным маршалом. Вскоре произошли новые назначения и в других сферах орденского руководства. Несмотря на свою воинственность, Верховный магистр попытался избежать конфронтации с польско-литовской коалицией дипломатическими средствами. 6 января 1408 г. Ульрих фон Юнгинген лично встретился с польским королем Владиславом II Ягелло в тогдашней столице Польши — Кракове. Однако краковская «встреча на высшем уровне» оказалась безрезультатной. Ни по одному из спорных вопросов консенсуса достичь не удалось. Обе стороны начали активно вооружаться, стремясь как лучше подготовиться к теперь уже неизбежной войне.

С начала 1409 г. эскалация военных действий в Самогитии стала нарастать. Все больше литовских военных отрядов спешило на помощь повстанцам-жмудинам. Тевтонский орден направил ко двору Витовта посольство, потребовавшее от князя четкого заявления, как восстановить в Самогитии спокойствие и порядок. Витовт не удостоил «братьев» ордена ответа.

Тем не менее Ульрих фон Юнгинген решил предпринять последнюю попытку к примирению.

Накануне большого христианского праздника — дня святого Иоанна Крестителя (Иванова дня) — к королю Владиславу II Ягелло в великопольский город Оборники явились, в качестве послов Верховного магистра, комтуры Торна (по-

польски: Торуня) и Старгарда (по-польски: Старограда). Послы пожаловались на то, что Витовт отнял у «тевтонов» Самогитию, хотя ранее открытой грамотой записал ее в вечный дар ордену Девы Марии и отказался от всякого рода прав и притязаний на нее, а орденских наместников перебил или пленил. Ввиду безуспешности неоднократных попыток путем переговоров побудить Витовта вернуть «тевтонам» захваченные у них земли и пленников, орден Девы Марии вознамерился добиться восстановления своих попранных прав силой оружия, о чем и известил короля Польши. Изложив все это, послы попросили польского короля объявить, намерен ли он помогать Витовту или же способствовать восстановлению попранной справедливости.

Владислав Ягелло дал уклончивый ответ, что соберет общий сейм (съезд) вельмож своего королевства и, посовещавшись с ним, даст магистру и ордену Девы Марии ответ через послов. Недовольные этим ответом, «тевтонские» послы заявили, что их Верховный магистр и орден готовы свято соблюдать договор о вечном мире с Польшей, заключенный между королем польским Казимиром и магистром Тевтонского ордена, но, поскольку король польский Владислав не желает покинуть Витовта и намерен помогать ему в несправедливом деле, «то пусть рыцари и вельможи королевства Польского не гневаются на магистра и орден, если, оскорбленный глубокой несправедливостью, он начнет войну против Польского королевства».

Информаторы при дворе Витовта сообщили Ульриху фон Юнгингену, что Великий князь Литовский похвалялся, «как только созреет хлеб на полях, пойти во главе жемайтов на Кёнигсберг», изгнать «проклятых крыжаков» (крестоносцев) «отовсюду огнем и мечом» и неустанно преследовать

их, «пока они не добегут до моря и сами в нем не утопятся». Получив эту информацию, гохмейстер направил польскому королю послание с просьбой дать разъяснение сложившейся ситуации. По прошествии долгого времени польский архиепископ Гнезненский Миколай (Николай) Куровский привез магистру письменный ответ следующего содержания:

«Наш король и Великий князь Литовский — кровные родичи. Последний получил свою землю в дар от польской короны, поэтому наш король его не оставит, и окажет ему поддержку всеми своими силами, не только в этой войне, но и в любой другой беде».

Согласно польскому хронисту Яну Длугошу (1415—1480), автору латинской «Истории Польши» (Historia Polonica), послы короля Владислава Ягелло, явившись в Мариенбург к Верховному магистру, дали ему на словах более развернутый ответ:

«Король польский Владислав полагает, что тебе и ордену твоему небезызвестно, что Александр-Витовт, великий князь литовский, на которого ты принес жалобу по поводу отобрания Самагитской земли и прочих обид, хотя и знатнейший государь и связан с королем почти братскими кровными узами, однако является подданным Польского королевства и короля, и землю Литовскую и княжество получил только в силу королевского пожалования и лишь пожизненно. Поэтому не подобает королю и в настоящей войне, которую вы будете вести против князя Александра и земли литовской, и в любой другой беде покидать его, но, напротив, следует помогать ему всеми силами и средствами».

В ответ на угрозу Верховного магистра напасть на Литву архиепископ Гнезненский заявил, что в этом случае польский король нападет на Пруссию. Уяснив из ответа епископа, кто

является главным врагом ордена Девы Марии, Ульрих фон Юнгинген в гневе пригрозил «пойти войной на христианскую страну»: «Лучше я нападу на голову, чем на члены, лучше на населенную землю, чем на покинутую, и лучше на города и села, чем на леса, обратив оружие, назначенное против Литвы, на Польское королевство. Ведь больше пользы мне и моему ордену поразить голову, чем ноги, больше пользы пойти на возделанные земли, а не на поля, леса и чащи... Теперь мы видим, что этот ущерб в Жемайтской земле мы терпим из-за короля Польши и его козней, и более не из-за кого».

6 августа 1409 г. Верховный магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген направил к польскому королю посланцев с формальным объявлением «фейды» (нем.: Fehde — феодальной войны), по-немецки: «Фейдебриф» (Fehdebrief), чтобы военными средствами предотвратить нависшую над вверенными ему Богом орденом и орденским государством смертельную угрозу.

Гохмейстер Ульрих фон Юнгинген незамедлительно приказал укрепить пограничные замки и объявил сбор всех вооруженных сил ордена Девы Марии. Для него не являлось секретом то обстоятельство, что собравшиеся в Литве под знамена Витовта многочисленные силы, в том числе литовские и золотоордынские татары, только и ждали приказа Витовта, чтобы начать вторжение в орденское государство. Поэтому ранней весной 1409 г. орденские курьеры, загоняя коней, разъезжали по владениям «тевтонов», спешно разнося по градам и весям следующую весть:

«Да будет ведомо всему честному люду, что, как нам стало известно, Витольд (Витовт. — *В.А.*) с великим войском намеревается сегодня или завтра вторгнуться в (нашу. — *В.А.*) страну. Поэтому мы настоятельно просим, чтобы каждый пре-

бывал в готовности поспешить туда, куда ему прикажут, когда придет известие (о вторжении неприятеля. — *В.А.*)».

Или, на тогдашнем немецком языке, именуемом филологами «средневерхненемецким»:

(«Wissentlich sei allen ehrbaren Leuten, wie wir Kunde haben, dass Witold mit einem grossen Heere in das Land will sprengen heute oder morgen. Hierum bitten wir fleisslich, dass jeglicher sich halte zuzujagen, wo man ihn befiehlt, wenn die Nachricht erfolgt»).

Это был приказ о мобилизации, адресованный следующим категориям подданных Тевтонского ордена:

1) землевладельцам немецкого и прусского происхождения, обязанным ордену военной службой, в зависимости от размеров своего поместья, в качестве тяжелых или легких кавалеристов;

2) стрелкам-ополченцам (немецкого и прусского происхождения) городов, расположенных во владениях ордена;

3) поселянам немецкого и прусского происхождения, обязанным предоставлять для обоза орденского войска лошадей, телеги и возниц.

Какие же вооруженные силы Верховный магистр «мариан» Ульрих фон Юнгинген оказался в состоянии противопоставить армии польско-литовской коалиции?

7. ОБ АРМИИ ВЕРХОВНОГО МАГИСТРА «МАРИАН»

а) Боевое построение

В полевых сражениях армия Тевтонского ордена традиционно строилась в три линии, или эшелона (по-немецки: «треффен», Treffen). Третью линию составлял резерв. Лишь в битве

при Танненберге этот традиционный порядок построения был нарушен, и мы далее увилим, почему. Каждый «треффен» состоял из нескольких боевых отрядов (по-немецки: «шлахтгауфенов», Schlachthaufen), представлявших собой тактические подразделения. В свою очередь, каждый «шлахтгауфен» состоял из нескольких «знамен», или «хоругвей» (по-немецки: «баннеров», Banner), а каждое «знамя» — из нескольких отрядов (по-немецки: «труппов», Truppen — просьба не путать с трупами).

Острие передового «шлахтгауфена» тевтонского орденского войска составляли рыцари в тяжелых доспехах, построенные клином (по-старонемецки: «ди шпиц», die Spitz). В зависимости от количества тяжеловооруженных конников, составлявших острие («чело») клина, сам клин мог быть больше или меньше. Были возможны варианты, когда в первом ряду стояло 3 рыцаря, во втором — 5, в третьем — 7, в четвертом — 9 и т.д. Чаще всего «клин» состоял в общей сложности из 50—80 рыцарей, в то время как основную часть «шлахтгауфена» составляло двигавшееся вслед за тяжеловоруженными рыцарями, построенное вытянутым четырехугольником, формирование конных рыцарей в облегченном вооружении и «услужающих братьев» («слуг», «сариантов»), как правило, представлявших, по сравнению с рыцарями, меньшую боевую ценность и обладавших меньшим боевым опытом.

За отрядом этой средней и легкой кавалерии в некоторых случаях выстраивалась орденская пехота.

Рыцарский «клин» мог состоять либо из одного большого «баннера», либо из нескольких более мелких. Когда нам приходится читать о «клине», состоящем из нескольких «баннеров», то остается не вполне ясным, где в таком случае располагались знамена и предводители этих мелких «баннеров»,

поскольку знамя первого «баннера» клина считалось знаменем всех «баннеров», входивших в этот клин. Прикрытие знаменосца составляли самые сильные, искусные во владении оружием и опытные рыцари, вооруженные мечами, булавами и шестоперами («штрейткольбенами», Streitkolben). Иногда рыцари этой «знаменной группы» имели по два меча каждый. А вот копий им — повторим это еще раз! — не полагалось (чтобы они, захваченные общим наступательным порывом, не атаковали неприятеля «по-рыцарски», с копьем наперевес, забыв о порученной им охране знамени).

Тактическая цель атаки в клинообразном строю заключалась в прорыве неприятельского строя, чтобы потом повернуть и рассечь и без того распадающееся неприятельское формирование на несколько частей. Вероятно, за рыцарями следовали легковооруженные отряды, занимавшиеся уничтожением противника, утратившего боевой порядок. Клинообразное построение использовалось «тевтонами» задолго до битвы при Танненберге 15 июля 1410 г., в частности, в Прибалтике. В орденских хрониках (в частности, у Генриха Латвийского), упоминается боевой порядок под названием «шикунге» (Schikunge), хотя ныне точно не известно, как он выглядел.

б) Походное построение

На марше в голове орденского войска следовал конный авангард (нем.: «фортраб», Vortrab, или «реннфане», Rennfahne, что по-русски иногда переводится как «Скаковая хоругвь» или «Гончая хоругвь»), а замыкал колонну арьергард (нем.: «нахгут», Nachhut). Если войско передвигалось по неприятельской территории, оно шло в сомкнутом строю. При снятии с лагеря никто не должен был садиться на коня или надевать вооружение без приказа. Каждый должен был оста-

ваться в своей группе или «ротте» (Rotte — не путать с «ротой»!), к которой он был приписан (Правила, 46). Без соответствующего приказа не разрешалось снимать доспехи, шлем, щит и оружие.

В пункте XXIII Законов Верховного магистра «тевтонов» брата Дитриха фон Альтенбурга (1335—1341) сказано, что все братья должны оставаться и передвигаться под знаменем (в составе «знамени». — *В.А.*), за исключением тех случаев, если предводитель их «баннера» или его помощник пошлют их куда-либо с поручением. Пункт 5 закона V Верховного магистра брата Винриха фон Книпроде (1351—1382) говорит: «Брат, коий в походе (нем.: «рейсе», «рейзе» или «райзе», Reise) будет послан к знамени (зачислен в состав «знамени». — *В.А.*), не должен удаляться от оного без приказа». Слуги («кнехты») должны были в походе ехать вслед за «братьями-рыцарями», каждый за своим господином. Если рыцари соединялись в отдельный отряд (нем.: «шар», Schar), то «кнехты» должны были ехать перед ними или рядом с ними, держа в поводу боевых коней (в походе рыцари ехали не на боевых конях, а на походных лошадях).

В опасных («внушающих страх») местах орденским «братьям» не дозволялось без приказа разнуздывать лошадей. Когда «братья» садились на боевых коней, им не дозволялось поворачивать их без приказа. В пору Средневековья среди рыцарей часто возникали споры и даже конфликты из-за права непременно первым атаковать неприятеля (первым войти в боевое соприкосновение с противником считалось делом чести, ради этого рыцари нередко ломали строй, приводя тем самым свое войско к поражению).

Поэтому Правила Тевтонского ордена строжайшим образом регламентировали все действия каждого члена ор-

дена на марше и в бою, с целью недопущения подобных конфликтов между «братьями-рыцарями» и самовольных действий. Если бы «братья» самовольно, «ища себе чести и славы» (как говорится о дружинниках-курянах в «Слове о полку Игореве»), вырывались вперед, это могло бы привести к катастрофическим последствиям для орденского войска. Поэтому за подобные проступки предусматривалась суровая кара. Никому из братьев не дозволялось атаковать без приказа или до того, как переходил в атаку предводитель «баннера» (нем.: «баннерфюрер», Bannerfuehrer). Братья, которым было поручено прикрывать знамя, обязаны были находиться в его непосредственной близости. Потеря знамени (или самовольная подача им каких-либо сигналов) каралась смертной казнью.

Перед отдачей маршалом или предводителем «баннера» приказа атаковать оруженосцы (нем.: «кнаппен», Knappen) собирались с вьючными лошадьми под знаменем, которое держал один из «братьев-сариантов» (сержантов), и молились за своих ушедших в бой хозяев, не принимая сами участия в сражении. Сами оруженосцы (возившие за «братьями-рыцарями», которым они служили, их щиты и копья) имели на вооружение только кинжалы для самообороны и в бою обычно участия не принимали (за исключением критических ситуаций).

В сомкнутом строю орденские бойцы оставались только до момента вхождения в боевое соприкосновение с противником. С началом схватки строй распадался на множество отдельных поединков. Тяжеловооруженные рыцари не могли атаковать с копьями наперевес в сомкнутом строю без интервалов, не имея свободы маневра и свободного пространства для разгона, необходимого для нанесения таранного удара (поэтому

представления о том, что «тевтонская» железная «свинья» сомкнутым клином, как раскаленный утюг в сугроб, входила в плотный неприятельский строй, пробивая его насквозь, несомненно, нуждаются в серьезной корректировке). «Божьи рыцари» шли в атаку коротким или медленным галопом, почти что рысью. Обычно бой начинали конные арбалетчики, стоявшие на флангах и перед готовым к бою конным формированием ордена. Отстрелявшись, арбалетчики отступали в тыл конному формированию.

Тактическое боевое построение в соответствии с Уставом ордена тамплиеров, применявшееся войском Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в ранний период его существования, отличалось от описанного выше «классического». В Святой земле вооруженные «кнехты», державшие копья рыцарей, стояли перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы («кнаппен») с походными лошадьми находились в последней линии. Как правило, тяжеловооруженные рыцари образовывали первую линию, а «братья-сарианты», имевшие среднее вооружение, — вторую. Легкая конница («туркопулы» или «туркополы», нем.: Turkopolier), набиравшиеся из палестинских, сирийских и армянских христиан (а впоследствии — из осевших в Святой земле потомков крестоносцев-«франков», пулланов и даже из местных мусульман), стояла на флангах.

В Пруссии и Ливонии ситуация изменилась. Разделение орденского войска на отдельные отряды (крестоносцев изо всех градов и весей Европы, ополчений орденских комтурий, ополчений подчиненных ордену епископств и городов), выступавших каждый под собственным «баннером», делало фронт орденского войска более широким, за счет меньшей глубины построения.

Тактическое построение (в частности, в битве при Танненберге 15 июля 1410 г.) орденского войска состояло из большого числа конных арбалетчиков (спешивавшихся в бою) и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (строившихся «клином»).

Пешие воины использовались главным образом в орденском флоте «мариан», при обороне замков, крепостей и городов, сопровождении транспортных колонн и при охране обоза, оставленного конным войском, ушедшим жечь и грабить достояние прусских (или литовских) язычников.

в) «Копье», или «глефа»

Самое мелкое подразделение тяжелой орденской конницы именовалось «копьем» (по-немецки: «глеве», «глефе», «глефа», «ланце» или «шпис»). «Глефа» (само это слово означает копьевидное оружие с длинным древком и плоским, клинкообразным наконечником вроде русской «совни») была не тактическим, а чисто организационным подразделением. В отличие от «копий» обычных, «мирских» («светских») рыцарских войск Западной Европы (за исключением армий королевств Иберийского полуострова, кроме Наварры, в которых «копьем» именовался одиночный тяжело или легко вооруженный конный воин), насчитывавших порой до нескольких десятков человек (в зависимости от богатства возглавлявшего «копье» рыцаря-феодала), тевтонская «глефа» состояла не из четырех (как часто ошибочно пишут и думают), а из трех человек — тяжеловооруженного конника, его оруженосца («кнаппе») и конного арбалетчика. На этих трех воинов Приснодевы Марии приходилось в общей сложности четыре лошади. Каждый из трех конников «глефы» имел свою собственную походную лошадь, а тяжеловоору-

женный конник — еще и тяжелого боевого коня, которого в походе вел в поводу его оруженосец.

Тяжеловооруженный конный латник именовался «шписфюрером» (нем.: Spiessfuehrer) или «глефнером» (нем.: Glefner, Glevner). На марше доспехи рыцаря были навьючены на его боевого коня, в то время как оруженосец вез щит и копье «глефнера». Лишь в непосредственной близости от неприятеля «глефнер» в подходящем месте облачался в доспехи. Всякий рыцарь, желавший иметь собственного оруженосца, должен был при вступлении в Тевтонский орден внести в качестве «вклада» не менее четырех лошадей (во всяком случае, в германских владениях Тевтонского ордена — «Дейчмейстертуме»). «Человеком чести» (нем.: «эрбар», Ehrbar) считался лишь тот, кто, кроме оруженосца (не имевшего собственного вооружения), выставлял хотя бы одного стрелка.

Контракты, заключавшиеся Тевтонским орденом с предводителями наемников (нем.: «зёльднеров» — от слова «зольд» = «жалованье», происходящего от названия средневековой итальянской монеты «сольдо», или от названия позднеримской золотой монеты «солидус», или «солид»), предусматривали, что каждый «шпис» в составе наемного отряда также должен был включать в свой состав трех человек и четыре лошади (например: «Сорок хорошо вооруженных рыцарей и оруженосцев и сорок стрелков» или: «Сто глеф добрых рыцарей и кнехтов в полном вооружении... и к ним сто стрелков. Эти сто глеф должны иметь четыреста лошадей»).

Во время похода орденского войска Тевтонского ордена на остров Готланд, с целью очистить его от шаек морских разбойников-«витальеров» (1404), каждый вооруженный

арбалетом «брат-рыцарь» получал, в качестве конюха, собственного «кнехта», а все прочие арбалетчики — лишь одного «кнехта-конюха» на двоих.

г) Горны, трубы и герольды

Кроме сигналов, подаваемых знаменами-«баннерами», в орденском войске «тевтонов» подавались также звуковые сигналы. Хронисты ордена Девы Марии упоминают подачу сигналов трубными (роговыми) звуками, например, к снятию лагеря, к выступлению в поход и т.д. По состоянию на 1422 г. в инвентарной описи Малой оружейной палаты Кёнигсбергской комтурии Тевтонского ордена числился один боевой (или войсковой) горн, или рог (нем.: «геергорне», Heerhorne). Фанфары в описываемое время не упоминаются. В орденском войске имелись и «глашатаи» (или, по-русски: «бирючи»). В Правилах (54) о должности «глашатая» («аусруфера») сказано, что в военном стане он должен располагаться рядом с маршалом ордена и выкрикивать («оглашать») приказы последнего, обязательные для всех. В Правилах также неоднократно упоминаются «возгласы» глашатаев, поднимающих орденское войско «тевтонов» по тревоге при приближении неприятеля.

В орденских расходных книгах нередко встречаются записи вроде:

«Итого за 12 марок куплено 3 “швейка” («швейками» назывались лошади низкорослой прусской породы. -- *В.А.*) для 3 трубачей, сопровождавших нашего Верховного магистра в рейсе» (нем.: Item XII m. vor III sweyken den III pfyfern gekouft dy mit unserm homeyster in dy reise zoegen).

Музыканты играли особенно важную роль в поддержании боевого духа воинов ордена на марше и в лагере. Каждому

орденскому воинскому контингенту было придано определенное число музыкантов. Трубачи (нем.: peiper, pypir, pyper, pipir, pfyfer, spillute) сопровождали также отряды военного ополчения подчиненных ордену городов (судя, например, по «Военной книге» города Эльбинга за 1383—1409 гг.).

Контингенты съезжавшихся на помощь ордену Девы Марии европейских крестоносцев также имели в своем составе трубачей, а в некоторых случаях — также литаврщиков. Трубач приехавшего в Пруссию для участия в Крестовом походе француза Жана де Блуа был даже облачен своим богатым сеньором в рыцарские латы. Необходимо заметить, что нам точно не известно, на каких именно инструментах играли упоминающиеся в орденских хрониках «трубачи».

Под «трубачами» («пейперами», «пипирами», «пфифирами», «пфейферами», «шпиллейтами») могли подразумеваться не только горнисты, но даже флейтисты или волынщики. В тевтонских «рейсах» знатные европейские крестоносцы участвовали в сопровождении своих герольдов и декламаторов (в качестве важных свидетелей, всегда готовых подтвердить и воспеть подвиги своих сеньоров). По некоторым данным, при дворе гохмейстера Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в городах Мариенбурге-на-Ногате и Кёнигсберге имелся особый орденский герольд. Точных доказательств на этот счет не существует. Однако совершенно точно доказано существование, по крайней мере, в 1388 г., герольда Верховного магистра «мариан». Звали этого герольда Варфоломей (Бартоломеус) Лютенберг.

д) Хоругви и знамена

На Главной хоругви Тевтонского ордена Приснодевы Марии были изображены Пресвятая Богородица с Богомладенцем Ии-

сусом на руках, а справа от Богородицы — герб ордена: прямой черный крест на белом (серебряном) поле. Вероятно, данное изображение украшало аверс главной орденской хоругви «тевтонов», в то время как на ее реверсе был изображен святой мученик Маврикий (так, во всяком случае, обстояло дело с главной хоругвью ливонского филиала Тевтонского ордена — прямого наследника прибалтийского ордена воинства Христова, или меченосцев, известного также как орден Меча). Наличие у рыцарей-«мариан» этой Главной хоругви с образом Богородицы, Небесной Покровительницы и Заступницы ордена, не подлежит никакому сомнению, будучи засвидетельствовано многочисленными хрониками и другими документами, однако о ее наличии в рядах тевтонского войска Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена в день битвы с польско-литовским войском под Танненбергом 15 июля 1410 г., не сообщает ни один хронист. Возможно, кому-то из тевтонских рыцарей удалось спасти главное знамя своего ордена, вследствие чего оно не попало в руки победителей и, соответственно, в известный список хоругвей и знамен Тевтонского ордена (лат.: «Бандериа Прутенорум», Banderia Prutenorum, то есть «Прусские знамена»), составленный польским хронистом каноником Яном Длугошем.

Другое боевое орденское знамя, так называемая Большая (Великая) хоругвь Тевтонского ордена, было первоначально совершенно белым, безо всяких изображений. Позднее Большая хоругвь представляла собой белое полотнище с прямым черным крестом и тремя косицами (что соответствовало рангу Верховного магистра). «Земский магистр» — ландмейстер имел хоругвь с двумя косицами. Каждый отряд («хоругвь», «фане», «баннер») орденского войска имел собственное знамя (также именовавшееся хоругвью или баннером) с различными геральдическими изображениями.

На знаменосцев возлагалась весьма почетная, но вместе с тем и весьма опасная миссия — возить знамя, беречь его как зеницу ока и в то же время не забывать своевременно подавать знаменем необходимые сигналы своим войскам (в лязге и грохоте тогдашних рукопашных схваток команды, да и трубные сигналы очень быстро становились неразличимыми, так что вся надежда была на знамя). Знамя было лучшим средством оповещения и ориентиром. К нему стягивались (от этого, кстати, происходит и одно из русских названий знамени — «стяг») войска для перестройки и новой атаки. Знаменем подавались сигналы в бою.

Внезапное исчезновение знамени-хоругви во время боя — это случилось, к примеру, с главным знаменем польского войска при Танненберге — Большой (Великой) Краковской хоругвью — могло вызвать панику, его утрата символизировала поражение и считалась огромным позором. Неправильно поданный знаменем сигнал мог привести собственные войска в замешательство (что произошло в ходе битвы при Танненберге, когда изменивший «тевтонам» кульмский рыцарь — вассал ордена Девы Марии — Никкель, Нильце или Нитце фон Ренис — подал своим знаменем ложный сигнал к отступлению и способствовал поражению «тевтонов»). За подобные действия орденский Устав предусматривал смертную казнь для нерадивого (или вероломного) знаменосца. Обезглавлен был и Никкель фон Ренис (правда, не сразу).

Хотя к знамени-хоругви приставляли надежную охрану, служить знаменосцем (хоругвеносцем) было небезопасно. Знаменосец постоянно являлся первоочередным объектом вражеских нападений и потому всегда носил особо прочное защитное вооружение. Нередко роль знаменосцев выполняли орденские комтуры. Полотнище знамени должно было иметь довольно большие размеры, чтобы хорошо различаться изда-

лека, но не слишком большие, чтобы не обматываться вокруг головы знаменосца или головы его коня (что могло иметь фатальные последствия).

Древко знамени (у Большой хоругви гохмейстера оно было покрыто позолоченной медью) обычно заканчивалось острием, как у копья. Как уже говорилось, в бою знамя тщательно охранялось. Устав Тевтонского ордена требовал назначать в эскорт знамени только самых опытных, отборных «братьев-рыцарей», вооруженных мечами (иногда даже парой мечей каждый), булавами, шестоперами, чеканами и боевыми топорами, готовых и способных отбить любое вражеское нападение. Им было строжайше запрещено отлучаться в ходе боя от знамени и оставлять его без защиты. Рыцарям «знаменной группы» не выдавались копья, поскольку для нанесения «таранного» удара копьем необходимо было разогнаться, а следовательно — покинуть знамя, оставив его без присмотра. В качестве дополнительной меры предосторожности, для предотвращения паники в случае потери знамени, комтур обычно имел запасное знамя, обернутое вокруг копья. Но Большая (Великая) хоругвь ордена Святой Девы Марии, а также Большая (Великая) и Малая хоругви Верховного магистра существовали только в одномединственном экземпляре.

8. О ТЕВТОНСКОМ ОРУЖИИ БЛИЖНЕГО БОЯ

В статье 2 раздела IV «Законов» Верховного магистра Тевтонского ордена брата Винриха фон Книпроде (1351—1382) было сказано: «Братьям надлежит всегда носить с собой меч».

Меч

Главным оружием всякого «брата-рыцаря» («белого плаща») и всякого «брата-сарианта» («серого плаща») Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии являлся меч (нем.: «шверт», Schwert). Всякий «брат» ордена должен был по возможности оставаться препоясанным мечом (даже в мирное время и даже если он не носил на себе иного вооружения, доспехов и шлема) — например, во время конных прогулок. В то же время все посетители «орденского дома», не принадлежавшие к Тевтонскому ордену, должны были, прежде чем войти в дом, снимать свои мечи (как и при проезде через ворота городов, расположенных во владениях Тевтонского ордена).

Мечи не перечисляются в инвентарных описях орденских арсеналов именно потому, что как бы являлись неотъемлемым элементом облачения каждого члена ордена, который он постоянно имел при себе. Какого-то общего, или единообразного типа меча члена Тевтонского ордена исторически не существовало.

Обычно рыцари, принимаемые в Тевтонский орден (да и в другие военно-монашеские ордены — например, в орден Храма или Святого Иоанна), вступали в него вместе со своими мечами, поэтому различные варианты мечей, распространенных в тогдашней Германии (а если быть точнее — в тогдашней Священной Римской империи, включавшей в себя, как мы знаем, наряду с Германией, также нынешние Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Австрию, Швейцарию, Богемию-Чехию и т.д.), были представлены и в войске Тевтонского ордена. Во всяком случае, светские рыцари — вассалы ордена Приснодевы Марии (служившие ему и участвовавшие в орденских походах-«рейсах» за предоставленный земельный надел), судя по многочисленным находкам, широко употребляли

мечи, выкованные в орденских оружейных мастерских или в собственных кузницах по достаточно устаревшим образцам (так, один из найденных на поле битвы под Танненбергом подобных мечей, датируемый примерно 1395 г., повторяет по форме меч образца 1300 г.).

С течением времени длина орденских мечей постепенно увеличивалась. Если клинок меча, датируемого концом XII в., чаще всего достигал в длину 80 см, то клинок меча второй половины XIV в. — уже 1 м.

Мечи ковались из стали и железа и полировались до зеркального блеска. Они имели обоюдоострый клинок. По Уставу Тевтонского ордена мечи, как и другие виды оружия, было запрещено чем-либо украшать. Правда, в реальности совсем без украшений дело все-таки не обходилось, но украшались обычно только навершия рукояток мечей, имевшие различную, не регламентированную, форму. Навершия украшались маленькими изображениями орденского креста, порой фигурками или даже фамильным гербом владельца (изображать который на щите, одежде, шлеме или конской попоне членам Тевтонского ордена в «классическую эпоху» его существования было строжайше запрещено). В очень редких случаях эфес или крестовина меча покрывались бронзой, еще реже верхняя часть клинка украшалась девизом или каким-либо узором. И буквально в считаных случаях клинок орденского меча частично воронился, украшался латунной проволокой, словами молитв или благочестивыми изречениями.

Тяжелый эфес меча служил противовесом клинку, уравновешивая меч в руке бойца. С целью облегчения веса меча (а отнюдь не для того, чтобы с него «легче стекала кровь», как иногда пишут и думают!) клинок имел долы. Меч с долами на клинке весил в среднем около 3 кг. Большинство мечей

(не «принятых» в орден вместе со своими владельцами) ведомство маршала рыцарей Девы Марии Тевтонской получало от местных городских оружейников или же из лучших оружейных мастерских городов, расположенных в других государствах Европы (например, из Вены). Меч вкладывался в кожаные ножны, усиленные внутри деревянными вкладками.

О мечах «братьев-рыцарей» основанного князем Конрадом Мазовецким польско-немецкого Добринского (Добжиньского) военно-монашеского ордена, действовавшего против прусских язычников до прихода в Пруссию «тевтонов», сообщается, что их ножны были якобы красного цвета. О ножнах мечей тевтонских рыцарей подобных сведений у нас не имеется.

В очень редких случаях на поясах, на которых рыцари Тевтонского ордена носили мечи, встречались декоративные металлические бляхи или иные украшения, хотя это было строго запрещено статьей XIX «Закона» Верховного магистра Дитриха фон Альтенбурга (1335—1341), недвусмысленно гласившей:

«Такожде и поясам для ношения мечей надлежит быть скромными ремнями безо всяких блях» (нем.: «ouch suln sin die swertfessele slecht gryme ane spangen»).

Со второй половины XIV в., судя по сохранившимся надгробиям, вошли в употребление предохранительные цепочки, один конец которых прикреплялся к рукояткам мечей и кинжалов (а также к шлемам), другой же — сначала к поясу, а позднее — к латам на груди (служившие своеобразной страховкой от потери меча, кинжала или шлема в рукопашной схватке).

Дюзак (дуссака)

«Дюзаком» («дюзакой», или «дуссакой» — искаженное славянское слово «тесак») назывался слегка изогнутый, дешевый в изготовлении меч (сабля) с одним лезвием (то есть зато-

ченный только с одной стороны) и металлической дугообразной гардой, защищавшей пальцы державшей его руки, состоявший на вооружении «неблагородных» воинов Тевтонского ордена в период с XIII по XV в. Этим «тесаком» (изогнутый клинок которого достигал в длину в среднем 70 см) пользовались также члены бюргерских ополчений подчиненных Тевтонскому ордену городов или отрядов немецких, польских и прусских крестьян, выступавших в поход по призыву Верховного магистра под началом своего господина — светского или духовного вассала Тевтонского ордена. «Дюзаки» (именовавшиеся в романских странах «фальшионами») были также излюбленным оружием богемских (чешских) наемников ордена Пресвятой Девы Марии и матросов орденского флота.

Кинжал (нем.: «туллих», «дуллих», «дольх», Tullich, Dullich, Dolch), или «милость Божья» (нем.: «гнадготт», Gnadgott, лат.: «мизерикордия», misericordia).

«Братья-рыцари» и «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили справа на поясе кинжалы. Эти «кинжалы милосердия» были предназначены, прежде всего, для закалывания поверженного противника сквозь щели в доспехах (в подобных случаях, вероятно, предполагалось, что всякий благочестивый «брат» ордена Пресвятой Девы Марии, прежде чем покончить с лежащим на земле неприятелем — во всяком случае, католиком-поляком или еще каким-либо «братом во Христе», скажет или шепнет ему на ухо: «Да пребудет с тобой милость Божья!», или, по-немецки: «Гнад дир Готт!», Gnad dir Gott!).

Впрочем, поляки, в свою очередь, в долгу не оставались. Вспомним хотя бы знаменитую сцену завершения Грюнвальдской битвы в романе лауреата Нобелевской премии Генрика

Сенкевича «Крестоносцы» («Крыжаки»): «Мацько дважды вонзил мизерикордию в горло врагу. Куно страшно захрипел, выкатил глаза, изо рта у него хлынула кровавая пена и т.д. (цитирую по памяти. — *В.А.*)».

Впрочем, кто его знает... Хотя откуда-то ведь должно было взяться такое название!

В качестве средства самообороны кинжалы состояли и на вооружении оруженосцев (нем.: «кнаппен», Knappen) орденских «братьев-рыцарей», возивших за своим господином щит и копье и не имевших собственного вооружения. Да и вообще, никакому воину не возбранялось их иметь.

Кроме кинжала (на случай, если придется «завалить» сарацина, половца, прусса, литвина или поляка) на поясе обычно носили еще и нож (чтобы «колбаски, ветчинки или сальца нарезать», или еще там чего)...

Булава, шестопер, чекан, боевой топор

Наряду с клинковым на вооружении войск Тевтонского ордена состояло и оружие ударное. Булавы, шестоперы (перначи) и чеканы (боевые молоты) были излюбленным оружием конных воинов.

Военные предводители особенно охотно пользовались булавами, или шестоперами (напоминавшими по форме скипетр), служившими им не только ударным оружием, но и символом власти. Очень любили пользоваться булавой или шестопером епископы, выступавшие на войну во главе своих воинских контингентов по призыву своего сюзерена — Верховного магистра Тевтонского ордена — ведь им, как князьям церкви и лицам духовного звания, было строжайше запрещено брать в руки меч (ведь в Писании сказано: «Взявший меч от меча и погибнет…»).

Чеканы, или боевые молоты (нем.: «рабеншнабели», Rabenschnabel, т.е. «вороньи клювы») использовались конными воинами для проламывания вражеских шлемов и пластинчатых лат.

Боевые топоры (секиры) входили в комплект вооружения пеших воинов (кнехтов) и экипажей кораблей орденского флота.

Древковое оружие

Древковое оружие различных размеров, снабженное наконечниками различных форм, было главным оружием как пехоты, так и конницы ордена Приснодевы Марии. При раскопках средневекового имения Клеменсбург, принадлежавшего светскому рыцарю-вассалу Тевтонского ордена, были обнаружены металлические наконечники различных видов древкового оружия длиной от 15 до 58 см и разной ширины.

Пики

Пехотные пики (нем.: «шписсы», Spiesse) имели длинные и широкие наконечники в форме клинка или шила (для протыкания неприятельских кольчуг).

Копья

Задняя часть древка рыцарского копья (нем.: «ланце», «штоссланце», Lanze, Stosslanze), имевшего (в отличие от пик и копий, состоявших на вооружении орденской пехоты) сравнительно компактный, небольшой и короткий наконечник, достигавшего в длину 5 м и весившего до 6 кг, во время атаки зажималась рыцарем под мышкой правой руки. Для нанесения мощного таранного удара копьем, взятым наперевес, рыцарь вытягивал ноги вперед и плотно упирался нижней частью спины (скажем так) в заднюю луку высокого рыцарского седла.

Древко рыцарского копья чаще всего было абсолютно прямым и имело одинаковый диаметр по всей своей длине.

По Правилу XXII Устава Тевтонского ордена его членам запрещалось пользоваться древковым оружием, раскрашенным в яркие «светские» цвета. Из цветов для окраски древка допускались только «церковные» («монашеские») — черный, серый или коричневый — «в тон» цветам облачений различных «сословий» (классов, чинов или категорий) членов Тевтонского ордена.

Странным образом в Уставе и хрониках Тевтонского ордена совершенно отсутствуют какие бы то ни было упоминания о флажках-«прапорцах» на копьях «братьев» Тевтонского ордена (столь любимых иллюстраторами и кинематографистами).

«Гуфдорны» (нем.: Hufdorne) — рогульки, или, по-русски: «железный чеснок»

Этот вспомогательный вид оружия, широко использовавшийся не только в эпоху Средневековья, представлял собой небольшие по размеру железные конструкции из 4 железных шипов или гвоздей, торчащих остриями в разные стороны и разбрасывавшихся на предполагаемом пути неприятельской конницы. Если «железный чеснок» разбрасывался в больших количествах (как это обычно и бывало), он мог создать серьезные проблемы для продвижения не только конницы, но и пехоты неприятеля.

9. О СТРЕЛКАХ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

В указе Верховного магистра Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена о направлении в 1404 г. орденского экспедиционного корпуса на остров Готланд с целью очистить

его от морских разбойников-«витальеров», в частности, говорилось:

«Всякий свободный и слуга должен иметь доспех, два копья, щит и один седельный топор. Всякий стрелок из арбалета один шог стрел».

Выражение «шог (шок) стрел» означало «60 стрел». Не только в «оружейных палатах» орденских замков «тевтонов», но и в имениях помещиков, обязанных ордену военной службой (как немецких рыцарей-вассалов, так и прусских «витингов») и даже в орденских хозяйствах-«экономиях» хранились изрядные запасы всевозможного оружия, выдававшегося в случае начала (а точнее — возобновления) военных действий против «врагов Креста и Христианской Веры». Имелись в больших количествах и собственные оружейные мастерские.

Ниже мы коснемся несколько подробнее одного из наиболее эффективных видов вооружения воинов Тевтонского ордена — арбалета.

Арбалет (по-латыни: «арбалиста», «аркубалиста» или просто «баллиста», по-немецки: «армбруст», Armbrust, по-русски: «самострел», по-польски: «куша») — короткий мощный лук, снабженный деревянной ложей с желобом для стрел или свинцовых пуль — принадлежал к числу видов метательного оружия, наиболее широко распространенных в армии государства Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии как в Пруссии, так и в Лифляндии (Ливонии). За изготовление, складирование, текущий ремонт арбалетов и их поддержание в надлежащем состоянии отвечали мастера так называемых «оружейных палат» (нем.: «рюсткаммер», Ruestkammer) орденских замков.

Если в период пребывания Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, где главными противниками рыца-

рей Креста выступали мусульманские наездники-сарацины, и в Трансильвании-Се(д)миградье, где тевтонским рыцарям пришлось иметь дело с куманской (половецкой, или кипчакской) конницей, от чьих набегов «марианам», приглашенным в Се(д)миградье венгерским королем Андреем II, надлежало охранять границы Венгрии, основную ударную силу ордена составляла тяжело вооруженная рыцарская конница, то в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация в значительной степени изменилась. Такая возможность была, между прочим, предусмотрена статьей XXII «О том, что относится к рыцарству». В указанной статье, в частности, говорилось:

«Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то, в зависимости от разнообразия земель и обычаев... нападения врагов надлежит биться разным оружием и разными способами...»

Местность в Пруссии и Лифляндии, изобиловавшая дремучими лесами, реками и болотами, не слишком подходила для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от Святой земли (и Европы), где рыцари привыкли выступать в своем «классическом амплуа» тяжелой конницы, в Пруссии, Литве и Ливонии тевтонским «братьям-рыцарям» сплошь и рядом приходилось вести бой пешими и биться оружием, не типичным для людей рыцарского звания — и в том числе стрелять из арбалета (хотя в орденском войске имелись и наемные отряды превосходных арбалетчиков и лучников, в том числе генуэзских и английских, состоявшие из людей «неблагородного» происхождения).

Уже в 1336 г. в инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» встречаются упоминания различных видов арба-

летов — «випармбрустов», «винденармбрустов», «зигерейф-армбрустов» и «рукармбрустов». Тетива «випармбруста» натягивалась при помощи деревянного рычага (нем.: «виппе», Wippe), а тетива более мощного «зигерейф-армбруста» (Sigereif-Armbrust) — при помощи специального крюка-«гюртельгакена» (нем.: Guertelhaken, «поясной крюк»), который арбалетчик носил на поясе вместе с обитым мехом колчаном с арбалетными стрелами-«болтами» (нем.: «больцен», Bolzen). Иногда этих «гюртельгакенов» было два. Арбалетчики, наклонившись, зацепляли тетиву поставленных ими боевой частью на землю арбалетов поясными крюками и, выпрямляясь, натягивали тетиву.

Спереди к деревянной ложе арбалета была прикреплена металлическая скоба (так называемое «стремя», по-немецки: «штейгбюгель», Steigbuegel, или «штейгрейфен», Steigreifen). Арбалетчику, вставившему в это «стремя» ногу, было легче натягивать тетиву.

«Рук-армбруст» (нем.: Ruck-Armbrust) и «зигерейф-армбруст» (нем.: Sigereif-Armbrust) именовались также «компаньонскими арбалетами» (нем.: «гезеллен-армбруст», Gesellen-Armbrust) или «стрелковыми арбалетами» (нем.: «шютцен-армбруст», Schuetzen-Armbrust). «Компаньонами» («компанами», Kompane, «кумпанами», Kumpane, или «гезеллен», Gesellen, буквально: «подмастерьями») именовались оруженосцы («кнаппен», Knappen) «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена.

Арбалетные «болты» представляли собой стрелы с железными наконечниками различной формы, насаженными на короткое толстое древко с хвостовым оперением из кожи, гусиных перьев или даже пергаментных страниц использованных не по назначению книг (в то бурное время бывало и такое). Хвостовая часть «болта» была оперена этими стабилизатора-

ми только с трех сторон (четвертая сторона, которая должна была плотно прилегать к поверхности желоба на деревянной ложе арбалета, оставалась неоперенной). Существовали особые, укороченные «болты», именовавшиеся «оводами» или «слепнями» (нем.: «бремзен», Bremsen).

Тетива разработанного позднее тяжелого «винденармбруста» (нем.: Windenarmbrust, «арбалета с воротом»), боевое применение которого (вследствие большой длины и, соответственно, солидного веса этого вида стрелкового оружия) ограничивалось сферой обороны орденских замков и крепостей, натягивалась при помощи специального поворотного механизма — ворота — с ударением на первом слоге (нем.: «винде», Winde), прикрепленного к заднему концу ложи арбалета.

Луки для арбалетов (по крайней мере, в Европе) обычно изготавливались из дерева (обычно из тиса), китового уса или рога. Воины Тевтонского ордена использовали при осадах крепостей и в «рейсах» преимущественно арбалеты с роговыми луками (хотя последние со временем стали во все большей степени вытесняться более мощными стальными). Толстая тетива арбалета изготавливалась из скрученных овечьих кишок (в то время как тетивы обычных луков делались обычно из скрученных конопляных или льняных волокон). Считавшиеся в Западной Европе давно устаревшими варианты арбалетов все еще фигурировали в инвентарных списках орденских арсеналов даже в начале XV в.

Значительная часть орденского войска «тевтонов» состояла из конных арбалетчиков. В больших количествах арбалеты хранились в «оружейных палатах» зависимых от Тевтонского ордена городов и сельских рыцарей (нем.: «ландриттеров»,

Landritter) — вассалов Тевтонского ордена (служивших ему за земельные пожалования, не вступая в орден и не принося обетов).

Прусские, ливские, леттские, земгальские и куршские язычники первоначально не были знакомы с арбалетом, и при появлении тевтонских рыцарей в Прибалтике это дальнобойное оружие обеспечивало христианам немало преимуществ при вооруженных столкновениях с туземцами, вплоть до самого «Великого восстания» пруссов (1260), поставившего под вопрос само дальнейшее существование государства Тевтонского ордена в Пруссии. К этому времени языческие племена не только перестали бояться «марианских» арбалетов (невзирая на их дальнобойность и пробивную силу), но и сами обзавелись большим количеством арбалетов — как ручных, так и станковых, наряду с другими осадными машинами, метавшими в неприятеля стрелы, зажигательные снаряды и каменные ядра.

Прибалтийские язычники с полным основанием считали орденских стрелков грозными противниками. Орденский летописец Петр из Дусбурга неоднократно упоминал в своей «Хронике земли Прусской» тевтонских «братьев-рыцарей», прославившихся в боях с туземцами своей необычайно меткой стрельбой из арбалета на большие расстояния (например, «брата» Генриха фон Таупаделя, ухитрившегося стрелой из арбалета пригвоздить руку одного из литовских язычников к деревянному ложу метательной машины при штурме тевтонским войском неприятельского замка Вилов):

«Генрих фон Таупадель... ставший братом Дома Тевтонского, муж доблестный и в совершенстве овладевший искусством баллистариев (арбалетчиков. — *В.А.*)... выстрелом из баллисты (арбалета. — *В.А.*) пронзил стрелой и убил... вождя

литвинов, и с другой стороны выстрелил в одного мастера, который, чтобы починить камнемет, поднялся на верх его, и стрелой пригвоздил ему руку к камнемету».

При планировании крупномасштабных военных экспедиций в орденских арсеналах могло храниться до 4000 арбалетов одновременно. В развалинах орденского замка Шлухов (Члухов), разрушенного поляками, при раскопках было найдено 785 железных наконечников для арбалетных «болтов». В качестве примера того, какое количество арбалетов хранилось в арсеналах некоторых орденских замков, можно привести следующие цифры из «Должностной книги» (нем.: «Эмтербух», Aemterbuch) Тевтонского ордена.

Так, например, по состоянию на 1400 г. в орденском замке города Кёнигсберга (тогдашней резиденции маршала ордена Присноцевы Марии) хранился 761 арбалет; в замке Христбурга — 595; Данцига — 255; Слохау (Шлохау) — 199; Эльбинга — 293; Раг(а)нита — 248.

По состоянию на 1416 г. в замке орденского комтура города Эльбинга хранилось в общей сложности 1265 «шогов» (по-польски и чешски — «коп») арбалетных стрел-«болтов» (то есть 75000 «болтов»; исходя из того, что 1 «шог» = 60 «болтов»). В инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» отдельно учитывались зажигательные стрелы, также хранившиеся в «оружейных палатах» в немалых количествах.

Так, например, в описи вооружений «Должностной книги» орденской Кёнигсбергской комтурии содержалась следующая запись за 1414 г.:

«Один арбалет кнехта (вооруженного слуги. — *В.А.*) компаньона (оруженосца одного из «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. — *В.А.*) Ганса, один арбалет Рихенбаха, один арбалет

Фредриха (Фридриха. — *В.А.*), один арбалет Сотодта (судя по имени, не природного немца, а крещеного прусса. — *В.А.*)».

Обычно именно арбалетчики, стоявшие на флангах и перед фронтом готового к атаке конного орденского войска, первыми вступали в сражение, являясь «застрельщиками» в буквальном смысле этого слова. Отстрелявшись, арбалетчики отходили назад через проходы в строю стоявших за ними конных рыцарей. Для рукопашного боя каждый арбалетчик был вооружен мечом и кинжалом. В комплект его защитного вооружения в «классическую эпоху» войн с язычниками в Пруссии и Ливонии, как у всех «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» Тевтонского ордена (к числу которых обычно принадлежали конные арбалетчики), входили шлем, кольчатая броня с капюшоном, длинными рукавами и кольчужными чулками, и щит.

Тактический боевой порядок орденского войска (в том числе и в сражении при Танненберге 15 июля 1410 г.) состоял из многочисленных конных арбалетчиков, спешивавшихся перед началом стрельбы, и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (последние сражались, выстроившись клином).

Дальность стрельбы из арбалета достигала в описываемое время 400 м, а дальность прицельной стрельбы — более 100 м. На расстоянии 300 м арбалетный «болт» пробивал кольчатую броню. Умелые арбалетчики Тевтонского ордена умудрялись выпускать по неприятелю две стрелы-«болта» в минуту.

Арбалеты орденских стрелков-«баллистариев» (передвигавшихся в конном строю) имели ложу из твердых пород дерева и составное луковище. Тетивы были сплетены обычно из конопляных волокон или скрученных кишок и натягивались при помощи специального поясного крюка (или нескольких крюков). Перед тем как натянуть тетиву, арбалет ставили на землю вертикально, луком вниз. Затем стрелок упирался ногой

в специальное «стремя» — скобу, укрепленную на торце ложа арбалета, и, нагнувшись, цеплял крюки за тетиву «баллисты». Когда арбалетчик разгибался, крюки, поднимаясь вместе с ним, тянули за собой тетиву арбалета до тех пор, пока она не заскакивала за фиксирующие зубцы. Существовали и более мощные, тяжелые и дальнобойные арбалеты, тетива которых натягивалась при помощи специального ворота. В Тевтонском ордене в качестве арбалетчиков выступали не только воины «низкого звания» — «полубратья» (лат.: semifratres, нем.: Halbbrueder) и наемники, но и «братья-рыцари».

Применявшиеся для стрельбы из арбалета «болты» с массивными, прочными наконечниками были короче обычных стрел. Общий вес арбалетного «болта» мог достигать 150 г, поэтому он без труда пробивал самый прочный кольчужный, а иногда и кованый пластинчатый доспех. К тому же из арбалета было проще, чем из лука, вести прицельную стрельбу.

10. О САНИТАРНОЙ И ПРОВИАНТСКОЙ СЛУЖБЕ «МАРИАН»

К середине августа 1409 г. мобилизация орденских войск была завершена. Описанная нами выше армия Тевтонского ордена все еще считалась, по меркам описываемого времени, образцовой. Она имела весьма современную для той эпохи санитарную и провиантскую службу.

Можно привести немало фактов, красноречиво характеризующих высокий уровень санитарной службы Тевтонского ордена. При изучении скелетов 1200 рыцарей и воинов, павших в битве армии Тевтонского ордена с морскими разбойниками-«витальерами» при Висби на острове Готланд в 1361 г., археологи смогли лишний раз убедиться в необычайной эффек-

тивности средневекового холодного оружия. Нанесенные с огромной силой удары мечом и топором пробивали шлемы и кольчуги, отделяли от тел руки, ноги и головы. Наконечники копий и пик, стрелы и «болты» пробивали даже ламеллярные доспехи. Наибольшее число ранений приходилось на ноги ниже колен, поскольку в пешем бою одна нога выставлялась вперед, а щит прикрывал главным образом пах, торс и голову. Смерть каждого десятого бойца, павшего в битве при Висби, была вызвана попаданием в голову арбалетной стрелы. Средневековые миниатюры — в частности, батальные миниатюры знаменитой «Библии Мацейовского», с необычайной живостью и наглядностью передают ожесточенный характер рукопашных схваток тех времен.

В первых городах, основанных Тевтонским орденом в Пруссии — Кульме и Эльбинге — уже в 1242 г. имелись госпитали; Эльбингский госпиталь был крупнейшим в Пруссии. Правда, врачи в этих госпиталях не являлись членами Тевтонского ордена. «Тевтоны» в случае необходимости привлекали к лечению своих больных и раненых независимых врачей на гонорарной основе. Деятельность «орденских братьев» ограничивалась только уходом за больными и ранеными. Мало того! Начиная с XII в., «братьям» Тевтонского ордена специальным папским указом было запрещено заниматься врачебной практикой, в том числе хирургией, поскольку для членов ордена считалось неподобающим лицезрение срамных частей. Это может показаться странным — ведь таких ограничений в отношении членов других военно-монашеских орденов — иоаннитов или лазаритов — никогда не было, но... факт остается фактом...

От XIII в. не сохранилось никаких свидетельств о врачах, находившихся на службе Тевтонского ордена. В орденском во-

йске раненые и больные получали усиленное питание. Раненые «братья», нуждавшиеся в длительном лечении, перевозились в баллеи Тевтонского ордена, расположенные на территории Германии (если их состояние позволяло перенести тяготы долгого пути), поскольку там условия лечения и содержания больных были гораздо лучше, чем в «прифронтовых» Ливонии и Пруссии. Принимать в Тевтонский орден женщин в то время было запрещено (хотя впоследствии у «мариан» и появились свои «орденские сестры» и «полусестры»). Однако, с дозволения ландкомтуров (правителей крупных орденских областей), женщины с безупречной репутацией могли, в качестве «полусестер», привлекаться к определенным работам в госпиталях. Уже в первой половине XIV в. орден Девы Марии имел в Пруссии полноценную санитарную службу со штатными врачами (в том числе хирургами), труд которых оплачивался на постоянной основе. Врачи приравнивались к «братьям-священникам» и, подобно им, не носили оружия. Около 1350 г. подчиненный ордену торговый город Данциг содержал военного врача, лечившего раненых не только из числа членов ордена Девы Марии, но и из числа его союзников и вспомогательных войск. В ходе похода орденской армии на остров Готланд в 1404 г. на 110 бойцов приходился один военный врач (цифры, вполне сопоставимые с современными). Труд хирургов оплачивался частично орденом Девы Марии, частично — подчиненными ордену городами (также обязанными выставить на определенное количество воинов определенное число врачей). Так, город Эльбинг направил в Готландский поход Тевтонского ордена на «витальеров» вместо одного из тяжеловооруженных воинов («веппнеров»), которых был обязан выставить в составе городского ополчения, военного врача с ассистентом.

В 1402—1403 гг. военный хирург по имени Ваксмут сопровождал орденского казначея — тресслера в зимнем «рейсе» на литовцев, получив за свои услуги немалую по тем временам сумму в 2 марки серебром. В 1409 г. тот же самый врач сопровождал орденское войско в летнем походе. В период 1401—1409 гг. он, по поручению ордена, лечил в Мариенбурге больных и раненых членов ордена Девы Марии и слуг, после чего поселился и открыл частную практику в Эльбинге. В 1409 г. медик с университетским образованием доктор Бартоломеус (Варфоломей) Борушау (1360—1426) сопровождал в военном походе Верховного магистра Тевтонского ордена. В свое время, в 1398 г., он был священником в Эльбинге, а с 1404 г. — деканом Эрмландского (Вармийского) соборного капитула. Одновременно доктор Борушау был личным врачом (лейб-медиком) Верховного магистра, оказывавшим, в случае необходимости, медицинскую помощь, и главным советникам гохмейстера — «гроссгебитигерам». Последние годы своей жизни Борушау провел в городе Фрауэнбурге.

Вообще же все «орденские дома» пользовались услугами врачей и лекарей тех городов, в которых (или по соседству с которыми) они находились. Если это позволяли их ранения или заболевания, то члены ордена, нуждавшиеся в медицинской помощи, сами отправлялись к городским врачам или хирургам. Ради посещения врачей-специалистов нередко приходилось преодолевать немалые расстояния. Так, в 1409 г. некий «брат» Тевтонского ордена приехал на врачебную консультацию к городскому хирургу и медику Эльбинга магистру (мейстеру) Геркену... с литовской стрелой в голове! Разовый гонорар хорошего врача в то время нередко многократно превышал стоимость молочной коровы. Если ранение или болезнь члена ордена Девы Марии не позволяли перевозить его и при-

ходилось лечить его прямо на месте, в орденском замке, то орден предоставлял в распоряжение врача верховую лошадь или повозку с возницей. Среди повозок в резиденции Верховного магистра имелась специальная повозка для врача.

Нередкими в описываемое (да и не только в описываемое!) время были случаи вскрытия в бою брюшины ударом копья или меча, с последующим выпадением внутренностей. Выпавшие из брюшины фрагменты кишечника вскоре отмирали, начинали разлагаться и выделять токсины (ядовитые вещества), что не оставляло раненому надежды на спасение. Попытки вытащить стрелы из ран или удалить их иным способом (из-за невозможности вытащить стрелу) вызывали обильное кровотечение, тоже чреватое смертельной угрозой для раненого (в особенности если кровь изливалась в брюшину). Нередко даже в легкие раны, казавшиеся безобидными, проникали возбудители столбняка, приводившие к неминуемой смерти. Обычно использовались такие способы лечения, как кровопускание, выжигание ран раскаленным железом, перевязки, пластыри и мази. На период своего участия в одном из прусских «рейсов» Тевтонского ордена знатный крестоносец граф Голландии и Геннегау (Эно) нанял «мастера-хирурга», обязавшегося, в случае необходимости, «делать перевязки и ставить пластыри» как самому графу, так и его спутникам.

«Брат-рыцарь» Тевтонского ордена Пфальцпайнт, состоявший в середине XV в. в Мариенбургском конвенте, внес значительные улучшения в дело лечения раненых. Его пример лишний раз доказывает, что отнюдь не все рыцари Тевтонского ордена были малограмотными (или вообще безграмотными) рубаками, чуждыми наукам. Пфальцпайнт, изучивший хирургическое искусство еще до своего вступления в Тевтонский орден, в 1460 г. написал трактат по хирургии, в котором

обобщил свой многолетний опыт. Он спас множество раненых со вскрытой брюшиной, смазывая прямо на поле боя вывалившиеся из раны внутренности особым подогретым маслом, рецепт которого был составлен им самим, после чего с помощью самого раненого или ассистента заправлял кишки обратно в брюшную полость и сразу же зашивал еще свежую рану.

Он умел проводить даже операции под наркозом, но к раненым в живот наркоз не применял за недостатком времени. Вонзившиеся стрелы Пфальцпайнт не пытался сразу же извлечь из раны. Он удалял только древко стрелы, торчавшее из раны, после чего поил раненого целебным зельем. По прошествии десяти дней, в течение которых происходило нагноение раны, можно было без особых усилий вытащить железный наконечник стрелы из мягких тканей.

Пфальцпайнт разработал специальные инструменты для удаления наконечников стрел, застрявших в костях. Однако в борьбе с возбудителями столбняка, буквально косившего раненых, был бессилен даже этот выдающийся средневековый хирург Тевтонского ордена.

Немало добрых слов можно было бы сказать и о провиантской службе ордена Приснодевы Марии. Повествуя в своей «Ливонской хронике» о войнах «тевтонов» с воинами Великого князя Московского, Бальтазар Рюссов писал: «Русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если у него есть вода, мука, соль и водка, то он может долго прожить ими, а немец не может». Данная констатация в гораздо более сжатой форме содержится и в известной русской пословице: «Что русскому здорово, то немцу смерть».

Не зря немецким воинам испокон веку приписывают поговорку: «Война войной, обед — обедом». В том, насколько

большое внимание они во все времена придавали соблюдению правильного режима питания, можно убедиться на примере армии Тевтонского ордена.

К 1310 г. давно забылись те времена, когда пища и питье отцов-основателей госпиталя Пресвятой Марии Иерусалимского Тевтонского дома, по утверждению орденского хрониста Петра из Дусбурга, «были настолько скудны, что цвет и запах хлеба или бобов был едва различим человеческим зрением и обонянием», когда «братья» ордена «с умерщвленной душой и радостным лицом» отказывались принимать в пищу мясо «даже в положенное время». Как говорили древние римляне: «Tempora mutantur et nos mutamus in illis» («Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»)...

В мирное время «гебитигер» (начальник) «орденского дома» (в этом случае «гебитигером» был комтур) или крепости-«орденсбурга» (в этом случае «гебитигером» был кастеллан, или каштелян) и орденские «братья» вкушали пищу за одним столом в трапезной (лат.: «рефекториум», Refectorium), храня во время еды полное молчание. Иногда назначался чтец (обычно из числа орденских «братьев-священников» — как правило, они были единственными грамотными среди членов ордена), читавший вслух вкушавшим пищу в молчании «братьям» священные или нравоучительные тексты. После того как «братья-священники» и «братья-рыцари», завершив трапезу, вставали из-за стола и, прочитав благодарственную молитву («Благодарим Тебя, Христе Боже наш, еже насытил нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия!»), удалялись, за стол садились «услужающие братья» — «сарианты», а вслед за «услужающими братьями» — слуги-«кнехты».

Пища «братьев» и слуг не отличалась большим разнообразием. В ежедневный рацион членов ордена непременно входили хлеб и каша (овсяная, пшенная или гречневая), а также серый и белый горох. В закромах орденских замков постоянно хранились большие запасы овса, проса, пшеницы и ржи. Поскольку орденские «братья» являлись не только монахами, но и воинами, им необходимо было калорийное питание, в том числе масло, сыр, творог и, разумеется, мясо. Чаще всего они ели говядину и телятину, но не брезговали также и свининой. Подобно обычным католическим монахам описываемой (и не только описываемой) эпохи, тевтонские воины-монахи пили не только чистую воду, но и пиво, мед, плодово-ягодные вина, молоко, а со временем (по мере развития виноградарства) перешли и на местное виноградное вино. В постные дни вместо мяса вкушали рыбу, сыр и яйца.

В походе основными продуктами питания были хлеб и пиво. При этом проводилось четкое различие между «господским хлебом» (нем.: «герренброт», Herrenbrot), который пекли для командного состава, «братьев-рыцарей» и «гостей» ордена (знатных крестоносцев), и «хлебом для слуг» (нем.: «кнехтброт», Knechtbrot), которым должны были довольствоваться воины «низкого звания». В походе «господа» пили, главным образом, вино, а слуги довольствовались пивом.

Провиант, который брали с собой в поход крестоносцы и воины Тевтонского ордена, должен был не портиться на протяжении нескольких недель (столько обычно длились орденские «рейсы» в земли язычников), и потому состоял главным образом из сухарей, соленой, копченой, сушеной и вяленой рыбы, сала, копченого мяса, колбас, ветчины и солонины. По возможности брали с собой муку, чтобы печь из нее хлеб в походе.

Естественно, при захвате языческих селений все найденные там припасы и вся живность съедались подчистую.

В рацион участников военных «рейсов» Тевтонского ордена в Пруссии непременно входила и так называемая «круда» — смесь различных сладких сухофруктов, сдобренная пряностями, кориандром и анисом. Существовала даже специальная профессия «круденера» («крюденера», «криденера») — кондитера, специализировавшегося на изготовлении «круды» и одновременно торговавшего этим высококалорийным лакомством. Особенно славился кулинарными талантами своих «круденеров» подчиненный ордену портовый город Данциг. В 1405 г. для снабжения участников «рейса» в Литву свежим хлебом был зафрахтован целый корабль, превращенный в плавучую пекарню (нем.: «бакшифф», Backschiff). Кроме того, участники орденских «рейсов», если представлялась такая возможность, брали с собой в поход живой скот (обычно быков) и домашнюю птицу в клетках, чтобы иметь возможность питаться свежим мясом хотя бы на начальном этапе военной экспедиции.

Провиант, предназначенный для транспортировки на вьючных лошадях, телегах или санях (в зимнее время), упаковывался преимущественно в бочки или в мешки. Шедшая в голове походной колонны «тевтонов» провиантская команда доставляла на место очередного ночлега необходимую провизию («виктуалии») для воинов, а также овес и сено для лошадей еще до подхода основных сил орденского войска. Воины ополчений, направленных в состав орденского войска подчиненными Тевтонскому ордену городами и сельскими общинами, а также светскими рыцарями — ленниками ордена, обычно сами заботились о пропитании, транспортировке провианта и снаряжения. Участвовавшие в тевтонских «рейсах»

знатные крестоносцы (в отличие от приученных к воздержанию в пище и питье воинов-монахов Тевтонского ордена) старались ни в чем себе не отказывать даже в суровых условиях прусского театра военных действий. Так, в 1363 г. для принимавшего участие в «рейсе» против литовских язычников знатного французского сеньора Жана Блуаского (де Блуа) был нанят специальный повар, «искусный в печении пирогов с разнообразной начинкой и в приготовлении изысканных паштетов», а также зафрахтован отдельный корабль, на борту которого в садках со свежей водой везли живую рыбу.

Судя по данному описанию, французы, в отличие от неприхотливых в пище и питье «братьев» Тевтонского ордена (не говоря уже о русских воинах, довольствовавшихся, если верить западноевропейским путешественникам, в день горстью толокна (то есть овсяной муки, которую ели, разведя ее водой, в виде болтушки), уже в XIV в. были не только героями, но и сибаритами. А впрочем, довольно об этом...

11. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Фогт Новой Марки Арнольд фон Баден и Верховный маршал ордена Фридрих фон Валленроде ожидали в Кульмской земле приказа Верховного магистра перейти границу и вторгнуться в Польшу. 15 августа Ульрих фон Юнгинген взял на себя верховное командование и вступил с войском в Добринскую землю. Маршал ордена и комтур Бальги быстро овладели замком Добрин (по-польски — Добжинь, бывшим центром Добринского ордена, учрежденного князем Конрадом Мазовецким с целью защиты от прусских язычников еще до призвания в Пруссию «тевтонов» и впоследствии слившегося с Тевтонским орденом) и разрушили его. Города Рыпин и Лип-

но почти без сопротивления сдались «тевтонам», осадившим сильно укрепленный Беберн (Бобровники). После 5-дневной осады и интенсивного артиллерийского обстрела польский гарнизон Беберна сдался на милость победителей.

В стан Верховного магистра под Беберном явилось очередное польское посольство во главе с архиепископом Гнезненским, прибывшее с намерением начать мирные переговоры. В качестве предварительного условия гохмейстер потребовал передать ордену замок Зольторию (по-польски: Злоторыю). Однако польское посольство не имело полномочий на выполнение подобного условия и потому покинуло лагерь магистра. Осада Злоторыи длилась 8 дней, после чего замок был взят штурмом и разрушен, а его гарнизон взят в плен. Боевые действия в других пограничных районах также развивались успешно для ордена. В течение 8 дней комтуры Шлохау (по-польски: Члухова) и Тухеля (по-польски: Тухоли) опустошили Крайнскую (по-польски: Крайенскую) землю, разрушив замки Цемпельбург (по-польски: Семпольно) и Камин (по-польски: Камень Крайенский). Войска комтуров дошли до реки Нетце, взяли штурмом Бромберг (Быдгощь) и оставили там «тевтонский» гарнизон. Комтуры Остероде (Остроды, Оструды) и Бранденбурга (Покармина) вторглись со своими войсками во владения князя (герцога) Ян(уш)а Мазовецкого. В наказание за союз князя с Польшей его земли были преданы огню и мечу. В ходе всех этих военных предприятий сопротивление, оказанное «тевтонам» польскими войсками, было достаточно слабым.

Менее успешным для ордена Девы Марии был ход военных действий в Самогитии. Когда выяснилось, что Верховный магистр бросил главные силы «тевтонов» на Польшу, Великий князь Литовский Витовт собрал свои войска в районе Ковно

(Каунаса) и повел их в Жемайте. Перед лицом подавляющего численного превосходства литовцев войска «тевтонского» комтура Самогитии были вынуждены оставить замки Фридбург, Дубиссу (по-польски: Дубешу) и Рагнит (по-польски: Рагнету или Раганиту). Литовцы быстро завоевали всю Самогитию. Вслед за тем Витовт бросил свои рати на орденскую область Надравию, предавая все огню и мечу. Великий князь Литовский осадил орденский замок Мемель (Мемельбург), но овладеть им не смог. Оценив сложившуюся ситуацию, Верховный магистр «тевтонов» решил обратить меч против Витовта. Взяв на себя оборону Кульмской земли, магистр приказал маршалу с войсками комтуров Бальги и Бранденбурга ударить по литовцам. Однако вспыхнувшие в орденском войске болезни и проливные дожди помешали успешному проведению этой операции. Маршал, отказавшись от наступления, принял решение, усилив свои войска контингентами комтуров Эльбинга (по-польски: Эльблонга) и Христбурга (Кристбурга, по-польски: Дзежгони), оборонять район Гогенштейна (по-польски: Ольштынека), Алленштейна (по-польски: Ольштына) и Гильгенбурга (по-польски: Домбровно) в Мазурской области орденского государства.

Король польский Владислав Ягелло, ошеломленный тем, что орден объявил ему войну, на этом первом этапе войны собирал силы в Польше. Его воеводы на границах были связаны приказом не вступать в широкомасштабные военные столкновения с орденским войском в отсутствие короля. В конце сентября 1409 г. Ягелло со своим войском подступил к Бромбергу (по-польски: Быгдощу). Ульрих фон Юнгинген во главе своей армии подошел к Швецу (по-польски: Свеце). Обе армии разделяли теперь всего две мили. Однако каждый из противников, не ощущая себя достаточно сильным, ожидал подхода подкре-

плений, и потому до битвы дело не дошло. Наоборот, 8 сентября 1409 г., при посредстве польского союзника Тевтонского ордена, князя (герцога) Конрада IV Старого Олесницкого, было заключено перемирие сроком на девять месяцев.

Урегулирование территориального спора между орденом и Польшей было передано на рассмотрение Вацлаву (Венцеславу, Венцельрину или Венцелю) Люксембургскому (фон Люксембургу), королю Чехии (1363—1419), которому очень скоро (в 1411 г.) предстояло быть повторно возведенным на трон Священной Римской империи. До 1400 г. Вацлав фон Люксембург уже был римско-германским императором и потому пользовался в глазах венценосцев и общественности Запада авторитетом высшего арбитра в таких делах (являясь — теоретически! — верховным светским сюзереном всей католической Европы, а в идеале, в соответствии с представлениями средневекового Запада — правителем всего мира — по крайней мере христианского). До вынесения королевского вердикта должен был сохраняться «статус кво». Действие заключенного перемирия распространялось и на Мазовию, но не на земли, подвластные Великому князю Литовскому Витовту.

Таким образом, Тевтонскому ордену была предоставлена возможность направить свои главные силы против Витовта, вернуть себе Самогитию, разгромив (в идеальном варианте) своего главного противника — Великого князя Литовского — до истечения перемирия с Польшей и Мазовией, и избежать тем самым войны на два фронта (вечного кошмара Верховных магистров, Великих маршалов и других «гроссгебитигеров» ордена Приснодевы Марии). Однако орденское руководство упустило этот шанс (возможно, надеясь на ослабление Витовта в борьбе с внутриполитической оппозицией в самой Лит-

ве). В ожидании решения чешского короля обе стороны принимали всевозможные дипломатические меры, чтобы склонить в свою сторону «общественное мнение» христианской Европы. Обе стороны отправляли в Германию и в Западную Европу одно посольство за другим, надеясь получить в свое распоряжение как можно больше союзников в предстоящей войне. Король Польши и Верховный магистр ордена Девы Марии были — каждый со своей стороны — твердо убеждены в том, что заключенное перемирие не приведет к прочному и долгосрочному миру. В этот период дипломатической подготовки к новому витку военных действий Верховный маршал Валленроде совершил вторжение в Литву с намерением захватить в плен самого Витовта с его супругой. Те, однако, успели спастись бегством в последний момент, едва избежав пленения. Опустошив неприятельские земли, захватив множество пленных и богатую добычу («грабь награбленное»!), маршал беспрепятственно вернулся в орденские земли. После этого набега (или, как предпочитали говорить поляки и литовцы, «наезда») обе стороны стали еще более лихорадочно вооружаться.

15 февраля 1410 г. король Чехии Вацлав Люксембургский огласил перед послами ордена Девы Марии и Польши свой вердикт. Согласно его приговору, Самогития возвращалась Тевтонскому ордену, а Добринская земля отходила к Польше. Однако вплоть до выяснения всех прочих, более мелких, спорных вопросов управление Самогитией и Добринской землей поручалось представителю чешского короля. Польское посольство от имени своего короля объявило о несогласии с решением Вацлава, покинуло его столицу Прагу и не явилось на продолжение переговоров в столицу Силезии (верховным сюзереном которой являлся король Вацлав) город Бреслау (по-

русски: Бреславль, по-польски: Вроцлав) 4 июня того же года, нарушив предварительную договоренность.

По истечении срока перемирия летом 1410 г. стало окончательно ясно, что новой войны не избежать. Гохмейстер, не покладая рук, старался наилучшим образом подготовиться к войне с численно превосходящим противником. Он особенно торопился потому, что давно уже страдал катарактой и боялся окончательно ослепнуть до начала военных действий. Численному превосходству неприятеля Ульрих фон Юнгинген пытался противопоставить военно-технические инновации — в частности, увеличение числа крепостных, полевых и ручных бомбард (или, по-немецки, «бюксов»). В столице прусского государства ордена — Мариенбурге-на-Ногате — пушкари круглые сутки лили артиллерийские орудия. Пороховой завод работал также день и ночь.

В канун Святой Пасхи, 30 марта 1410 г., Верховный магистр произвел новые назначения чиновников, комтуров и «гебитигеров», чтобы иметь под рукой людей, способных и готовых бестрепетно встретить врага лицом к лицу, как подобает христианским рыцарям. Им были, в частности, назначены новые комтуры Христбурга, Торна, Бальги, Остероде, Шлохау и Новой Марки. В дипломатической сфере также делалось все, чтобы в очередной раз заручиться поддержкой государей, традиционно симпатизировавших ордену.

31 марта 1410 г. Тевтонский орден заключил оборонительно-наступательный союз с венгерским королем-крестоносцем Сигизмундом (Жигмундом) Люксембургским (1387—1437), братом короля чешского Вацлава и будущим императором Священной Римской империи (затаившим злобу на Ягелло с тех пор, как тот женился на его невесте Ядвиге). Сигизмунд обязался, в обмен на уплату ему «тевтонами» 300 000 дукатов

(золотых монет), начать войну с польским королем Владиславом Ягелло в случае, если тот привлечет к войне с орденом Девы Марии литовцев и татар (как явных врагов христианской веры). В случае общей победы Сигизмунда и ордена над Ягелло и Витовтом «тевтоны» должны были получить в вечное владение Самогитию, Куявию и Добринскую землю, а Венгрия, в награду за оказанную ордену военную помощь, — Бессарабию и Валахию. Кроме того, король Сигизмунд попытался привлечь Великого князя Витовта на свою сторону, предложив ему титул и корону короля Литвы, при условии расторжения Витовтом союза с Польшей. Однако переговоры на этот счет завершились безрезультатно.

Польские князья (герцоги) Щецинский и Олесницкий, потомки древних королей Польши из династии Пястов, приняли в конфликте сторону Тевтонского ордена. Западнопоморским герцогам (князьям) Слупскому (Столпенскому) и Бригскому были направлены послания с просьбой предоставить в распоряжение ордена рыцарей и кнехтов (пеших воинов), которым «тевтоны» обязались выплачивать жалованье.

Верховный магистр «тевтонов» потребовал от ландмейстера Ливонии Конрада фон Фитингофа (Витингофа), или, иначе, Фитингофена (1401—1413), расторгнуть заключенный между Ливонией и Литвой мирный договор, связать на «ливонском фронте» как можно больше литовских войск и направить рыцарей и воинов, не нужных для обороны Ливонии, в Пруссию, в распоряжение Верховного магистра. Однако Фитингоф ослушался Верховного магистра, и в дальнейшем в битве при Танненберге войска ливонских «тевтонов», вопреки мнению ряда историков (и в первую очередь — польского хрониста Яна Длугоша), участия не принимали (возможно, за исключением одного-единственного «знамени», или «хоругви»).

В пользу отсутствия ливонцев под Танненбергом говорит, между прочим, тот факт, что среди павших в этой битве «гебитигеров» ордена Девы Марии не было ни одного ливонского, и среди захваченных польско-литовским войском «тевтонских» знамен-хоругвей ни одно не могло быть идентифицировано, как принадлежащее ливонскому филиалу Тевтонского ордена (47-я «тевтонская» хоругвь, ошибочно атрибутированная хронистом Яном Длугошем в «Истории Польши» как «хоругвь ливонских рыцарей» Тевтонского ордена, была в действительности знаменем рейнландцев, или рейнцев, то есть рыцарей-крестоносцев, прибывших на помощь ордену Девы Марии из Рейнской области Германии, или Рейнского комтурства).

Верховный магистр Ульрих обратился за военной помощью не только к ливонскому ландмейстеру своего собственного ордена, но также к епископам Ливонскому (Рижскому), Курляндскому (по-латышски: Курземскому), Ревельскому (по-эстонски: Таллинскому), Дорпатскому (Дерптскому, по-русски: Юрьевскому, по-эстонски: Тартускому) и Эзельскому[1] (по-эстонски: Сааремааскому или Сааремскому). Но епископы не прислали в помощь ему ни единого человека.

Руководством ордена Девы Марии, и в первую очередь — самим Верховным магистром, владело твердое убеждение, что орден сможет держать неприятеля под контролем. В пользу этого убеждения говорил общеизвестный факт глубокого взаимного недоверия между королем Владиславом Ягелло и Великим князем Витовтом. Задним числом гохмейстера Ульриха упрекали в том, что он отдал стратегическую инициативу врагу, предпочитая пассивно ожидать его наступления. Однако избранная Верховным магистром тактика пассивной обо-

[1] Точнее: Эзель-Пильтенскому.

роны была вынужденной, поскольку вести наступательные действия ордену Девы Марии представлялось невозможным, с учетом громадной территории польско-литовской коалиции. Опираясь на опыт кампании 1409 г., орденские стратеги ожидали серии сравнительно небольших, изолированных нападений неприятеля на орденские владения. Гохмейстер Ульрих надеялся отразить их по отдельности, опираясь на многочисленные, хорошо укрепленные орденские замки в тылу своей армии, сочетая оборонительные действия с наступательными, используя преимущества орденского войска в области организации и вооружения.

Оборону от литовцев северо-восточной части Пруссии в районе Мемель-Тильзит гохмейстер поручил воинским контингентам комтура Рагнита Эбергарда фон Валленфельза, комтура Биргелау (по-польски: Бежглово) Пауля фон Дадемберга, комтура Рейна (по-польски: Рейно, или Рина) и комтура Мемеля (по-литовски: Тройпеды или Клайпеды) Ульриха Ценгера. В результате все эти комтуры и их контингенты не смогли принять участия в решающей битве при Танненберге — обстоятельство, сделавшее соотношение сил в день битвы еще более невыгодным для ордена Девы Марии.

Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген принял решение собрать свои основные силы под стенами Швеца, являвшегося также сборным пунктом для прибывавших со всей Европы наемников и «военных гостей» Тевтонского ордена (такие все-таки нашлись, невзирая на широко распропагандированное папским престолом, Ягелло и Витовтом крещение Литвы по римско-католическому обряду).

На польско-литовской стороне фронта еще в декабре 1409 г. состоялось военное совещание Ягелло и Витовта в Бресте-Литовском. Они договорились летом следующего,

1410 года, объединить свои силы и нанести совместный удар в самое сердце орденских владений — на Мариенбург. Главная цель Ягелло заключалась в захвате Померелии, с целью дать Польше выход к Балтийскому морю. Главная цель Витовта заключалась в завоевании Жемайтии и окончательном присоединении ее к Литве. Чтобы держать орден как можно дольше в неведении о направлении главного удара, Ягелло и Витовт договорились о нанесении по «тевтонским» владениям сразу нескольких отвлекающих ударов. В районе сосредоточения сил были приведены в порядок дороги и мосты и организована крупномасштабная охота для пополнения запасов мяса, необходимого войску в походе. Ягелло и Витовту удалось склонить к союзу с польско-литовской коалицией князей (герцогов) Ян(уш)а и Земовита Мазовецких (Мазовия, хотя и считалась леном польского короля, по-прежнему не входила в состав Польского королевства).

Всем польским рыцарям, находившимся на службе иноземных государей (а некоторые из них сражались даже против мавров-мусульман в далекой Испании), было приказано присоединиться к войску короля Владислава II Ягелло. Чтобы воспрепятствовать возможной агрессии со стороны Венгрии, в пограничном районе Сандеца был дислоцирован воинский контингент под командованием Иоанна (Яна) из Щекоцин. Вследствие этого обстоятельства большинство рыцарей в войске Ягелло под Танненбергом составляли выходцы из северных областей его королевства. Польский король навербовал немало иноземных наемников, в основном из Чехии и Моравии (согласно ряду источников, среди них был и молодой чешский рыцарь Ян Жижка из Троцнова — будущий вождь еретиков-таборитов), но также из других стран (если верить польским хроникам, то даже из Швейцарии — чехи, моравяне

и швейцарцы, как, впрочем, и венгры, сражались под Танненбергом в рядах обеих противостоящих друг другу армий). Вопреки ожиданиям и надеждам орденского руководства, литвин Ягайло, крестившись и сочетавшись законным браком с польской королевой Ядвигой, получил в Польше признание. Правда, Ядвига умерла в Кракове еще в 1399 г., но родила Ягелло дочь — наследницу престола, что полностью узаконило его положение как польского короля.

Войско Великого князя Литовского Александра-Витовта состояло кроме собственно литовцев также из жмудинов (жемайтов), русинов (русских, или, с точки зрения некоторых современных белорусских и украинских историков, — белорусов и украинцев), бессарабов, валахов, татар, армян и караимов (составлявших гвардию Великого князя Литовского). Наличие в союзном войске жмудинов-язычников, неталмудических иудеев-караимов и татар-мусульман (крестоносцы привычно именовали их «сарацинами», а предводителя нашедших убежище во владениях Витовта после битвы на Ворскле золотоордынских татар хана Джелал-эд-Дина — по старой памяти, «Саладином»), казалось, подтверждало заявления «тевтонов» о том, что Ягелло и Витовт не гнушаются нанимать нехристей для войны с христианами.

Поляков и литовцев на протяжении многих лет готовили к неизбежному военному столкновению с Тевтонским орденом, рассматриваемом ими в качестве главного врага. Подготовка к войне велась в обстановке строжайшей секретности, и руководство ордена далеко не представляло себе ее масштабов. Военного конфликта подобных масштабов не случалось на протяжении предыдущих ста семидесяти лет. В ходе многочисленных походов на Литву дело обычно ограничивалось сравнительно небольшими стычками (хотя общее число жертв

и разрушений в них было весьма впечатляющим). «Великий поход» объединенных сил польско-литовской коалиции был, по своим масштабам, необычным для описываемого периода, и оказался необычайно эффективным. Орден оказался захваченным врасплох, так что инициатива с самого начала оказалась на стороне его противников. Орденское руководство было вынуждено только реагировать на действия польско-литовских войск.

12. В ПРЕДДВЕРИИ РЕШАЮЩЕЙ БИТВЫ

24 июня 1410 г., по истечении срока перемирия, военные действия между Тевтонским орденом и польско-литовской коалицией возобновились. Комтуры Шлохау и Тухеля совершили набеги на соседнее польское приграничье. В ответ польские отряды разграбили район Торна. Ягелло принял в Вольбоже венгерских послов графа Николая (Миклоша) де Гара (Гарая) и Стибора (Сцибория) из Стибориц (Сцибожиц), предложивших ему, в надежде на возможность прочного мира, заключить новое, на этот раз десятидневное, перемирие сроком до вечера 4 июля. Ничего лучшего польский король и пожелать не мог. Перемирие предоставило ему возможность спокойно стянуть в кулак все свои силы, не опасаясь орденских войск.

И польско-литовская армия была стянута им в кулак — причем с планомерностью, далеко превосходившей сравнимые достижения других военачальников Средневековья. Король Владислав Ягелло выступил 26 июня из Вольбожа, 28 июня прибыл в Самице, 29 июня — в Козлов. На следующий день он расположился со своей штаб-квартирой в Червенском (Червиньском) монастыре. С юга на помощь королю подошли войска из Малой Польши, объединившиеся еще ранее с

пришедшими им на помощь отрядами из Подолья (Подолии), Валахии и Бессарабии. С запада подошли войска из Великой Польши, форсировавшие Вислу по понтонным мостам, построенным из связанных вместе речных судов. С востока, продвигаясь вдоль реки Нарев, подошли литовцы, жмудины, татары Витовта и Джелал-эд-Дина, а также русские отряды из Киева и Смоленска. 29 июня они переправились через Нарев. На севере мазовецкие войска только и ждали приказа соединиться с главными силами.

При оценке этих событий следует учитывать специфические условия Средневековья. Тогдашние военачальники действовали порой импульсивно и эмоционально, но зачастую вполне логично и обдуманно. Гохмейстер получал противоречивые известия. Согласно одним донесениям, литовцы собирали свои силы на востоке, а поляки — на западе. 27 июня прибыл гонец из Кёнигсберга, сообщивший, что сильные литовские отряды вторглись в район Мемеля, подвергая его опустошению. Аналогичное известие пришло из Рагнита. Польско-литовский план сбить гохмейстера «тевтонов» с толку отвлекающими маневрами увенчался успехом. Значительные орденские силы были оставлены на востоке Пруссии, чтобы отразить ожидавшиеся новые неприятельские набеги. В этой связи Великому князю Витовту удалось заключить с ливонским ландмейстером новое соглашение, согласно которому Литва и Ливония обязывались не расторгать заключенный между ними ранее мирный договор в течение трех месяцев. Заключение этого соглашения объясняется вовлеченностью ливонского филиала Тевтонского ордена в конфликт с Псковом и Новгородом. В этих условиях ландмейстер Ливонии предпочел нейтрализовать литовцев, чтобы избежать войны на два фронта. Тем не менее перед судом истории виновность

Конрада фон Фитингофа не подлежит сомнению — он открыто нарушил приказ своего высшего начальника, Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена, сделав тем самым возможной беспрепятственную концентрацию польско-литовских войск перед началом наступления на орденскую Пруссию.

2 июля 1410 г. основные силы Ягелло и Витовта соединились, и союзное польско-литовское войско выступило в поход на север. За армией польско-литовской коалиции следовал громадный обоз, поскольку награбленных в Пруссии съестных припасов для снабжения огромного войска не хватало. Поэтому пришлось везти с собой на многочисленных телегах провиант. Большой обоз затруднял и замедлял продвижение войска. С наступлением вечера марш прекращался, и армия разбивала лагерь, окруженный укреплением из обозных телег («табора», «товара», или, по-немецки, «вагенбурга») для защиты лагеря от ночного нападения неприятеля. Опытный и осмотрительный полководец, Ягелло старался свести угрожавшие его войску опасности к минимуму. Ввиду лучшего знания «тевтонами» прусского театра военных действий («дома даже стены помогают») польский король постоянно опасался засад. Что же касается Ульриха фон Юнгингена, то гохмейстер «тевтонов» был опытным воином, отвага которого перед лицом неприятеля была общеизвестна (даже Генрик Сенкевич назвал его в одном месте своего романа «благородным магистром»). Однако, с учетом его импульсивности, судьба кампании во многом зависела от способности Верховного магистра, не поддаваясь на провокационные методы ведения войны противником, не принимать поспешных, необдуманных решений.

Оба военачальника несли полную ответственность за свои армии, равных которым по силе и многочисленности история

войн ордена, Польши и Литвы еще не знала. Ситуация осложнялась проблемами обеспечения связи в тогдашних условиях и, как мы сказали бы сегодня, «логистики». Судя по свидетельствам современников, воины обеих армий были уверены в том, что непременно одержат, с Божьей помощью, победу в своей справедливой борьбе.

Многие «братья» Тевтонского ордена обладали богатым боевым опытом участия в «малой войне» с литовцами, набегах, наездах, мелких стычках и осадах неприятельских замков и крепостей. Однако опыта участия в больших полевых сражениях им (в отличие от большинства «военных гостей» ордена Девы Марии), как правило, не хватало. Сказанное, кстати, в значительной степени относится и к воинам противоположной стороны. Впрочем, успешные походы в Самогитию и разгром пиратов-«витальеров» на острове Готланд в 1409 г. прибавили «орденским братьям» боевого опыта и значительно повысили их боевой дух и уверенность в превосходстве над любым противником.

Ведение боевых действий в значительной степени затруднялось сложными условиями местности — непроходимыми, дремучими лесами, знаменитыми Мазурскими болотами и многочисленными реками. Продвижение польско-литовского войска вдоль весьма немногочисленных (в описываемое время) дорог, судя по всему, приводило к немалым проблемам в плане организации, логистики и снабжения. Население немногочисленных деревень при приближении неприятельской армии вторжения бежало в леса, угоняя с собой скот и забирая по возможности съестные припасы и все более-менее ценное.

А тех, кто не успел бежать, как обычно в подобных случаях, ничего хорошего не ожидало. Медленно продвигавшиеся

на север поляки и литовцы грабили и жгли деревни, убивали мужчин, насиловали женщин, а уцелевших угоняли в качестве пленников. Указания хронистов на многочисленные случаи грабежей, поджогов и осквернения храмов Божиих встречаются столь часто, что, вероятно, число данных эксцессов превосходили даже «нормальный уровень средневекового зверства» (по выражению братьев Стругацких в «Трудно быть богом»). Даже польские рыцари пожаловались своему королю на немыслимые злодеяния и святотатства, творимые литовцами и татарами Витовта. Два литвина, укравшие из разгромленного храма церковную утварь и осквернившие Святые Дары, были, для устрашения других святотатцев, так сказать, в «воспитательных целях», повешены на виду у всего войска (а по другим данным, Витовт вынудил святотатцев повеситься самим, причем осужденные в процессе самоповешения еще и торопили друг друга). Однако никакого приказа об изменении способа ведения войны на более мягкий от Ягелло не последовало, на основании чего можно сделать вывод, что творимые зверства совершались вполне сознательно, с целью выманить орденское войско в поле, спровоцировав его на преждевременное нанесение контрудара.

5 июля 1410 г. в стан короля Польши Владислава Ягелло явились венгерские послы с поручением возобновить мирные переговоры. В качестве условия заключения мира король и Великий князь выдвинули требование безоговорочной передачи Добринской земли Владиславу Ягелло, а Самогитии — Витовту. Послы возвратились в штаб-квартиру гохмейстера «тевтонов». До их отъезда Великий князь Витовт в присутствии послов и короля Ягелло провел парад своих войск, несомненно, с целью произвести устрашающее впечатление на венгров. 6 июля все войска были приведены в порядок и орга-

низованы. Каждому отряду («хоругви») было приказано следовать за своим предводителем и защищать его знамя (также именовавшееся хоругвью, как и отряд, выступавший под этим знаменем).

Король Владислав II Ягелло приказал бойцам победнее (и, соответственно, вооруженным похуже) сражаться в середине своей «хоругви». На следующий день была объявлена ложная тревога с последующим смотром войск, с целью проверки боеготовности армии. 9 июля войска польско-литовской коалиции, в ходе дальнейшего продвижения, взяли штурмом, разграбили и сожгли прусский город Лаутенбург (по-польски: Лидзбарк). В тот же день Ягелло назначил мечника (гладифера, или спафария) Краковского Зындрама (Зиндрама) из Машковиц Верховным главнокомандующим союзной армии.

9 июля, с целью упорядочить и обеспечить командование весьма разношерстным войском коалиции, при польском короле Владиславе II Ягелло был также образован Военный совет (Военная рада) в составе 8 человек. В совет вошли:

1) Великий князь Литовский Александр (Витовт):

2) каштелян краковский Кристин (Крыштин) из Острова,

3) капитан (воевода) краковский Ян из Тарнова,

4) капитан (воевода) познанский Сендзивой (Свендивой) из Остророга,

5) капитан (воевода) сандомирский (сандомежский) Миколай (Николай) из Михалова;

6) коронный подканцлер Миколай (Николай) Тромба;

7) маршалок королевства Польского Збигнев из Бжезя,

8) камергер (подкоморий) Краковский Петр Шафранец из Песковой Скалы.

К 10 июля 1410 г. у Верховного магистра Тевтонского ордена не осталось больше никаких сомнений в том, что объединенная армия его противников перешла к прямому совместному удару в направлении Мариенбурга. Последним естественным препятствием на пути к столице ордена Девы Марии была река Древенц (по-польски: Дрвенца, по-русски: Древенца). Защиту ее верховьев гохмейстер «тевтонов» поручил Верховному маршалу ордена Фридриху фон Валленроде во главе орденских войск из Остероде, Страсбурга, Диршау (Тчева), Брат(т)иана (Барцян) и Замланда. Эти силы представлялись Ульриху фон Юнгингену достаточными для отражения нападения неприятеля. 8 июля поляки и литовцы взяли штурмом и сожгли прусские города Сольдау (Зольдау, по-польски: Дзядлово) и Нейденбург (по-польски: Нидзицу). Польско-литовское командование планировало форсировать Древенц в среднем течении, используя Брод у Кауэрника (по-польски: Куржетника). Своевременно распознав их планы, гохмейстер оставил в Швеце 2000 «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов-кнехтов под командованием комтура Генриха фон Плауэна (эти войска ох как пригодились бы Верховному магистру в битве под Танненбергом, с учетом численного превосходства неприятеля!), а сам с главными силами двинулся к Кауэрнику. Туда же подтянулся маршал Валленроде со своими войсками. Берег реки был укреплен палисадами (частоколами) и пушками, спешно доставленными на Древенц из Мариенбурга.

12 июля в лагерь польского короля вновь явились венгерские послы, передавшие Владиславу Ягайло, что король Венгрии Сигизмунд Люксембургский разрывает с Польшей мирные отношения и объявляет ей войну, поскольку польская армия вторглась в союзную Венгрии орденскую Пруссию.

Подобное поведение короля вытекало из его обязательств по заключенному с Ульрихом фон Юнгингеном договору об оборонительно-наступательном союзе. Ягайло из предосторожности приказал держать объявление Венгрией войны Польше в строжайшем секрете, опасаясь деморализации своих войск в результате обнародования известия о перспективе войны с еще одним серьезным противником.

Получив данные об оборонительной позиции орденского войска, Военный совет союзников отказался от своего первоначального плана форсировать Древенц. Вместо этого было решено обойти укрепленную позицию «тевтонов» с востока. Отход был проведен в полной тишине, с соблюдением строжайших мер секретности. Поначалу гохмейстер думал, что союзники решили отступить, и последовал за ними параллельно вдоль другого берега реки. Однако 13 июля поляки и литовцы повернули на север, в направлении прусского города Гильгенбурга. Несмотря на храброе сопротивление гарнизона, город был взят литовцами и татарами и отдан им Витовтом на разграбление. Взятие города сопровождался неслыханными зверствами, убийством всех горожан, изнасилованием женщин и девушек в церквях, пожарами и разрушениями. Нобелевский лауреат Генрик Сенкевич почему-то ни единым словом не обмолвился в своем романе «Крестоносцы» об этих злодеяниях (хотя они были подробно — и с однозначным осуждением! — описаны ПОЛЬСКИМ хронистом Яном Длугошем в «Истории Польши»).

В тот же день 13 июля гохмейстер Юнгинген принял решение изменить направление своего продвижения и занять позицию севернее расположения войска союзников. 14 июля орденское войско получило известие о злодеяниях, совершен-

ных литовцами и татарами Витовта в Гильгенбурге. Эти известия вызвали у «тевтонов» и их союзников неудержимое желание отомстить «безбожным сарацинам». Они потребовали, чтобы гохмейстер немедленно вел их на немилосердного врага, разорявшего страну и не дававшего пощады ни старым, ни малым. В ночь с 14 на 15 июля Ульрих фон Юнгинген повел свое войско на восток, чтобы вынудить польско-литовскую армию принять бой.

Данные разных источников о численности противоборствующих армий сильно расходятся. Минимальные цифры, приводимые историками, составляют 11 000 на стороне Тевтонского ордена и 17 000 на стороне его противников. Так, любимый всеми нами с детства Е.И. Разин во Втором томе своей «Истории военного искусства» утверждает, что орденская армия насчитывала 11 000 человек, в том числе 2000 рыцарей, 3000 оруженосцев (так он, подобно многим историкам до и после него, называет «братьев-сариантов») и около 4000 арбалетчиков, в то время как союзная польско-литовская армия — 16 000—18 000 человек, в том числе 3000 человек «малонадежной» (? — *В.А.*) татарской конницы. Максимальные цифры, приводимые историками, достигают 83 000 человек (включая 50000 прусских бойцов всех категорий и 33 000 «военных гостей» и наемников из Германии и других стран Центральной, Западной и Южной Европы), из них 23 000 всадников, на стороне Тевтонского ордена, против 163 000 (включая 44 000 литовцев, 40 000 татар и 21 000 наемников из Чехии и других стран Европы), из них 66 000 всадников — на стороне Ягелло и Витовта.

Разумеется, приведенные выше максимальные цифры представляются совершенно неправдоподобными. Фантастически огромные цифры, которыми оперировали средне-

вековые хронисты при описании численности противоборствующих армий (впрочем, даже в изданном во второй половине просвещенного XIX века романе «Огнем и мечом» Генрик Сенкевич глазом не моргнув живописал, как «двести тысяч железных немцев шли под Грюнвальдом на хоругви Ягелловы»![1]), служили не для достоверного отображения фактов, являясь лишь стилистическим средством подчеркнуть важность событий и опасности, которые приходилось преодолевать их участникам. Разумеется, было совершенно невозможно (тем более — в условиях Средневековья) снабжать провизией и фуражом четверть миллиона воинов и боевых коней, управлять столь гигантскими массами в бою, да и вообще — разместить их на поле боя протяженностью менее 3 км. Однако, несмотря на многократное преувеличение средневековыми летописцами численности армий противников, они однозначно свидетельствуют, что поляки и литовцы обладали значительным численным превосходством над «марианами».

13. О ВОЙСКЕ «МАРИАН» ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

На стороне Тевтонского ордена в битве при Танненберге 15 иблля 1410 г. сражалось не менее 12 000, а по «усредненным» подсчетам — около 14 000 конных и около 6000 пеших воинов. Доля «братьев-рыцарей» (носивших белые одеяния

---

[1] «А если на то пошло, то разве же Хмельницкий величайший враг Речи Посполитой? Ведь неоднократно обрушивались на нее куда более страшные напасти, ведь, когда двести тысяч железных немцев шли под Грюнвальдом на полки Ягелловы, когда под Хотином пол-Азии вышло на побоище, гибель куда более неминучей казалась, а где они, эти губительные полчища?» (*Сенкевич Г.* Огнем и мечом).

с черным крестом)[1] и «братьев-сариантов» (носивших серые

---

[1] «Братья-рыцари» Тевтонского ордена именовались в просторечии «белыми плащами», поскольку по своему орденскому Уставу (правилам) были обязаны носить поверх одежды длинный белый плащ-мантию, или «господский плащ» («герренмантель») без рукавов с черным орденским крестом (форма и размеры которого менялись с течением времени; размеры креста постепенно увеличивались) на левом плече («напротив сердца»). Под белым «господским» плащом «братья-рыцари» носили в мирное время длинный «конвентуальный» (монастырский) черный кафтан (нем.: «конвентсрок», Konventsrock), а в военное время — надевавшееся поверх доспехов укороченное (доходившее до колен в XII—XIV и до середины бедер в XV—XVI вв.) белое полукафтанье-налатник (нем.: «ваппенрок» или «ваффенрок», франц: «сюрко») с черным крестом на груди и спине (также принимавшим со временем все большие размеры). Это белое полукафтанье вошло в употребление в период пребывания тевтонских рыцарей в Святой земле, чтобы жаркое палестинское солнце не так накаляло рыцарские кольчужные доспехи. Кроме плаща, кафтана и полукафтанья в комплект обмундирования тевтонского «брата-рыцаря» входили: 1) 2 белые полотняные рубахи с длинными рукавами; 2) 2 пары белых полотняных подштанников (состоявшая из 2 штанин и гульфика каждая); 3) 2 пары черных «штанов» (по 2 черных штанины и по гульфику в каждой паре); 4) черная куртка (нем.: «якке», Jacke) с длинными рукавами (надевавшаяся поверх исподней полотняной рубахи и носившаяся в военное время под доспехами); 5) белая дорожная (походная) ряса (лат.: «каппа», нем.: «рейземантель», Reisemantel) с черным крестом на груди и спине, длинными рукавами и капюшоном, именовавшаяся также «дождевиком» (старонем.: «рейнмантель», Reynmantel); 7) «зимнее» военное полукафтанье, подбитое черной овчиной или черным козьим мехом (старонем.: «курсит», Cursit); 8) утепленный («зимний») вариант белого «господского» плаща (также подбитый овчиной или козьим мехом). Ношение «зимних» полукафтаньев и плащей было введено среди «мариан» после переноса деятельности Тевтонского ордена из Святой земли (где, впрочем, тоже бывает холодно) в суровые условия Прибалтики. Тевтонские военные полукафтанья XII—XIV вв., доходившие до колен, в своей верхней части (до пояса) плотно прилегали к доспехам, расширяясь ниже пояса наподобие юбки. Укороченные военные полукафтанья XV—XVI вв. тесно прилегали к нагрудникам (сменившим к тому времени кольчатую броню). С введением цельнокованых («белых») лат, полукафтанья вышли из употребления, и орденский крест начали рисовать, а у Верховных магистров и высших должностных лиц ордена (упоминавшихся нами выше «гебитигеров» или «гроссгебитигеров») — чеканить прямо на нагрудниках. Кожаные башмаки и поясные ремни «братьев» Тевтонского ордена были коричневого цвета. Таким образом, соблюдалось уставное требование ограничиваться употреблением только «церковных» цветов: белого, серого, черного и коричневого. Членам ордена запрещалось иметь какие-либо украшения на одежде, обуви, поясах, ножнах, древках копий, колчанах и шпорах. Запрещалось также украшать конскую сбрую. В то же время не сохранилось никаких упоминаний о наличии на копьях «братьев» Тевтонского ордена

одеяния с таким же черным четырехконечным — а не «половинчатым», как часто думают и пишут! — крестом)[1] Тев-

---

столь любимых авторами исторических романов и фильмов белых флажков-флюгеров («прапорцев») с черными орденскими крестами (в то время как сохранились, к примеру, изображения рыцарей-тамплиеров с подобными копейными флажками). В качестве головного убора тевтонские рыцари носили круглую шапочку-скуфейку белого цвета с плоским верхом (в Уставе им особо запрещалось ношение остроконечных головных уборов). На основании сохранившихся изображений можно предположить, что в начальный период истории Тевтонского ордена его «братья-рыцари» носили «конвентуальные» кафтаны и шапочки серого цвета. Такие же серые круглые шапочки носили тевтонские «услужающие братья» — «сарианты» и «полубратья».

[1] Третью группу (сословие, или чин) членов Тевтонского ордена, наряду с «братьями-рыцарями» и «братьями-священниками», составляли «братья-сарианты», или «услужающие братья», по-немецки: «диненде брюдер», dienende Brueder (именуемые по цвету их одежды «серыми плащами», по-немецки: «граументлер», Graumaentler) — «слуги (динеры) ордена» в самом широком смысле этого слова. «Услужающие братья» набирались из представителей незнатных сословий, но тем не менее являлись полноправными воинами. Впрочем, часть из них, так называемые «кнаппены» (Knappen), служившие «денщиками» (нем.: «лейббуршами», Leibburschen) и оруженосцами у «братьев-рыцарей», могли быть как незнатного, так и знатного рода. В последнем случае они почти всегда могли надеяться на то, что их в свое время, также посвятят в рыцари Тевтонского ордена, в первом случае такая надежда была весьма слабой (хотя все-таки была). В бою «братья-сарианты» (лат.: «фратрес сервиентес», fratres servientes, fratres sarjandi или fratres sariandi, нем.: «сариантсбрюдер», Sariantsbrueder) могли исполнять функции младшего командного состава, возглавлять отряды ополчения принадлежавших ордену Девы Марии земель, причем сражались не только в пешем, но и в конном строю. Так, например, именно «братья-сарианты» составляли основную часть орденского контингента в рядах «латинского» войска, разбитого святым благоверным князем Александром Невским в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. Согласно уставу, в мирное время «братья-сарианты» занимали низшие административные должности — ведали конюшнями, кузницами, сбруей, обмундированием, служили воинами, оруженосцами и т.д. и т.п. По орденскому Уставу «услужающим братьям» разрешалось приносить не обязательно пожизненный, но и временный обет служения ордену. Это послабление облегчало обеспечение набора достаточного количества «услужающих братьев» в войско перед военными походами, тогда как в периоды затишья нужда в них порой отпадала. В соответствии с требованиями орденского Устава, «услужающие братья» носили кафтаны, полукафтанья и плащи не белого, а серого цвета. Существует глубоко укоренившееся и широко распространенное заблуждение (разделявшееся прежде и автором данных строк), согласно которому серые плащи, кафтаны, полукафтанья (и даже щиты!) «братьев-сариантов» Тевтонского ордена были якобы украшены «трехлучевым» черным крестом без верхнего конца (так называемым «до-

тонского ордена в этом войске была сравнительно небольшой (так что упоминаемые в романе «Крестоносцы» Генрика Сенкевича «тысячи монахов-рыцарей», якобы обрушившиеся под Танненбергом на поляков, являются плодом фантазии польского романиста). Сравнительно небольшой была и доля мобилизованных на войну «полубратьев»[1] и «фамилиаров» ордена Девы Марии[2].

наторским», или «донатским», крестом, «крестом Святого Антония», или «Тау-крестом», имевшим форму заглавной буквы «Т»; порой он именуется в геральдике просто «костыль»), и что, соответственно, попоны боевых коней у конных «братьев-сариантов» также были не белого (как у «братьев-рыцарей»), а серого цвета, с черным «Тау-крестом». В действительности «братья-сарианты», являвшиеся полноправными членами Тевтонского ордена, носили на кафтанах, полукафтаньях, плащах и вооружении обычный «четырехлучевой» черный орденский крест (в отличие от «полубратьев» и «фамилиаров» ордена, действительно носивших «Тау-крест»). Вооружение «братьев-сариантов» (меч, копье, кинжал, топор, чекан — «вороний клюв», булава или шестопер-пернач) было добротным, удобным и качественным, почти не уступая вооружению орденских «братьев-рыцарей». Однако их доспехи в большинстве случаев были легче рыцарских, вследствие чего «сарианты» обычно составляли среднюю конницу ордена Девы Марии Тевтонской.

[1] Как уже упоминалось выше, существовала и еще одна категория членов Тевтонского ордена — так называемые «полубратья» (лат.: «димидии», dimidii, или «семифратрес», semifratres). В эту категорию зачислялись некоторые союзники «кавалеров Святой Девы Марии» и «благодетели» или «донаторы» (а говоря современным языком — «спонсоры» ордена). Главные задачи подавляющего большинства «полубратьев» (приносивших при вступлении в Тевтонский орден обеты целомудрия, послушания и бедности и вносившие в качестве вклада всю свою движимость и недвижимость) лежали в сфере хозяйственной деятельности в орденских имениях. «Димидиус» был лично свободным человеком. «Полубратья» занимались сельским хозяйством, уходом за скотом и тому подобными важными делами, снабжая орден всем необходимым, но не будучи обязаны ему военной службой, к которой «полубратья» привлекались только в самых крайних случаях (при нападениях неприятеля на имение, в котором они трудились на благо ордена, в случае острой нехватки воинов после тяжелого поражения, связанного с большими людскими потерями, и т.д.). В отличие от «братьев-рыцарей», «полубратья» (подобно «братьям-сариантам» и «братьям-священникам») брили усы и бороду.

[2] Ниже «полубратьев» в орденской иерархии «тевтонов» стояли так называемые «фамилиары» (афилированные в Тевтонский орден миряне, то есть

В битве приняло участие не более 300 «братьев-рыцарей» ордена Девы Марии — причем свои знаменитые белые плащи они в битве, скорее всего, не носили, поскольку те стесняли их движения.

Известное изображение Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена в развевающемся белом плаще поверх доспехов на знаменитом батальном полотне польского художника Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом» (оказавшем решающее влияние на всех последующих художников, книжных иллюстраторов и кинорежиссеров, хотя запечатленная на нем картина событий весьма далека от реальной — так, на полотне Матейко в качестве участника битвы при Танненберге изображен не участвовавший в ней комтур Швеца Генрих фон Плауэн, и т.д.) относится ко второй половине XIX в. и основано на парадных портретах «тевтонских» гохмейстеров (самые

«члены орденской семьи», именуемые одно время — в XIX в. — «марианами» или «марианцами», — к тому времени этот термин уже перестал употребляться как синоним понятия «член Тевтонского ордена»). «Фамилиары» не принимали монашеский постриг, вели обычную мирскую жизнь за пределами орденских «комменд» (уже упоминавшихся нами выше замков-монастырей), не выходя из своего сословия, но должны были выполнять определенные обязанности по отношению к ордену Девы Марии. В их число входили светские рыцари-вассалы Тевтонского ордена и арендаторы орденских земель, обязанные являться по призыву орденских властей «людно, конно и оружно» в случае войны, управители орденских мельниц, странноприимных домов, постоялых дворов и пр. В знак своей принадлежности к ордену Девы Марии «фамилиары», подобно вышеупомянутым «полубратьям», носили черный «половинчатый (половинный) крест» в форме буквы «Т», или «Тау», («крест святого Антония»). Если «димидиус», или «фамилиар», умирал, не оставив наследников, его имущество наследовал Тевтонский орден. Кроме того, в «тевтонском» военно-монашеском братстве существовал институт «орденских сестер», то есть монахинь, приносивших орденские обеты и проживавших в монастырях, подчинявшихся Верховному магистру. Институт тевтонских «орденских сестер» угас в эпоху Реформации и был восстановлен лишь в XIX в. Для выполнения определенных работ (например, в госпиталях или орденских хозяйствах) разрешалось привлекать и особ женского пола, именовавшихся «полусестрами» (нем.: «гальбшвестерн», Halbschwestern) — по аналогии с «полубратьями» Тевтонского ордена.

ранние из которых датируются XVI в. и представляют их, хотя и в длинном белом плаще с черным крестом на левом плече поверх лат, но отнюдь не в боевой обстановке). Поддался магии этого батального полотна и нобелевский лауреат Генрик Сенкевич, живописавший в своем романе «Крестоносцы» заключительный этап битвы при Танненберге в следующих выражениях:

«В блистающих доспехах, на рослых, как туры, конях, не уставшие от битвы, в которой они пока не принимали участия, а, напротив, хорошо отдохнувшие, они мчались, как ураган, с громом и топотом, шумя знаменами и значками, и сам великий магистр (так романист именует Верховного магистра Тевтонского ордена Приснодевы Марии Ульриха фон Юнгингена. — *В.А.*) летел впереди в широком белом плаще, развевавшемся на ветру, как огромные крылья орла».

Известно, что длинные, до пят, украшенные черным крестом напротив сердца, белые плащи «братьев-рыцарей» (как и серые плащи «братьев-сариантов») Тевтонского ордена носились «орденскими братьями» в мирное время (поверх длинного «конвентуального» кафтана). В бою же они носили поверх доспехов так называемый налатник (франц.: «сюрко», нем.: «ваппенрок» или «вафференрок», то есть буквально «военный кафтан», белый у рыцарей, серый у «сариантов», с одинаковым черным крестом на груди, причем размер креста со временем увеличивался), с течением времени все более укорачивавшийся, а в начале XV в. среди них вошел в употребление «ленднер» — надевавшаяся поверх кольчуги толстая, стеганая суконная или кожаная, куртка, подбитая изнутри металлическими пластинами (которая у тевтонских «братьев-рыцарей» была белой, с черным крестом, причем поперечная перекла-

дина креста в описываемое время проходила не на уровне груди, а на уровне пояса рыцаря).

На голое тело всякий член Тевтонского ордена (а не только рыцарь) надевал льняную нижнюю рубаху и подштанники-«брухи» (Bruchen — от этого средневекового немецкого слова происходит наше современное слово «брюки»). Поверх нательной рубахи и подштанников надевались короткий, чуть выше колен, кафтан из плотной материи (нем.: «йоппе», Joppe) и штаны (точнее — две штанины, обычно из шерстяной материи, часто переходившие в чулки, и такая важная часть средневекового костюма, как гульфик, воспетый Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле»). На голову надевалась матерчатая шапочка с завязками (напоминающая современный чепчик для грудных младенцев), поверх которой в мирное время носили капюшон-«гугель» (закрывавший также плечи и верхнюю часть груди), шапку, шляпу или берет, а в военное время — суконный или кожаный подшлемник. Поверх подшлемника надевали кольчужный капюшон-«гальсбергу» (нем.: Halsberge), также закрывавший голову, шею, плечи и верхнюю часть груди (оставляя открытым лицо, а иногда — только глаза).

В мирное время члены ордена Девы Марии, находясь в дороге, могли носить длинный плащ без рукавов (в «орденском доме» его ношение было обязательным). На случай дождя или снегопада полагался плащ-дождевик с капюшоном (нем.: «рейнмантель», Reynmantel). Зимние плащи и кафтаны имели подбивку из черной овчины.

Кафтан перетягивался кожаным поясом, на котором носили подвешенные на ремешках кошель-мошну, нож в деревянных, обтянутых кожей, или просто кожаных ножнах (этим ножом

пользовались во время еды, употребляя его также для других бытовых нужд), длинный кинжал в ножнах и четки.

В военное время (а нередко — и в пути) поверх кафтана надевали кольчугу-«обергу» (нем.: «гауберге», Hauberge), именовавшуюся также «рингельпанцер» (нем.: Ringelpanzer, то есть «кольчатый панцирь»), а поверх кольчуги — либо:

1) кованый нагрудник-кирасу (нем.: «брустплатте», Brustplatte, т.е. буквально: «нагрудная пластина», «эйзенбруст», Eisenbrust, или «эйзерне бруст», eiserne Brust, то есть буквально: «железная грудь»), закреплявшийся на ремнях, застегнутых пряжками (а иногда — также кованый наспинник), либо:

2) стеганый гамбезон, или, по-немецки, «польстервамз» (Polsterwams) — толстую, в несколько слоев сукна или холста, куртку на вате или конском волосе, либо:

3) «ленднер», именовавшийся по-немецки также «платтенрок» (Plattenrock, то есть буквально: «кафтан с пластинами»).

При описании одного из эпизодов Танненбергской битвы польский хронист Ян Длугош указывает, что напавший на польского короля Владислава Ягелло тевтонский рыцарь Дипольд Кикериц (Кёкериц) фон Дибер был одет в «белый тевтонский плащ» (так это место обычно переводят на русский язык). Но сам же Длугош указывает, что поляки называют этот плащ «якка» (Jakka, от нем.: Jacke). Между тем слово «якке» (Jacke), сохранившееся в немецком языке по сей день, всегда означало и означает «жакет» (нем.: Jackett, от фр.: jacquet) — куртку (часто — с длинными или короткими рукавами), т.е. не «плащ» («мантель», нем.: Mantel), и даже не налатник, а именно стеганный гамбезон или ленднер!

К чести Генрика Сенкевича, в его романе «Крестоносцы» злополучный рыцарь Дипольд выведен, в соответствии с исторической правдой, не в «белом плаще» (как нобелевский

лауреат почему-то вывел комтура Гамрата и самого магистра Ульриха фон Юнгингена), а в белом кафтане поверх доспехов, опоясанном золотым поясом (последнее вообще-то запрещалось «орденским братьям» их уставом, как всякая роскошь, но, как говорится, «жить, как хочешь, легко, а вот попробуй жить по уставу»)! Впрочем, довольно об этом...

В пору наивысшего расцвета ордена Девы Марии (около 1379 г.) в нем насчитывалось всего 824 «брата-рыцаря» (считая Пруссию, Ливонию, Германию, Италию, Испанию и т.д.). В 1400 г. в Пруссии насчитывалось около 600, а в Ливонии — не более 300 «братьев-рыцарей». Обычно в военное время в поход выступало не более половины «братьев-рыцарей», другая половина оставалась в составе гарнизонов орденских городов, крепостей, замков и усадеб («дворов»).

Кроме того, в замках и крепостях оставались больные, раненые и не способные по каким-либо причинам нести службу с оружием в руках «орденские братья». Принято считать, что на одного «брата-рыцаря» приходилось до десяти других конных воинов ордена Девы Марии («братьев-сариантов», призывавшихся на военную службу только в самом крайнем случае фамилиаров-«полукрестников» и пр.).

2000 «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов из состава постоянного войска Тевтонского ордена были разбросаны по Пруссии, готовые к отражению нападения неприятеля на других направлениях.

«Военные гости» Тевтонского ордена со своей челядью были родом главным образом из немецких областей Вестфалии, Швабии, Саксонии, Мейссена, Гессена и Тюрингии.

Участие в Крестовом походе считалось паломничеством (хотя и вооруженным), то есть благочестивым делом, важным для спасения души всякого искренне верующего христиани-

на. Паломники верили, что получают от Бога «великое прощение» за все предыдущие грехи. Однако в «рейсах» рыцарей Девы Марии охотно участвовали и не столь религиозные (а может быть, и не столь обремененные нуждавшимися в искуплении грехами) люди. Как уже упоминалось выше, среди представителей знатных немецких (да и не только немецких) родов традиционно считалось особой честью «заслужить себе шпоры», сражаясь под знаменами Тевтонского ордена в качестве его «гостей». Для имиджа рода было важно прославиться в боях с «неверными» и «язычниками». Хронисты повествуют об участии в битве при Танненберге, в качестве «военных гостей» Тевтонского ордена Девы Марии, представителей германских родов фон Адельсбах, фон Бонин, фон Борзниц, фон Ведель, фон Гаммерштейн, фон Гаугвиц, фон Герсдорф, фон Дона, фон Зейдлиц, фон Калькрейт, фон Клингенштейн, фон Мальтиц, фон Ностиц, фон Паннвиц, фон Эйленбург и фон Цоллерн (чьи представители впоследствии сыграли видную роль в истории — в первую очередь военной! — Пруссии и Германской империи под скипетром Гогенцоллернов).

Вооруженные силы самого ордена Девы Марии были организованы по комтурствам. Они представляли собой постоянное войско, с которым даже в мирное время постоянно проводились тактические занятия с целью поддержания и повышения боеспособности. Все орденское войско подразделялось на 65 отрядов («знамен», «баннеров» или «хоругвей»). Каждый из этих отрядов выступал под собственным знаменем, также именовавшимся баннером, нем.: Banner (по-немецки также: «фане», Fahne), или хоругвью, с гербом соответствующего комтурства. После битвы в руки поляков попало 51 орденское знамя (из чего иногда делается неправильный вывод, что и орденских отрядов было столько же).

Охрану каждого из главных баннеров орденской армии — знамен Верховного магистра, Верховного маршала (его баннер являлся одновременно главным знаменем всего орденского войска) и Великого казначея — составляли 12 отборных, сильнейших, обладавших высочайшей боевой выучкой и наиболее дисциплинированных «братьев-рыцарей» (не считая самого знаменосца). Орденский устав запрещал вооружать их в битве копьями, чтобы они, увлекшись общим порывом, не кинулись в «истинно рыцарский», копейный бой, оставив свой баннер без прикрытия. Соблюдалось ли это положение устава в битве при Танненберге, нам, однако, не известно.

Самой распространенной формой боевого порядка был так называемый «клин» (лат.: cuneus, нем.: Keil), «острие» (нем.: «шпиц», Spitz), «свинья» или «кабанья голова», острие которого составляли наиболее опытные рыцари, обладавшие самым лучшим вооружением, за которыми следовали всадники-«рейсиги» (нем.: Reisige, обычно — орденские «братья-сарианты») в тяжелом и среднем вооружении, оруженосцы (нем.: «кнаппен», Knappen), вооруженные копьями и мечами конные воины-кнехты, а также конные лучники и арбалетчики.

Кстати, по Длугошу, литовцы также строились «клиньями» и «турмами» (конными отрядами). Но это так, к слову...

«Баннером» в описываемую эпоху именовалось обычно главное знамя крупного военного отряда, состоявшего из нескольких более мелких подразделений, каждое из которых выступало под своим собственным, меньшего размера, знаменем (именовавшимся по-французски «пеннон», pennon, а по-немецки: «фенлейн», Faehnlein, то есть буквально: «маленькое знамя», «флажок», «фаньон», по-русски: «прапор»). Каждое из мелких подразделений, выступавших под этим «фенлейном»-

«прапором», также именовалось по-немецки «фенлейн». Предводитель такого небольшого отряда-«прапора» именовался «прапорщиком». Изображения на полотнищах малых знамен-«фаньонов»-«прапоров»-«фенлейнов» не имели геральдического значения (например, на хоругви-фаньоне орденских лучников были изображены две скрещенные красные стрелы на белом поле). Геральдические фигуры, изображенные на полотнище баннера, были расположены вертикально, параллельно древку. Командир отряда, выступавшего под баннером, именовался по-французски «баннеретом», banneret, а по-немецки «баннерфюрером», Bannerfuehrer (у поляков ему соответствовал хорунжий, то есть хоругвеносец).

Более старинной формой знамени, чем баннер, был так называемый гонфанон (гонфалон), чаще всего игравший роль главного знамени по отношению к баннерам. В отличие от изображений на баннере, расположенных параллельно древку знамени, геральдические фигуры или эмблемы на полотнище гонфанона располагались перпендикулярно древку.

В битве при Танненберге знамена-хоругви Верховного магистра (Большое и Малое — последнее именовалось также «Гончей хоругвью», по-немецки: «Реннфане», Rennfahne, или «Лейферфане», Laeuferfahne), украшенные его должностным гербом[1], Большое знамя ордена (оно же — знамя Верховного

[1] Должностной герб Верховного магистра Тевтонского ордена Приснодевы Марии — прямой черный крест на белом поле — имел в центре черного одноглавого орла Священной Римской империи (германской нации) на золотом щите. На черный крест был наложен более узкий золотой крест королевства Иерусалимского, основанного крестоносцами в Земле Обетованной (так называемый «Крест императора Констанция» — по древней легенде, римскому императору Констанцию, сыну святого равноапостольного царя Константина Великого, — в небе над Иерусалимом привиделся крест именно такой формы), чаще всего имевший форму, именующуюся в геральдике «костыльной», «выступной» или «усиленной» (с поперечными перекладинами

маршала), хоругвь Верховного казначея ордена Девы Марии и знамя-хоругвь святого Георгия («военных гостей» ордена) были гонфанонами, а, скажем, знамена-хоругви Великого комтура и Верховного ризничего (интенданта) — баннерами.

Для сравнения: в союзном польско-литовском войске гонфанонами были Большая Краковская хоругвь (главное знамя всего польского войска), знамя-хоругвь польского короля Владислава Ягелло, хоругвь Мазовецкой земли и хоругвь святого Георгия.

В своем описании битвы при Грюнвальде-Танненберге польский хронист Ян Длугош, автор латинской «Истории Польши» (основанной на латинской «Хронике конфликта», лат.: Chronica Conflictus, написанной через несколько месяцев после окончания Великой войны польским вице-канцлером Николаем Тромбой), перечисляя орденские знамена-хоругви, не упоминает главное знамя Тевтонского ордена — стяг с об-

---

на концах лучей креста), оканчивающийся на концах золотыми геральдическими лилиями. Черный одноглавый имперский орел на гербе гохмейстера «мариан» связан с буллой римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена 1226 г., даровавшего тевтонскому Верховному магистру наследственные права суверенного владетельного государя в завоеванной Пруссии (не входившей в состав Священной Римской империи) и титул князя (по-немецки: «фюрста», Fuerst, по-латыни: «принцепса», princeps) Священной Римской империи (во входивших в состав империи орденских владениях «тевтонов»). Золотой иерусалимский крест был дарован Верховным магистрам Тевтонского ордена королем иерусалимским Гвидо(ном) Лузиньяном вместе с рядом привилегий за заслуги тевтонских рыцарей в борьбе с сарацинами в Святой земле. Золотые же лилии на концах креста в гербе Верховного магистра Тевтонский орден за аналогичные заслуги получил от французского короля-крестоносца Людовика IX Святого. К середине XIV в., в эпоху расцвета Тевтонского ордена в Пруссии, этот уже далекий от первоначальной монашеской простоты герб украшал белое облачение, доспехи, щит, конскую попону, Большую и Малую хоругвь Верховного магистра (а с середины XV в. и по сей день — богато украшенный шейный крест на черной ленте и металлический крест, который гохмейстеры носят слева на груди, в качестве своеобразного эквивалента орденской звезды).

разом его Небесной Заступницы и Покровительницы — Пречистой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом на руках и орденским гербовым щитом с черным крестом на белом поле. Из этого можно сделать вывод, что полякам и литовцам не удалось овладеть орденским стягом с образом Пречистой Девы (поскольку Длугош описывает только те прусские хоругви, которые в качестве трофеев висели в его время в церкви краковского королевского замка Вавель).

Следует заметить, что никаких достоверных данных об использовании орденской конницей столь распространенных в кинофильмах и на книжных иллюстрациях белых конских попон, да еще с черными крестами, до нас не дошло (как и достоверных данных о наличии на копьях «тевтонов» белых, с черными крестами, копейных флажков-«прапорцев», именовавшихся впоследствии «флюгерами», не говоря уже о прапорцах с иными эмблемами, вроде флажка с серебряным ключом на красном поле, представляющего собой уменьшенную копию знамени, под которым выступала в битве при Танненберге «хоругвь»-«баннер» Верховного казначея Тевтонского ордена). По-немецки копейный флажок (имевший обычно, хотя и не всегда, треугольную форму) именовался «вимпель» (Wimpel), то есть буквально «вымпел» (светские рыцари обычно украшали свои копейные флажки родовыми гербами).

Отсутствуют и относящиеся к описываемой эпохе сведения о ношении братьями-рыцарями Тевтонского ордена на шлемах султанов или плюмажей (вроде описанных Генриком Сенкевичем в романе «Крестоносцы» павлиньих или страусовых «чубов», которые благородный польский рыцарь Збышко из Богданца так мечтал поскорее сорвать со шлемов «тевтонских псов» и преподнести в дар своей возлюбленной Дануське, замученной впоследствии коварным сатанистом

Зигфридом де Лёве). Дошедшие до нас изображения «тевтонов» в оперенных шлемах, как правило, датируются не ранее чем серединой XVI в. Точно так же нет достоверных свидетельств сочетания на щитах «орденских братьев» (в отличие от светских вассалов, «военных гостей» и наемников ордена Девы Марии) орденского герба с иными эмблемами. Скорее всего, щиты (во всяком случае, боевые) всех членов ордена Девы Марии, вплоть до представителей его высшей иерархии, были украшены в описываемое время исключительно гербом ордена — прямым черным крестом на белом поле.

Пехотинцы орденского войска (их также именовали по-немецки «орденсдинерами», Ordensdiener, то есть буквально «слугами ордена», или просто «динерами», Diener, т.е. «слугами») были вооружены длинными пиками, более короткими копьями, мечами, тесаками (дюссаками, иначе: фальшионами), боевыми топорами, а также арбалетами (которым «тевтоны» отдавали предпочтение перед луками). К 1410 г. в арсеналах Тевтонского ордена насчитывалось 4500 арбалетов и примерно один миллион арбалетных «болтов».

Следует заметить, что «тевтонские» луки и арбалеты, по свидетельствам современников, уступали сложносоставным (композитным) лукам, состоявшим на вооружении татар из войска Витовта, не только в скорострельности и в дальности стрельбы, но и в пробивной силе. Длинные татарские стрелы с большими и длинными наконечниками, выпущенные из татарских луков, летели если и не на километр (во что трудно поверить, все-таки лук, какой бы он ни был, не катапульта и не баллиста!), то, во всяком случае, метров на 500, если не больше, а на расстоянии 100 м пробивали человека насквозь, нанося чудовищные, рваные раны. Особые бронебойные стрелы с гранеными узкими (или долотовидными) наконечниками

не были, конечно, способны пробить рыцарские латы «готического» типа (который, впрочем, мог себе позволить далеко не всякий христианский рыцарь), однако пробивали широко распространившийся к описываемому времени, упоминавшийся нами выше, более легкий пластинчато-нашивной доспех (бригандину, по-немецки: «платтенрок», Plattenrock, или «ленднер», Lendner) не слишком большой толщины и легко пронизывали кольчугу.

Защитное вооружение «динеров» состояло из железных наголовий с полями («железных шляп», или, иначе, шлемов-шапелей), надевавшихся обычно поверх кожаных или кольчужных подшлемников, кольчужных рубах с рукавами (а часто — также с кольчужными чулками), порой — также металлических нагрудников-кирас, наплечников, наручей, наголенников, наколенников и облегченных щитов (литовских павез, о которых подробнее пойдет речь далее).

«Железные шляпы», вместо шлемов с забралом, нередко носили и «братья-сарианты» Тевтонского ордена, чье защитное вооружение в остальном почти не отличалось от рыцарского.

14. О ВОЙСКЕ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

Чрезвычайно пестрое в этническом отношении союзное войско Ягелло и Витовта состояло (по «усредненным» подсчетам) из 22 000 конных и 8000 пеших воинов. Оно подразделялось на 90 «хоругвей» («баннеров», или «знамен»). Польская часть армии состояла из 56 отрядов (в том числе западнорусских — львовского, галицкого, перемышльского и др.). Считается, что «хоругви» литовского войска были бо-

лее многочисленными, чем у поляков (доходя в некоторых случаях якобы до нескольких тысяч бойцов). Тем не менее наиболее боеспособное ядро союзной армии составлял польский контингент (хотя в Польше и не было постоянной армии; в случае войны собиралось всеобщее ополчение, или, по-польски: «посполитое рушение»). Для польской части союзной армии были характерны значительные различия в вооружении и боевой выучке. Тем не менее большинство польских рыцарей ни в чем не уступало «братьям» Тевтонского ордена.

В комплект защитного вооружения состоятельного польского рыцаря входили:

1) стальной шлем с подъемным забралом, стоимость которого соответствовала в описываемое время поденной плате плотника за 100 дней или стоимости пяти молочных коров (стоимость шлема с забралом была вдвое выше стоимости аналогичного шлема без забрала); под шлем надевался кольчужный капюшон, а под него, в свою очередь, — матерчатая или кожаная шапочка-подшлемник, амортизировавшая удары;

2) кольчуга (надевавшаяся поверх кожаной или стеганой суконной куртки);

3) надевавшаяся поверх кольчуги бригандина-«платтенрок» (или кованая кираса);

4) стальные наплечники;

5) стальные налокотники;

6) стальные наручи;

7) стальные (датные) перчатки;

8) стальные набедренники;

10) стальные наколенники;

11) стальные наголенники;

12) стальные (латные) башмаки со шпорами (надевавшиеся поверх кожаных башмаков и обычно оставлявшие ступни открытыми).

Аналогичное защитное вооружение имели «братья-рыцари» Тевтонского ордена, светские прусские рыцари — вассалы ордена, «военные гости» ордена Девы Марии, чешские, моравские и венгерские рыцари Владислава Ягелло и, возможно, самые богатые и знатные литовские князья и бояре.

Поскольку, в отличие от немногочисленных орденских братьев, выделявшихся из общей массы рыцарей и воинов своими белыми плащами и щитами с черными крестами, светские вассалы-ланд(ес)риттеры, гости и наемники ордена, а также ополченцы прусских городов были одеты весьма пестро, не отличаясь по внешнему виду от бойцов польско-литовской армии, Владислав Ягелло приказал своим рыцарям и воинам в качестве отличительного знака прикрепить к доспехам пук соломы (по Длугошу) или надеть соломеные повязки (если верить Е.И. Разину). Странно, что это обстоятельство не нашло отражение ни на известной картине Яна Матейко «Грюнвальдская битва», ни в романе Генрика Сенкевича «Крестоносцы», ни в его экранизации.

Непременным атрибутом богатого рыцаря были золотые шпоры и рыцарский пояс из тяжелых золотых (или позолоченных) пластин.

Наряду с главным оружием — тяжелым рыцарским копьем (длиной до 5 м), они часто применяли в бою облегченные литовские копья-сулицы (бывшие примерно вдвое короче). В отличие от «тевтонских» и вообще немецких рыцарей, польские рыцари чаще применяли в ближнем бою не рыцарский меч, а булаву, пернач (шестопер), чекан (боевой молот, клевец, «птичий клюв») и боевой топор. Кинжалом обычно добивали ране-

ных, за которых не надеялись или не желали получить выкуп. Деревянные щиты, обтянутые выделанной кожей и расписанные яркими красками, имели овальную или четырехугольную форму, нередко с вырезом в верхней части для вкладывания в него копья.

В отличие от немецкого и вообще западноевропейского дворянства, в Польше несколько дворянских (шляхетских) родов выступали под одним общим гербом (образуя так называемые «гербовые братства»). Чаще всего польские гербы представляли собой символы, эмблемы или геральдические фигуры белого цвета на красном поле (или наоборот).

Стрелки из арбалетов и ручных бомбард-фистул (при Танненберге обе армии применяли огнестрельное оружие самого разного калибра, включая ручное) союзного войска (как и орденской армии) использовали в качестве защитного вооружения так называемый стоячий (станковый) щит (по-немецки: «зетцшильд», Setzschild), известный, между прочим, и татарам (под названием «чаппар»), с прорезью-бойницей для стрельбы, украшенный геральдическими эмблемами (у орденских стрелков — черным крестом на белом поле).

Многие представители польского мелкого дворянства — шляхты (от немецкого слова «гешлехт», то есть «род», «семейство») — не обладали ни необходимым боевым опытом, ни необходимой боевой выучкой, ни надлежащим вооружением. Поэтому польский король пытался вооружить их на свои собственные средства. Кроме того, он повелел богатым князьям (магнатам, «можновладцам») своего королевства помочь ему вооружить менее состоятельную шляхту. Судя по всему, многие простые шляхтичи не имели пластинчатых доспехов, которые покрывали бы их с головы до ног. Они были вынуждены обходиться кольчугой в сочетании с простым металли-

ческим нагрудником, или же кожаной курткой, обшитой металлическими пластинками. Только состоятельные польские рыцари могли позволить себе роскошь иметь шлем с забралом. Рыцари победнее довольствовались упоминавшимися выше простыми, недорогими и практичными «железными шляпами» (по-немецки: «эйзенгут», Eisenhut по-французски: «шапель», chapel) — наголовьями с невысоким округлым или приостренным куполом и с широкими, слегка опущенными вниз полями, или сфероконическими шлемами восточноевропейского типа, оставлявшими лицо открытым.

Вооружение и доспехи большинства литовских воинов были типично восточноевропейскими. Только богатые и могущественные бояре могли позволить себе тяжелые доспехи. Широко распространены были железные или стальные шлемы-шишаки конической формы и кожаные панцири, а также типичные литовские щиты-павезы (в виде выпуклого прямоугольника или трапеции, с выпуклым вертикальным желобом по оси), деревянные, обтянутые кожей и полотном и расписанные яркими узорами или гербами (польские шляхетские роды породнились с литовскими знатными родами, зачислив представителей этих родов, принявших крещение по римско-католическому обряду, в свои «гербовые братства» — на православных подданных князя Витовта эта привилегия не распространялась, ибо правоверные католики-поляки не считали православных «схизматиков» равными себе).

Что же касается жмудинов, то они, судя по данным современных летописцев, были одеты в звериные шкуры и вооружены в основном метательными копьями (сулицами-дротиками) и составными (композитными) луками — оружием, превосходно зарекомендовавшим себя в дебрях Самогитии (но уж

никак не «каменными топорами», как утверждает белорусский автор А.Е. Тарас).

Относительно союзников Ягелло и Витовта весьма лояльный к обоим высокородным литвинам Генрик Сенкевич (между прочим, сын крещеного литовского татарина) не скупится в своем романе «Крестоносцы» на, прямо скажем, далеко не лестные эпитеты. Так, татары на службе у Витовта, по утверждениям нобелевского лауреата, — «дикари, отличавшиеся неслыханной свирепостью — вид у татар был такой зловещий и дикий, что их скорее можно было принять не за людей, а за диких лесных чудовищ» (а ведь таковыми они представлялись не какому-то окаянному «тевтонскому псу», а главному положительному герою романа — польскому «рыцарю без страха и упрека» Збышку из Богданца). Вслед за татарами на страницах романа Сенкевича появляются и другие союзники Витовта — «точно такие же дикие бессарабы с рогами на головах», «длинноволосые валахи, которые вместо панцирей покрывали грудь и спину деревянными досками с неуклюжими изображениями упырей, скелетов или зверей» и тому подобные «порождения Мордора» (выражаясь языком современного толкиниста).

В данной связи необходимо заметить (не вдаваясь в подробности и особенности вооружения и внешнего вида бессарабов с валахами), что в действительности татарские конники Витовта (кроме золотоордынского контингента хана Джелал-эд-Дина, у Великого князя Литовского имелись и собственные, служилые, татары, переселившиеся в Литву еще раньше и сражавшиеся в составе литовских отрядов) были вооружены в соответствии с золотоордынскими традициями, восходившими к традициям Чингисхана и Батыя (Батухана). Почему-то принято считать, что хан Джелал-эд-Дин привел под стяги Ви-

товта только конных лучников. Лучники в татарском войске, несомненно, имелись, составляя легкую конницу. Их маленькие, верткие лошадки были мало пригодны в ближнем бою, но очень полезны при завязке боя и преследовании бегущего противника, бегстве и всевозможным иррегулярных боевых действиях.

Сложносоставные (композитные) луки, служившие основным видом оружия у татар, были двух типов:

1) китайского — большие луки, до 1,4 м длиной, с четко выделенными и отогнутыми друг от друга плечами, и длинными, почти прямыми рогами;

2) ближне(средне)восточного — небольшие (не более 90 см), сегментовидные луки, с едва выделенной рукоятью и маленькими изогнутыми рогами.

Татарские луки обоих типов (как, кстати, и русские луки) были исключительно мощными (силой натяжения до 80 кг и более). О пробивной силе выпущенных из этих луков стрел мы уже упоминали выше. Стрелы татары хранили в узких колчанах из бересты (остриями вверх) или же в кожаных сумках (оперением вверх).

Легкая татарская (и литовская) конница компенсировала почти полное отсутствие этого рода войск в войске польского короля.

Однако нет никаких оснований исключать из состава татарского контингента Джелал-эд-Дина (которого Витовту в конце концов, хотя и ненадолго, удалось возвести в 1411 г. на утраченный его отцом Тохтамышем золотоордынский престол) тяжеловооруженных конных копейщиков.

Выпустив в противника свой запас стрел (благодаря убойной силе стрел и большой меткости стрелков от татарских стрел всегда было много убитых и раненых), ордынские луч-

ники предоставляли возможность довершить разгром противника тяжело- и средневооруженным конным копейщикам. До атаки копья висели у этих татарских «рыцарей» за правым плечом, закрепленные кожаными петлями у плеча и ступни. Копья имели либо узкие граненые, либо более широкие, уплощенные наконечники, иногда с расположенным под клинком крючком (чтобы стаскивать неприятельских всадников с коня). Под наконечником копья были украшены бунчуками из конских волос и узким флажком с треугольными косицами. По одной из версий, Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген был убит в конном поединке татарским царевичем Багардином, или Баха-эд-Дином (то ли предводителем литовских татар, то ли сыном хана Джелал-эд-Дина и внуком хана Тохтамыша). Такое было возможно лишь в случае, если знатный татарин не уступал гохмейстеру в вооружении.

Оружием ближнего боя татарам служили не только сабли (отнюдь не серповидные, а достаточно слабо изогнутые), но и мечи, а также булавы, шестоперы, боевые топорики и боевые ножи (которыми добивали раненых).

Если легкие татарские конники имели, в качестве защитного вооружения, главным образом длинные, скроенные наподобие халатов, стеганые панцири-тегелеи (нередко с подбоем из металлических пластин, наподобие западной бригандины), то тяжелая татарская конница была защищена ламеллярными доспехами-куяками (часто надевавшимися поверх кольчуги) и кольчато-пластинчатой стальной броней с металлическими наручами и поножами, щитами с металлическими умбонами и шлемами различных типов, с кольчужными бармицами, наносницами и забралам (часто в форме личины, то есть стилизованного человеческого лица, зловеще улыбавшегося про-

тивнику). Нередко татарские конные копейщики были вооружены еще и луком со стрелами. Кроме того, их кони также были часто защищены не только стальными налобниками, но и полными кольчужно-пластинчатыми доспехами (а вот в том, что конские доспехи имелись в орденском войске — по крайней мере, при Танненберге! — существуют вполне обоснованные сомнения).

Как уже упоминалось выше, в составе союзной польско-литовской армии под Танненбергом насчитывалось 43 (западно) русские «хоругви» (7 из них в составе польской и 36 — в составе литовской части союзного войска), не считая отряда русских наемных воинов из Великого Новгорода, навербованных литовским князем Симеоном (в язычестве — Лингвеном, Лугвеном или Лугвением), являвшимся, по совместительству, князем («опекальником») новгородским. Для сравнения: чисто польскими (по национальному составу) в войске союзников были только 42 «хоругви».

Русские воины союзной армии были вооружены по-русски. Под Танненберг подчиненные Витовту (и Владиславу Ягелло) западнорусские князья привели свои дружины, состоявшие из тяжеловооруженной конницы. Дружинники были вооружены мечами, саблями, боевыми топорами, копьями, дротиками-сулицами (имевшимися, кстати, и у татар, и у бойцов орденского войска), луком со стрелами, булавами, шестоперами и кистенями (боевыми гирями, подвешенными к рукоятке на цепи или ремне). Мечи были западноевропейского типа (как у бойцов орденского войска, польских рыцарей, литовских бояр и дружинников); сабли — татарского типа. Имелись на вооружении также кинжалы, в том числе длинные кончары с граненым клинком. Копья имели в основном неширокое граненоуплощенное острие.

В комплект русского защитного вооружения входили шлем (конический или сфероконический, обычно увенчанный шариком, с кольчужной, войлочной или кожаной бармицей), броня и щит. Под «броней» («бронью») понимался достаточно широкий спектр доспехов различного типа — кольчужных, ламеллярных (из стальных пластинок, соединенных ремешками или шнурками), пластинчато-нашивных (из металлических пластинок, нашитых на тканую или кожаную основу). Кольчуги в описываемое время делались в основном из широких плоских колец (т.н. байданы). Воины победнее ограничивались кольчугой, воины побогаче надевали поверх кольчуги доспехи других типов. Грудь богатого воина часто защищалось еще и т.н. зерцалом — стальным диском, крепившимся к нагрудной части панциря. Для защиты ног в описываемое время служили кольчужные чулки и наголенники. Щиты западнорусских воинов под Танненбергом были различной формы — треугольные, круглые, каплевидные (наследие домонгольской эпохи) и литовские павезы.

Приводим ниже боевое построение союзной армии при Танненберге.

15. О БОЕВОМ ПОРЯДКЕ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ВОЙСКА

1) Левое крыло и часть центра:

Предводитель: Зындрам (Зиндрам) из Машковиц.

Численность: 10 000 польских рыцарей с челядью, польских, русских и венгерских конных воинов.

Происхождение: Краков, Люблин, Велунь, Серадзь, Львов, Галич, Перемышлль, Мазовия и др.

2) Центр:

Предводитель: чешский воевода Ян (Ясько) Сокол.

Численность: 500 конных чешских и моравских наемников.

3) Центр:

Предводитель: литовский боярин Монивид (Монвид, Моновид), по другим данным — воевода Виленский Петр Гаштольд.

Численность: 1000 конных бессарабов и валахов (тех самых «длинноволосых», «с рогами на головах» — конечно, если верить Генрику Сенкевичу).

4) Правая часть центра:

Предводитель: Симеон-Лингвен (Лугвен, Лонгвиний, Логвиний, Лугвений — служилый князь-опекальник Великого Новгорода, а позднее — князь мстиславльский), брат Владислава Ягелло (а по версии Длугоша — некий «князь Георгий», являвшийся, по разным версиям, сыном Симеона-Лингвена князем Юрием, именуемым во втором томе «Истории военного искусства» Е.И. Разина «Юрием Мстиславским»; князем пинским Юрием Владимировичем или же князем Юрием Михайловичем — двоюродным племянником Владислава Ягелло и Витовта; некоторые источники упоминают в качестве предводителя русских «хоругвей» литовского войска «из Смоленска и Киева некоего «князя Василия»; в общем, «темна вода во облацех...»).

Численность: 2000 русских конных воинов.

Происхождения: Киев, Смоленск, Орша, Мстиславль и др.

5) Правое крыло:

Предводитель: Великий князь Витовт.

Численность: 2000 конных литовцев («коренных» летувисов).

Происхождение: Аукштайтия, Жмудь (Самогития) и др.

6) Правое крыло:

Предводитель: хан Джелал-эд-Дин (сын золотоордынского хана Тохтамыша, спалившего в 1382 г. Москву, вырезавшего 24 000 жителей стольного града Московского княжества, согнанного впоследствии с трона Золотой Орды Тимуром и нашедшего с 40 000 своих сторонников убежище у Витовта).

Численность: 3000 татарских конных лучников и копейщиков.

7) Пехота:

Предводитель: каштелян Сандецкий.

Численность: 6000 человек.

16. ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

14 июля 1419 г. войску польско-литовской коалиции был дан отдых, с намерением утром 15 июля двинуться на северо-восток. В эту ночь с 14 на 15 июля разразилась сильная гроза. Страшная буря, ливень с градом, гром и молния весьма осложнили ночной марш орденского войска к полю предстоящей битвы. Наконец утром 15 июля «тевтонский» авангард под командованием комтура Остероде, Гамрата фон Пинценау (у Длугоша: Печенгайна), увидел польско-литовское войско (большая часть которого расположилось бивуаком в лесу).

Польский король Владислав Ягелло узнал о приближении орденского войска по дороге к утренней мессе и сразу же рас-

порядился известить своего «возлюбленного брата» — Великого князя Литовского — о надвигающейся угрозе.

Известие о появлении авангарда «тевтонов» застало союзников врасплох, поскольку в польско-литовском стане не имелось никаких сведений о спешном ночном марше орденского войска. Король Владислав некоторое время пребывал в неуверенности, не мог принять окончательного решения и продолжал молиться, пока, по настоянию Витовта, не прекратил мессу. Внезапное нападение на не изготовившихся к бою литвинов и поляков, к которому призывал гохмейстера ряд его подчиненных, по его мнению, не могло быть успешным, с учетом трудности продвижения тяжеловооруженной орденской конницы через пересеченную местность со сложным рельефом, поросшую местами лесом и кустарником. Правда, гохмейстер обладал таким преимуществом, как момент внезапности, однако, в силу сложившихся обстоятельств, не усматривал возможности воспользоваться им.

Во-первых, значительная часть неприятельских войск располагалась в лесу или же могла без труда укрыться в лесу от его удара. Во-вторых, войско ордена еще находилось на марше и должно было перестроиться из походной колонны в боевой порядок, что потребовало бы продолжительного времени. Таким образом, сыграли свою роль проблема мобильности, равно как и то обстоятельство, что кульмская конница была еще только на подходе и у «тевтонов» не было времени даже установить на артиллерийской позиции все свои орудия (прикрыв те, что они все-таки успели установить, арбалетчиками), и часть бомбард пришлось оставить для защиты орденского лагеря.

Поле предстоящей битвы, располагавшееся в треугольнике между селениями Грюнфельде (по-польски: Грунвальд,

по-литовски: Жальгирис — и то и другое название значит: «Зеленый Лес», тогда как немецкое название Грюнфельде — «Зеленое Поле»), Танненберг (буквально: «Еловая Гора», по-польски: Стенборк) и Людвигсдорф (по-польски: Людвигово или Людвиково), характеризовалось сочетанием пустошей с болотами и лесными массивами. В XV в. на поле имелось гораздо больше болот и озер, чем в настоящее время.

Согласно большинству исторических хроник, войско Тевтонского ордена построилось в ДВЕ линии ТРЕМЯ большими соединениями, именовавшимися по-немецки «треффенами» (Treffen), причем одно из них, под командованием самого Верховного магистра, представляло собой резерв и образовывало ВТОРУЮ линию. Левым крылом ПЕРВОЙ линии командовал Верховный маршал Фридрих фон Валленроде, правым — Великий комтур Куно (Конрад) фон Лихтенштейн.

Описания битвы при Танненберге, в общем и целом достаточно немногочисленные, весьма обобщенные и крайне политизированные (с обеих сторон), повествуют о том, что литовцы напали на левое крыло орденского войска и после ожесточенной схватки были обращены им в бегство. Левое крыло «тевтонов» увлеклось преследованием бегущих литовцев и оторвалось от главных сил своей армии. В результате правому крылу, под командованием Лихтенштейна, пришлось принять на себя главную тяжесть схватки с польской частью союзного войска. Затем в битву вмешался «тевтонский» резерв под командованием гохмейстера (то ли для того, чтобы помочь изнемогавшему в бою с поляками «треффену» фон Лихтенштейна, то ли для того, чтобы развить достигнутый Лихтенштейном успех — свидетельством чему служил кратковременный захват рыцарями Лихтенштейна главного знамени польского войска — и довершить разгром поляков).

Однако удар «тевтонского» резерва не достиг поставленной цели, потому что часть бежавших с поля боя под натиском сил маршала Валленроде литовцев возвратилась и снова вступила в бой, решив тем самым исход сражения в пользу Владислава Ягелло и Витовта и подписав смертный приговор орденскому войску.

Однако более вероятным представляется боевое построение орденского войска перед началом сражения ТРЕМЯ «треффенами» (примерно одинаковой численности), расположенными НЕ В ДВЕ, А В ОДНУ линию, общей длиной примерно 1,5 км (а не 2,1 км, как — с завидной точностью! — указано, например, у Е.И. Разина). В пользу нашего предположения (разумеется, отличающегося от традиционных представлений, изложенных в любимых всеми нами с детства книгах, начиная с «Историй военного искусства» Разина и Строкова), говорит то обстоятельство, что поляки и литовцы обладали значительным численным превосходством над «тевтонами», что орденское войско было крайне утомлено ночным маршем к полю битвы (от которого не успело отдохнуть), что решение должно было быть принято его командованием как можно скорее.

Кроме того, совершенно невозможно представить себе, что гохмейстер поручил всего лишь ОДНОЙ ТРЕТИ своего войска («треффену» Лихтенштейна) противостоять ВСЕЙ польской (наиболее сильной в военном отношении) части войска союзников! К тому же летописцы (например, автор орденской «Хроники Посильге») сообщают о троекратном (!) прорыве отрядом гохмейстера польского боевого порядка. Когда и какими силами гохмейстер мог его совершить, если, согласно Длугошу и другим, последняя атака орденского резерва под его командованием оказалась безуспешной? Это было бы совершенно невероятным (несмотря на измену ордену Девы

Марии кульмских рыцарей из «Союза Ящериц»), если бы эту атаку совершил еще не использованный в бою, отборный ударный отряд орденской армии. Ниже мы приводим вероятное боевое построение армии Тевтонского ордена.

17. О БОЕВОМ ПОРЯДКЕ ВОЙСКА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Даем, из осторожности, «усредненную» численность войска ордена Приснодевы Марии, его вассалов, «военных гостей», союзников и наемников:

1) Левое крыло:

Предводитель — Верховный маршал ордена Фридрих фон Валленроде.

Численность: 4000 всадников.

Состав: постоянные войска ордена, ополчения прусских городов, «военные гости» ордена.

Происхождение: Кёнигсберг, Бр(а)унсберг, Данциг, Эльбинг и др.

2) Центр («чело»):

Предводители: гохмейстер ордена Ульрих фон Юнгинген и Верховный ризничий (траппьер, интендант) ордена Альбрехт фон Шварцбург.

Численность: 4000 всадников.

Состав: «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Девы Марии, челядь, ополчения прусских епископств.

Происхождение: Эрмланд, Остероде, Энгельсбург (у Длугоша ошибочно: «Энгельсберг»), Роггенгаузен (Рогозьно), Леске, Алленштейн, Замланд и др.

3) Правое крыло:

Предводитель: Великий комтур (гросскомтур) ордена Куно фон Лихтенштейн.

Численность: 4000 всадников.

Состав: «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Девы Марии, «военные гости» и союзники ордена, наемники.

Происхождение: Эльбинг, Диршау, Щецин (Штеттин), Олесница и др.

4) Резерв:

Предводитель: Верховный казначей ордена Томас фон Мергейм.

Численность: 2000 всадников.

Состав: рыцарское ополчение Кульмской земли (светские вассалы ордена Девы Марии), «военные гости» ордена.

Происхождение: Торн, Грауденц, Кульм и др.

5) Лагерь:

Предводитель: Верховный госпитальер (шпитальмейстер) ордена Вернер фон Теттинген.

Численность: 6000 пехотинцев.

Контингенты орденского войска:

(1) Постоянное войско Тевтонского ордена;

(2) Светские рыцари — вассалы ордена и сельские ополченцы из Пруссии.

(3) Конные наемники из Силезии, Франконии, Тюрингии и Рейнской области.

(4) «Военные гости» ордена с челядью из Германии и из других стран Европы.

(5) Конные воины из четырех прусских епископств.

(6) Конные воины из крупных прусских городов — Данцига, Эльбинга, Кёнигсберга, Бр(а)унсберга и др.

(7) Ополчения мелких прусских городов.

(8) Конные рыцари и воины Кульмской земли и «Союза (Общества) Ящериц(ы)».

(9) Конные рыцари и воины князя Щецинского.

(10) Конные рыцари и воины князя Олесницкого.

(11) Конные рыцари и воины венгерского посольства (один из венгерских рыцарей — Георгий Керцдорф — был знаменосцем-«баннерфюрером» хоругви Святого Георгия орденского войска, в рядах которой сражались пришедшие изо всех стран христианской Европы на помощь «тевтонам» крестоносцы-«интернационалисты»).

18. О ВЕРОЯТНОМ БОЕВОМ ПОСТРОЕНИИ ПРОТИВНИКОВ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

Перед боевой линией орденского войска «тевтонскими» артиллеристами было установлено около 100 средневековых артиллерийских орудий — пушек и «бомбард» (по-немецки: «бюксов» или «буксов») разного калибра, стрелявших прямой наводкой ядрами размером от «кулака» до «головы взрослого человека» (по всей вероятности, перед фронтом армии «мариан» заняли огневую позицию и орденские стрелки из ручных бомбард — «фистул», или «гандбуксов»). Гонфаноны «гебитигеров» ордена играли роль командных флагов. Неизвестно, имели ли древки этих знамен (хоругвей, баннеров) поперечную перекладину, к которой были прикреплены полотнища (чтобы их можно было различить — и тем самым определить место нахожде-

ния того или иного предводителя — не только при ветре, но и при тихой погоде).

Считается, что в состав каждого «баннера» («знамени», «хоругви»), в зависимости от его численности, входило от 20 до 100 «пеннонов» или, иначе, «вымпелов» (копейных флажков-«прапорцев») отдельных рыцарей (если такие флажки-вымпелы действительно существовали, поскольку, как уже указывалось нами выше, на фресках и иллюстрациях изображений «орденских братьев» Тевтонского ордена с флажками-«пеннонами» на копьях не сохранилось — в отличие от изображений светских рыцарей-мирян), свидетельствовавших об их участии в битве. В начале битвы резерв был еще на подходе, стан орденского войска располагался в районе села Фрёгенау.

По другую сторону фронта польскому военачальнику Зындраму из Машковиц и Великому князю Литовскому Витовту с трудом и немалыми усилиями удалось построить литовцев на правом фланге в районе озера Лаубензее, а поляков — на правом фланге в районе Людвигсдорфа. Часть войск и обоза союзной армии находились еще на подходе, на Гильгенбургской дороге. Приводим ниже вероятное боевое построение польско-литовского войска. При этом следует учитывать, что боевой порядок союзного войска состоял в глубину из ТРЕХ линий («гуфов», или, по Е.И. Разину, «хуфцов») — в отличие от уступавшего союзникам в численности орденского войска, выстроившегося, согласно традиционным представлениям, в ДВЕ линии (а на наш взгляд — в ОДНУ линию), чтобы удлинить, таким образом, свой фронт и избежать возможного обхода с флангов.

Оба войска противостояли друг другу по оси северо-запад — юго-восток. По легенде, на поле между фронтами

двух армий росло шесть огромных дубов, с раскидистых крон которых любопытные местные жители якобы наблюдали за ходом сражения.

Облачившись в боевые доспехи, польский король Владислав Ягелло расположился на холме в тылу своего войска. Боевой клич поляков был «Краков» (столица Польши), литовцев — «Вильна» (ныне: Вильнюс, столица Литвы).

На случай поражения предусмотрительный Ягелло распорядился держать наготове на дороге в Польшу сменных лошадей, чтобы спастись бегством. Всем невооруженным (обозной прислуге и т.д.) было приказано уйти с «линии огня» в район селения Фаулен.

Перед началом битвы польский король, с целью повышения боевого духа своей армии, посвятил в рыцари 1000 молодых польских шляхтичей. С учетом обстановки посвящение было проведено по «сокращенному сценарию» (без бдения кандидатов над мечом, обычно занимавшего всю ночь перед инвеститурой, и ряда других церемоний).

Вряд ли у командования орденской армии оставалось время для устройства перед своим фронтом «волчьих ям», в которые якобы проваливались при атаке польские рыцари и литовские конники (хотя об этих «волчьих ямах» упоминается в польских летописях).

Из-за своих тяжелых доспехов, раскалявшихся при долгом ожидании на открытой местности (в отличие от укрытого от солнечных лучей лесом противника) под лучами жаркого июльского солнца, усталости от тяжелого ночного марша, «тевтоны» находились в менее выгодном положении, чем отдохнувшие и выспавшиеся польские и литовские воины. Тем не менее гохмейстер, отдавший приказ совершить тяжелый ночной переход в условиях грозы и ливня с градом крайне

неохотно и лишь под давлением своего окружения, с учетом крайне жестоких методов ведения войны литовцами и поляками, не видел иного выхода защитить мирное население вверенной ему Богом и Девой Марией Пруссии, кроме попытки решить судьбу всей войны в одном-единственном сражении. К тому же гохмейстер, страдавший тяжелым глазным заболеванием (катарактой), боялся окончательно ослепнуть в самый неподходящий момент.

Чтобы положить конец бездействию и связанному с ним все нараставшему психическому напряжению, маршал ордена (а по другим данным — сам Верховный магистр) направил к польскому королю герольда князя Щецинского (с красным грифоном на белом поле, изображенным, по одним данным, на щите, по другим — на налатнике, а по третьим — на знамени) и герольда князя Олесницкого (с черным орлом на желтом поле, изображенным также то ли на щите, то ли на налатнике, то ли на знамени). Согласно «Истории Польши» Яна Длугоша, вторым был не герольд князя Олесницкого, а герольд короля венгерского Сигизмунда Люксембургского, и у него на знамени был изображен, соответственно, черный «цесарский» орел на золотом (желтом) поле; «цесарем» или «кесарем» в то время именовали императора Священной Римской империи. Однако Длугош, писавший свою историю более чем через полвека после битвы, не учел, что в описываемое время король венгерский Сигизмунд еще не был избран (повторно) императором Священной Римской империи. Поэтому более правдоподобной нам представляется версия, согласно которой второй герольд был все-таки герольдом князя Олесницкого (имевшего аналогичный герб — черный орел на золотом поле; единственное отличие заключалось в том, что черный орел князя Олесницкого, был, в отличие от

черного «цесарского» орла, обременен узким серебряным полумесяцем).

Герольды передали Ягелло (а по другой версии — Ягелло и Витовту) два обнаженных меча и вызов на бой, заявив (согласно Яну Длугошу):

«Светлейший король! Великий магистр (так в переводе «Истории» Длугоша на русский язык переводится титул Верховного магистра. — *В.А.*) Пруссии[1] Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сраженье и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь, от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы».

Согласно Длугошу, в момент произнесения герольдами этих слов, «дерзких», «заносчивых» и «не подобающих набожности крестоносцев», войско ордена действительно отступило на значительное расстояние, как бы требуя боя.

Польский король, приняв мечи, якобы ответил неприятельским герольдам так:

---

[1] Из этих слов явствует, что Юнгинген выступал не в качестве гохмейстера всего Тевтонского ордена, а в качестве «земского (земельного, провинциального) магистра (ландмейстера) Пруссии, непосредственно подвергшейся польско-литовской агрессии и обязанный ее защищать (что — формально! — давало ландмейстеру Ливонии Фитингофу право не участвовать в отражении этой агрессии).

«Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моих народов крови и истребления два меча, доставленные вами, я принимаю во имя Бога и прибегну к Нему, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни...»

Описания, согласно которым один из переданных Ягелло (или Ягелло и Витовту) мечей был окровавленным (в знак войны), а другой — с незапятнанным клинком (в знак мира) — мол, выбирай(те), мир или война! — представляются нам легендарными. Упоминание о том, что польскому королю уже позднее, в перерыве между схватками, были переданы два меча, окрашенные кровью литовцев, представляется не менее легендарным. Польские историки традиционно рассматривают историю с передачей двух мечей как несомненное, с их точки зрения, свидетельство высокомерия, гордыни, воинственности «тевтонов» и якобы свойственной «проклятым крыжакам» (как именовал «Божьих рыцарей» Адам Мицкевич) «неутолимой жажды крови». В действительности же речь шла о широко распространенном в эпоху Средневековья рыцарском обычае. С учетом описанных выше бесчеловечных методов ведения войны союзниками истолкование эпизода с двумя мечами в духе «тевтонской кровожадности» не выдерживает никакой критики.

Существует также точка зрения, что герольды с двумя мечами были присланы предводителям польско-литовского войска по инициативе поморских князей (без ведома гохмейстера фон Юнгингена, хотя и от его имени). Кто знает...

После возвращения герольдов в орденское войско настал час битвы.

19. КРОВАВЫЙ БРАННЫЙ ПИР

После полудня стоявшие на левом крыле союзной армии литовцы и татары Витовта начали сражение. Их легкая конница на быстрых конях атаковала строй «тевтонов», стоявших подобно железной стене. Атака была столь стремительной, что орденские пушкари и стрелки из ручных бомбард-«фистул», скорее всего, успели сделать только по одному выстрелу (а не по два, как утверждают некоторые источники). Однако вслед за пушечными ядрами и пулями в атакующих литовцев и татар полетел град «болтов» орденских арбалетчиков и стрел орденских лучников, прикрывавших бомбарды, и седла многих литовских коней опустели. Литвины и татары, в свою очередь, обстреливали орденских бойцов из своих сложносоставных луков, однако их стрелы причинили «тевтонам» сравнительно мало вреда, отскакивая от щитов и прочных доспехов воинов Девы Марии. Для рыцарей и конных воинов Тевтонского ордена начало битвы, после трудного ночного перехода и многочасового ожидания в раскалившихся от жары доспехах, стало своеобразным избавлением от мук. 4000 тяжеловооруженных всадников маршала Валленроде, с копьями наперевес, контратаковали с такой «фурией», что даже растоптали часть собственных стрелков и пушкарей.

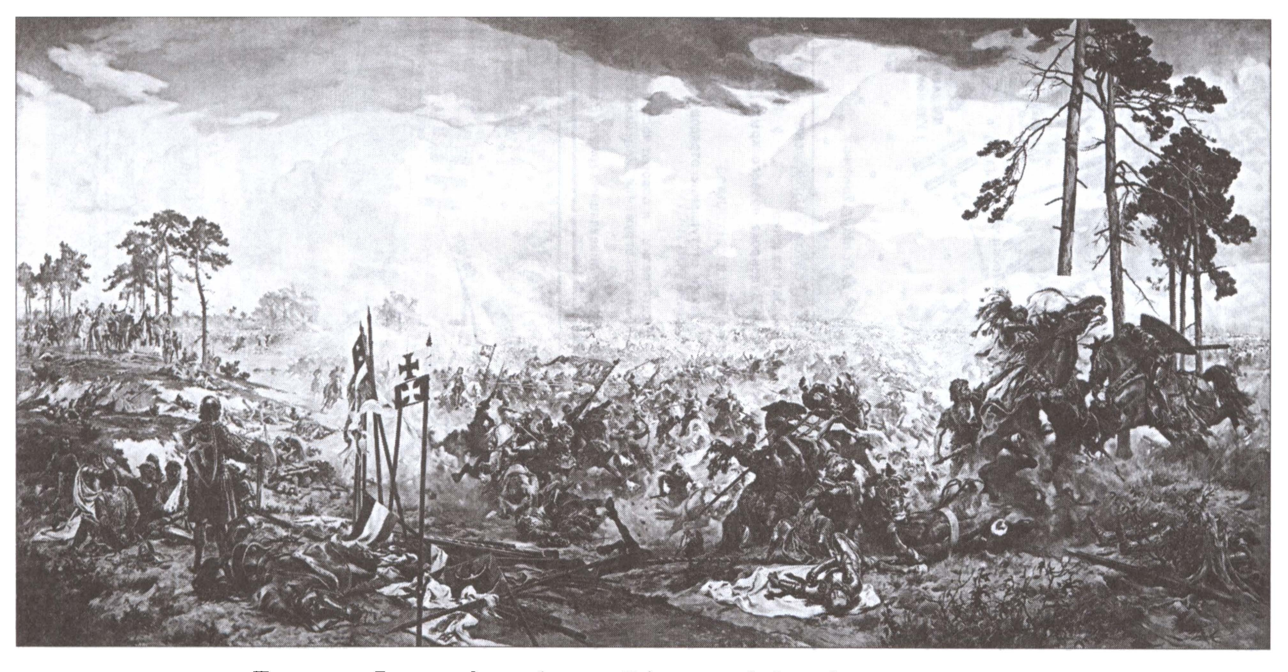
Первое столкновение противников произошло на равнине между двумя холмами. Как будто два стальных дракона налетели друг на друга и сцепились в неистовой кровопролитной схватке. Хронисты повествуют о переломленных копьях, расколотых щитах, сверкающих под лучами солнца мечах, лязге доспехов под ударами и о далеко разносившемся шуме сражения. Вскоре земля покрылась убитыми и ранеными воинами и конями. Сражение распалось на множество поединков.

Воины обеих армий сражались с невероятным упорством и отвагой. В первых рядах войска князя Витовта бились воины, обладавшие самым лучшим вооружением и доспехами — бояре и дружинники. Но в скором времени они были истреблены бронированной конницей ордена. Татары пытались вклиниться в бреши в рядах неприятельского строя или же ранить вражеских коней в ноги, чтобы те упали вместе с всадниками (из чего явствует, что по крайней мере часть коней «тевтонов» и их союзников имела защитные доспехи). Однако сила удара «мариан» была столь сокрушительной, что вся первая линия войска Витовта буквально разлетелась в пух и прах. Удар приняла на себя вторая линия литовского войска, также начавшая колебаться под бешеным вражеским натиском, тем самым furor teutonicus, от которого во время óно, если верить Цезарю и Тациту, содрогались даже бесстрашные сердца испытанных в боях ветеранов легионов Древнего Рима (любопытно, что Ян Длугош считал литовцев потомками... древних римлян, переселившихся некогда на берега Янтарного моря). В ближнем бою полностью сказалось преимущество «тевтонов» в защитном вооружении. После жаркого двухчасового боя литовские войска стали отступать. Напрасно их предводители пытались восстановить боевой порядок, чтобы сдержать неистовый напор «проклятых крыжаков». Началась паника, вся литовская часть союзной армии обратилась в бегство. Сражавшийся в первых радах Великий князь Витовт тщетно пытался сдержать бегущие войска силой своего авторитета. Орденский контингент маршала Валленроде преследовал обратившихся в бегство литовцев. Часть беглецов была загнана в болота и реку Маранзе и перетоплена. Другая часть литовцев добежала до моста близ села Зеевальде, но мост обрушился под тяжестью беглецов, утонувших или передавивших друг друга. Часть бе-

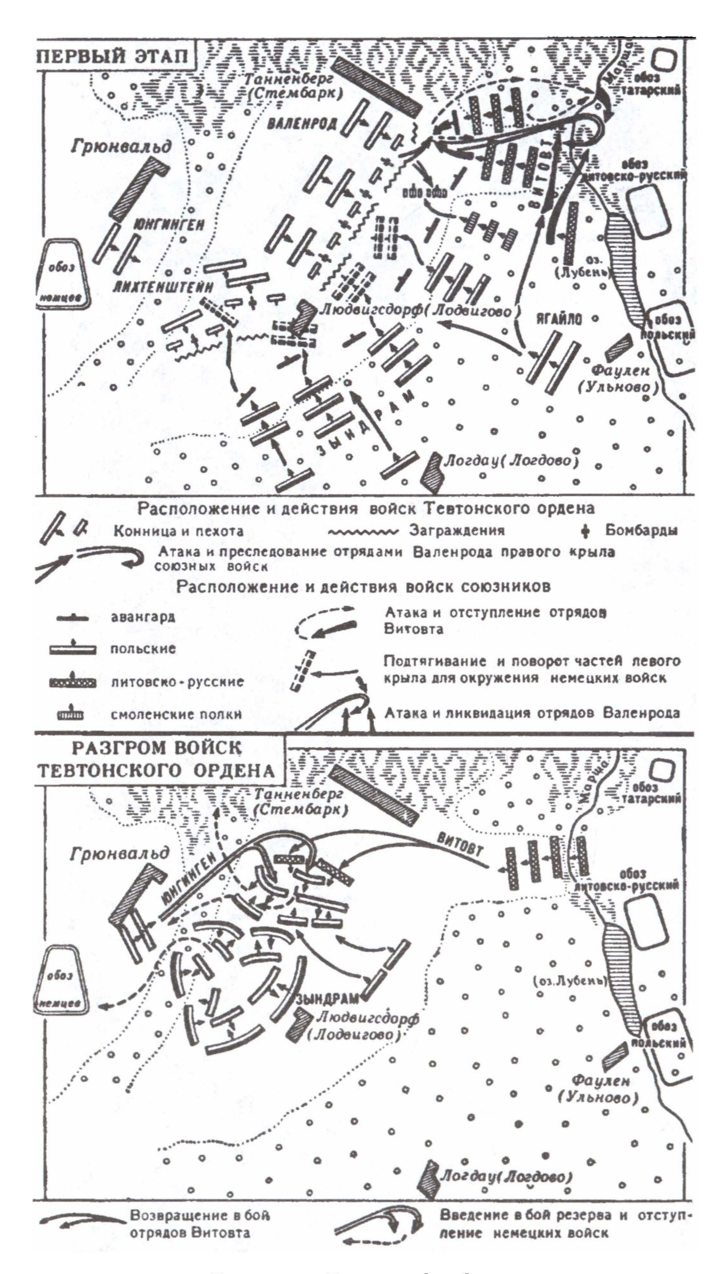
глецов через село Фаулен (по-польски: Ульново) добралась до дороги на Нейденбург и бежала, согласно «Истории» Длугоша, не останавливаясь, до самой Литвы, распространяя по дороге весть о великой победе Тевтонского ордена...

В это паническое бегство были вовлечены также чешские наемники Ягелло, но польскому епископу Галича удалось их перехватить и остановить. Поток бегущих увлек и бившийся рядом польский отряд. Честь литовского войска, однако, спасли три русские (называемые именно так, «русскими», а не «белорусскими», как у некоторых современных белорусских популяризаторов истории! — во всех — орденских, польских и литовских хрониках, ибо «белорусов» как нации в описываемое время попросту еще не существовало!) хоругви, обычно именуемые «смоленскими» (на самом деле — Смоленская, Оршанская и Мстиславльская). Сохранив свой боевой порядок под натиском шести орденских «баннеров», русские витязи пробились к польской части войска и соединились с ним. Правда, за этот успешный прорыв им пришлось дорого заплатить — один из русских полков был поголовно истреблен «тевтонами» Фридриха фон Валленроде.

Литовские историки придерживаются мнения, что бегство войска Витовта было в действительности притворным и являлось военной хитростью (вроде казачьего «вентеря»), с целью заманить преследователей в ловушку и нанести им сокрушительный контрудар. Надо сказать, что эта военная хитрость не раз осуществлялась в период «тевтонских» набегов на Литву и ответных набегов литовцев на орденские владения. Особенно искусными в подобных притворных отступлениях с целью заманить противника в ловушку были татары (например, именно таким способом они разгромили русско-половецкое войско в битве на Калке в 1223 г., венгер-



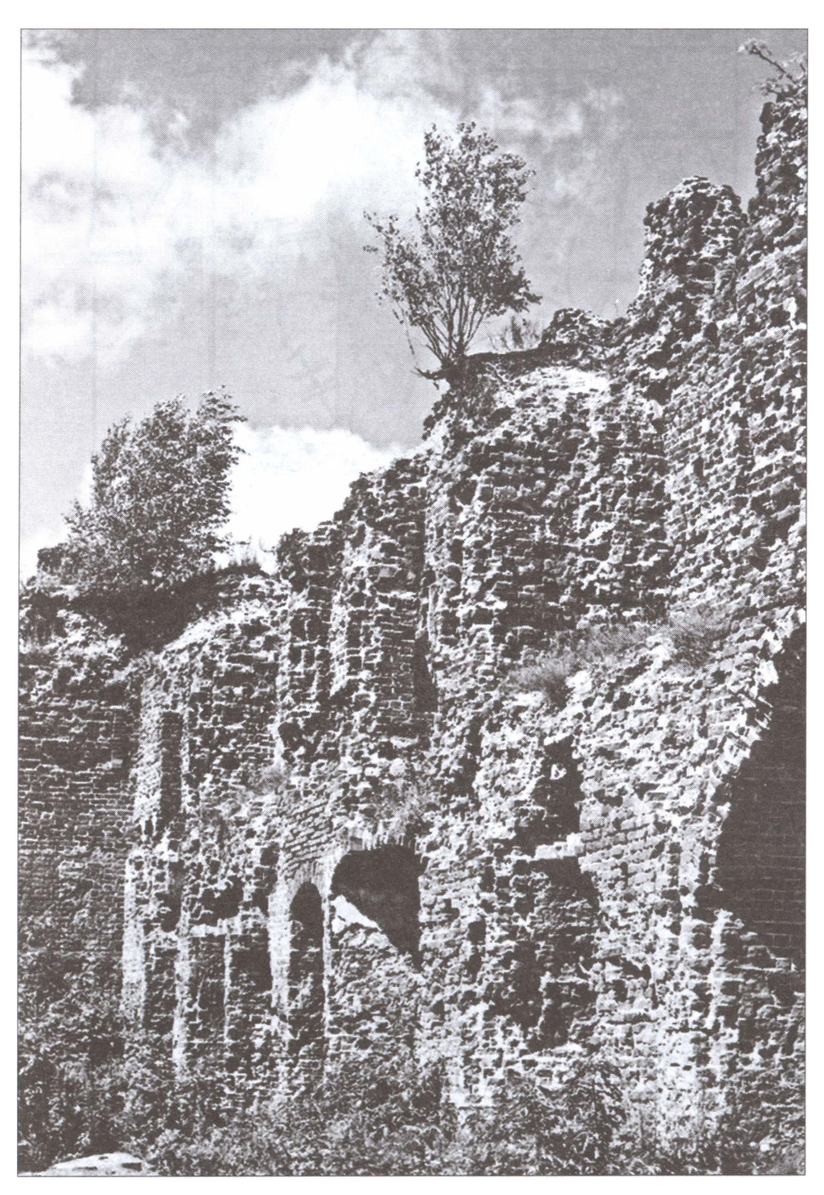
Панорама «Грюнвальдская битва». Художники З. Розвадовський и Т. Попель



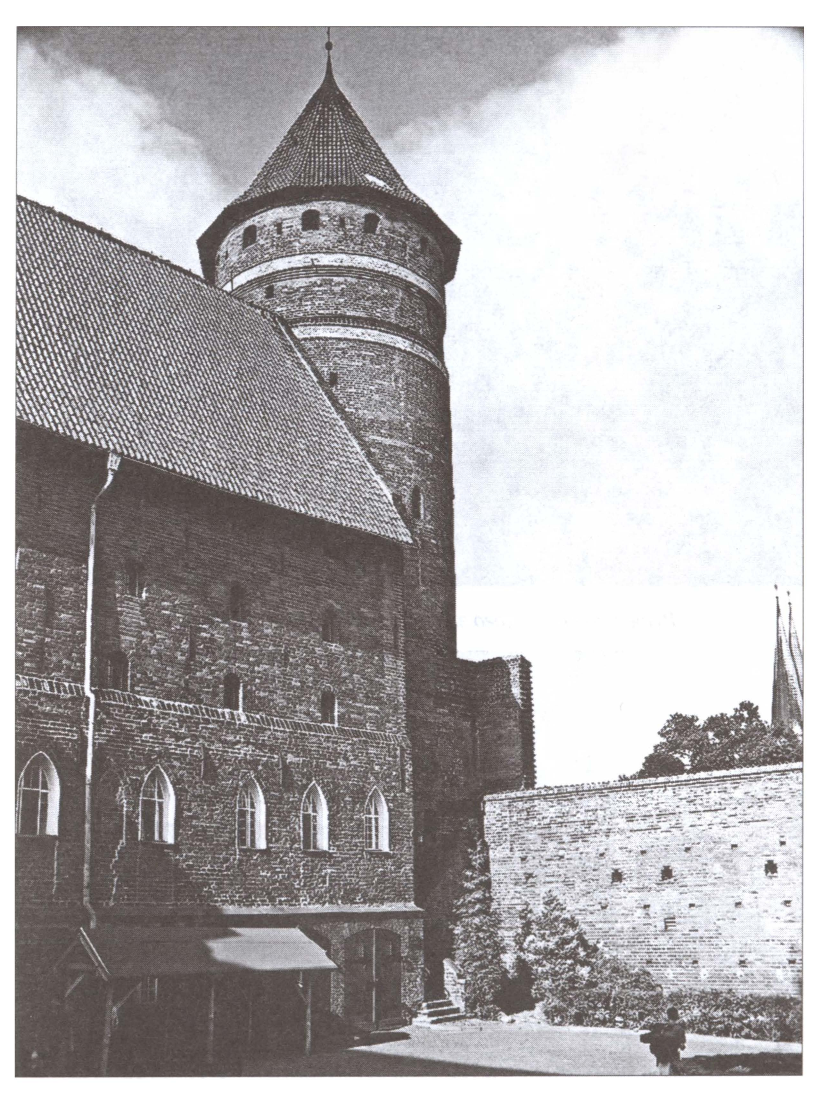
Битва при Грюнвальде. Схема

Главная хоругвь Тевтонского ордена Приснодевы Марии. Прорисовка

Тевтонская крепость Мариенбург. Современный вид



Руины тевтонского замка-крепости Рагнит. Современный вид

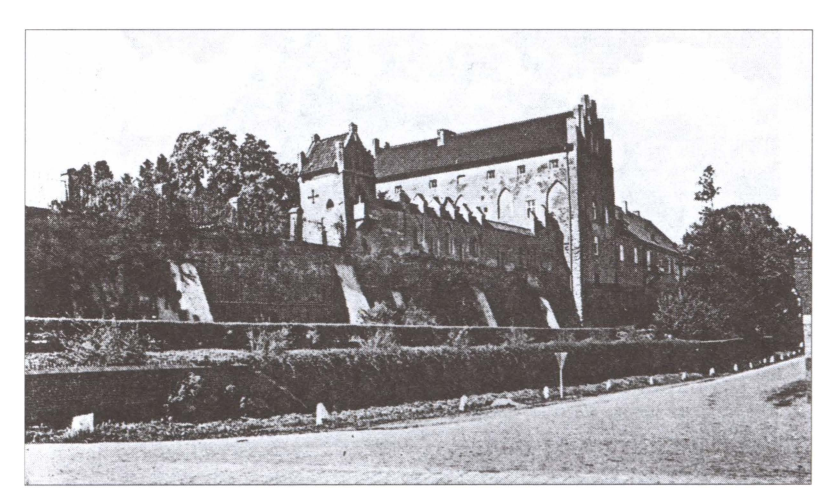


Укрепления тевтонского замка Алленштейн. Современный вид

Руины тевтонского замка Бальга. Современный вид

Голлубский замок. Современный вид

Тевтонский замок Инстербург. Современный вид



Тевтонский замок Георгенбург на старой фотографии

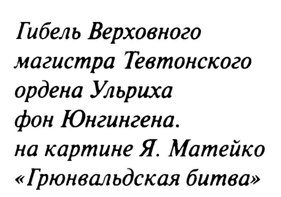
Печать Великого князя Литовского Витовта (Александра)

Погоня Литовская (Витис) в манускрипте XV в.

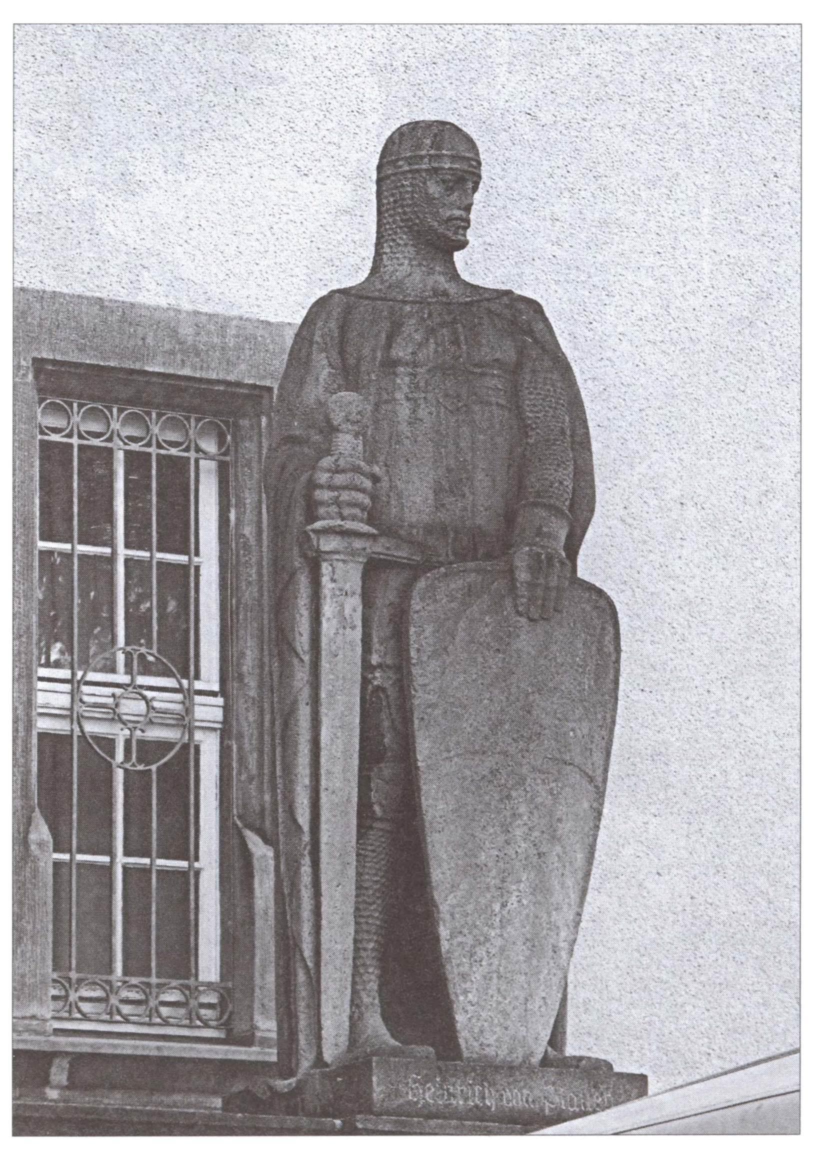
Грюнвальдская битва. Из «Всемирной хроники» М. Бельского. XVI в.

Битва при Грюнвальде. Художник В. Коссак

Великий князь
Литовский Витовт
на картине Я. Матейко
«Грюнвальдская битва»



Гибель Верховного
магистра Тевтонского
ордена Ульриха
фон Юнгингена.
на картине Я. Матейко
«Грюнвальдская битва»



Статуя комтура Швеца Генриха Старшего фон Плауэна в Плауэне

Памятник польскому королю Владиславу Ягелло в Нью-Йорке

Изображение Великого князя Литовского Витовта на монументе «Грюнвальд» в Кракове

Монумент «Грюнвальд», воздвигнутый в Кракове в честь 500-летия битвы

Монумент в честь битвы при Грюнвальде в г. Живец (Польша)

Руины часовни, построенной на месте захоронения погибших во время Грюнвальдской битвы. Современный вид

Мемориал на месте Грюнвальдской битвы

ское войско в битве на реке Сайо, или Шайо, в 1241 г., объединенное польско-немецко-силезско-«тевтонско»-тамплиерско-иоаннитское войско в битве при Легнице в том же 1241 г. и литовско-русско-польско-«тевтонско»-татарское войско князя Витовта на Ворскле в 1399 г.).

За несколько дней до битвы при Танненберге польский староста Быгдоща, Януш из Бжозогловы, в районе Швеца успешно провел аналогичный маневр с ложным отступлением и контрударом из засады, взяв в результате в плен пять «братьев» Тевтонского ордена. Данный факт дает основание предполагать, что эта военная хитрость была известна не только татарам и литовцам, но и полякам. Однако представляется сомнительным, чтобы подобная тактика могла быть реально применена в условиях крупномасштабного полевого сражения со многими тысячами участников (да к тому же принадлежащих к разным народностям), с учетом всех связанных с этим элементов риска.

Неясно, зачем князю Витовту было сперва позволять врагу в течение двух часов буквально перемалывать лучшие литовские отряды и лишь потом прибегнуть к военной хитрости. К тому же, если это действительно была военная хитрость, то почему упомянутые нами выше три русские («смоленские») хоругви не присоединились к (якобы заранее запланированному) общему ложному отступлению литовского войска, а остались на месте, чтобы потом, ценой потери трети своей живой силы в жестоком бою, пробиться на соединение с польским крылом союзного войска? Может, их забыли предупредить? Или сознательно отдали на заклание, «чтобы поглубже заманить тевтонских рыцарей и их союзников в ловушку»? К тому же весьма странным, в свете версии о преднамеренном бегстве ратей Витовта с целью заманить «тевтонов» в западню,

представляется следующее обстоятельство. В бегство обратились как соседи трех русских хоругвей справа — литовцы и татары, так и их соседи слева — молдавские, валашские и бессарабские конники Моновида (да и стоявшая еще левее наемная чешско-моравская конница). А русские (или, по А.Е. Тарасу, «белорусские») дружинники, наоборот, остались на месте, сдерживая напор «тевтонов» и тем самым мешая последним дать литовцам заманить себя в «вентерь» притворным отступлением, что ставило под вопрос не только успех, но и смысл всей задуманной — якобы! — Витовтом хитроумной стратагемы! Во все это верится с трудом, если не сказать — вообще не верится! А факт безостановочного бегства большей части литовского войска (разносившей на бегу весть о полном поражении союзников) до самой Литвы убедительно свидетельствует в пользу того, что бегство литовцев было не «ложным».

Другое дело, что «тевтоны» Валленроде допустили серьезную стратегическую ошибку, увлекшись преследованием бегущих литовцев (причем более легкое вооружение и, соответственно, большая быстрота литовцев и их союзников позволяли им убегать от тяжеловооруженных «крыжаков» гораздо быстрее, чем тем — преследовать «поганых язычников») хотя, как говорилось выше, среди воинов Витовта имелись и вооруженные не менее тяжело, чем отборные конники «проклятых крыжаков», число таких «кованых ратников» литовского князя было относительно невелико, и большинство их уже сложило головы в сече. Почему «тевтоны» — вопреки требованиям устава ордена! — позволили себе настолько увлечься преследованием литовцев, что фактически удалились с поля боя? Может быть, все дело в колоссальном психическом давлении, испытываемом «орденскими братьями» перед битвой

и в ее начальной фазе, и в наступившей при виде бегущих литовцев «разрядке», заставившей «крыжаков» забыть все и вся, включая знаменитую орденскую дисциплину? А может быть, дело в гибели Верховного маршала фон Валленроде в ходе преследования литовцев (или еще в ходе предшествовавшего рукопашного боя — точный момент его гибели остался неизвестным)? Потеряв в кровавой сече предводителя, «тевтоны» левого крыла орденской армии расстроили свой боевой порядок и прекратили преследования только тогда, когда перед ними не осталось больше ни одного бегущего литовца...

Тем временем гохмейстеру Ульриху фон Юнгингену (в центре) и Великому комтуру Куно фон Лихтенштейну (на правом крыле) пришлось иметь дело со значительно превосходящей их силой в численном отношении польской частью союзного войска.

Поляки спели свою старинную боевую песню «Богородица»[1]:

---

[1] Автор текста и музыки «Богородицы» неизвестен. Существует легенда об авторстве святого Адальберта (Войтеха или Войцеха), принявшего мученическую смерть от прусских язычников за проповедь среди них христианского вероучения. В настоящее время эта легенда не принимается всерьез большинством историков, поскольку известно, что Войцех принадлежал к сторонникам использования в церкви только латинского языка. Однако столь авторитетный ученый, как Юзеф Биркенмейер, еще в своей монографии 1937 г. перечислил миссионеров-собратьев Войцеха по ордену (прибывших вместе с ним в Мазовию, являвшуюся в то время, как мы помним, отдельным от Польского королевства государством монахов-бенедиктинцев), а также их (неизвестные сегодня, но появившиеся еще в X в.) духовные песнопения в качестве возможного образца для «Богородицы». В гипотетический период появления «Богородицы» важным религиозным и литературным центром в северной Мазовии был Плоцк, столица епархии, в котором располагался также ведший активную проповедническую деятельность монастырь духовного ордена бенедиктинцев. Сохранившиеся описания литургий, служившихся в Плоцком соборе, свидетельствуют о раннем исполнении там и других духовных песнопений на польском языке. Однако однозначного свидетельства, что именно там появилась «Богородица», на сегодняшний день не существует.

Божья Матерь, Дева Матерь,

О, Пречистая Мария,

Ты Христа нам Иисуса

Многие ученые указывают на схожесть образов гимна с проповедями Кирилла Туровского. Самая старая известная нам запись текста «Богородицы», включающая две строфы и снабжённая нотными знаками, датируется 1407 г. Текст гимна был записан на задней вклейке собрания латинских проповедей, скопированных Мацеем (Матфеем) из Грохова. В настоящее время эта вклейка хранится в Ягеллонской библиотеке г. Кракова (Польша). Начиная с середины XV в. к первоначальному тексту добавлялись все новые строфы. Второй сохранившейся до наших дней записью «Богородицы» является кодекс Decisiones rote Wilhelmi Horborg, в который это произведение было вписано в 1408 г. на обратной стороне 87-го листа. Этот манускрипт также хранится в Ягеллонской библиотеке.

В соответствии с тематикой, Александр Брюкнер считает строки 12-34 рождественской песней (польск.: pieśń wielkanocna), а строки 35-48 — песней страстей Христовых (полбск.: pieśń pasyjna). Это деление принято и более поздними исследователями. В XVI в. к тексту добавлялись молельные строфы по случаю. Тем самым создавался все более длинный, но не слишком связный текст.

«Богородица» считается первой записанной песней на польском языке. У неё нет настоящего названия: обычно используемое название «Богородица» — просто первое слово текста (в самой старой записи это даже два раздельно написанных слова: «Bogu rodzica»). По сути, произведение представляет собой скорее молитву, чем песнь.

Со временем «Богородица» стала боевой песней польского рыцарства. По утверждению Яна Длугоша, именно «Богородицу» польские рыцари пели перед Танненбергской (Грюнвальдской) битвой с «тевтонами», а впоследствии — перед битвой с турками-османами при Варне. Ее исполняли также во время коронации короля Владислава III, причем весь обряд коронации происходил не латыни, и только «Богородица» исполнялась на польском языке.

В течение всего XV в. «Богородица» была королевским гимном династии Ягеллонов — потомков короля Владислава II Ягелло. Символикой «Богородицы» пользовались и польские композиторы XX в. Анджей Пануфнико по мотивам этой мелодии написал в 1963 г. финал своей «Священной симфонии» (Sinfonia sacra), посвященной тысячелетию крещения Польши. В 1975 г. другой польский композитор, Войцех Киляр, переложил «Богородицу» для хора и оркестра. Темой медленной части Кшиштофа Мейера, написанной под впечатлением введения военного положения в Польше при маршале Ярузельском под давлением СССР (1982), также является «Богородица».

Ниспошли, низведи!
Кирие элейсон[1]!
Христе, Сыне Божий, на Тя уповаем,
Услыши глас наш, к Тебе взываем,
Житие во смирении
И по смерти спасение,
Кирие элейсон!
Адам, ты у Бога в совете.
Взывают к тебе твои дети,
Исполнили мы обеты,
В чертог нас райский прими!
Там радость,
Там сладость,
Там Бога мы узрим, Всевышнего узрим,
Кирие элейсон!

Поистине трагическая ирония сульбы заключалась в том, что поляки готовились идти в бой на ратоборцев Тевтонского ордена с пением гимна той самой Пресвятой Богородице и Приснодеве Марии, которую Тевтонский орден считал своей Небесной Заступницей и Покровительницей…

«Пыхая духом ратным», польские витязи двинулись в бой. Первая боевая линия («чельный гуф») польского войска состояла из королевских войск, а также краковских и малопольских отрядов. Ульрих фон Юнгинген противопоставил польскому натиску правое крыло орденского войска под командованием Великого комтура. Отражавшие польское наступление орденские рыцари из Эльбинга и Диршау, а также наемные конные лучники под командованием Кристофа фон Герсдорфа спеши-

[1] Кирие элейсон! — Господи, помилуй! *(греч.)*

лись и лихо дрались с конными поляками в пешем строю (как англичане бились с французскими рыцарями в сражениях при Креси, Пуатье и Азенкуре). Пока войска Лихтенштейна сдерживали польский натиск, сам гохмейстер, во главе Мариенбургского конвента, возглавил контратаку центра орденского войска, выстроенного «клином».

Нас было мало, слишком мало.
От толп врагов темнела даль.
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь!

— как писал казачий поэт Николай Туроверов (правда, в иное время и по иному поводу).

4000 закованных в сталь «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» на тяжелых боевых конях обрушились на «чельный гуф» поляков вниз по склону холма. Земля задрожала под копытами. Острия копий, обнаженные мечи, шлемы и латы сверкали на солнце. Столкновение «тевтонов» с поляками было ужасным. Опять полетели осколки бесчисленных сломанных копий, опять залязгали мечи о латы, закричали от боли раненые и умирающие. Все это слилось в невообразимую какофонию (или наоборот — оглушительную музыку боя), слышную далеко окрест. Гохмейстер прорвал первую боевую линию польского войска, развернулся в тылу у поляков и атаковал их повторно, на этот раз — с тыла. Он снова прорвал польский строй, оставив за собой кровавый след, однако поляки второй линии («вального гуфа») своевременно заполнили бреши, пробитые магистром в первой польской линии. Магистр снова развернулся и — вот уже в третий раз! — прорвал неприятельские боевые порядки. Этот третий по счету (за три часа

жаркой сечи!) прорыв, казалось, должен был окончательно закрепить успех предводителя войска Тевтонского ордена. В этот момент пало главное знамя польского войска — «Большая Краковская хоругвь» с белым орлом в золотой короне на красном поле (которую Длугош неточно именует «большим знаменем польского короля Владислава»; в действительности это главное войсковое знамя всей польской армии отличалось от знамени короля Владислава Ягелло, находившегося при особе короля, пребывавшего вне боя, в глубоком тылу своей сражающейся армии, несколько большими размерами и наличием трех косиц вместо двух, которыми оканчивалось королевское знамя). Вероятно, комтуру шлохаускому, Арнольду фон Бадену, удалось захватить эту хоругвь, сразив возившего ее в бою польского рыцаря Марцина (Мартина) из Вроцимовиц и разметав охрану знамени — цвет Краковской «хоругви» польского войска. Вот имена восьми храбрых краковских рыцарей, охранявших главное знамя польского войска:

1) Флориан из Корытниц герба («гербового братства») Елита;

2) Завиша Чарный из Гарбова герба Сулима («Сулимчик»);

3) Ясько из Тарговиска герба Лис;

4) Станислав из Чарбиновиц герба Сулима;

5) Скарбек из Горы герба Габданк (Абданк);

6) Злодзей из Биспупиц герба Несоба;

7) Ян Варщовский герба Наленч;

8) Домрат из Кобылян герба Гжимала.

В своем романе «Крестоносцы» Генрик Сенкевич, в силу известных только ему причин, пишет, что Большая Краков-

ская хоругвь пала из-за того, что какой-то «тевтон», вышибленный из седла, ухитрился подползти под коня польского хоругвеносца и распороть коню брюхо ножом. Этот эпизод с коварным и подлым, исподтишка, ударом ножом в брюхо лошади знаменосца (перекочевавший из романа Сенкевича даже в исторические исследования и учебники) является целиком и полностью вымыслом польского романиста, ибо ни Ян Длугош, ни другие хронисты о нем не упоминают. Наоборот, в «Истории» Длугоша написано черным по белому: «Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом, которое нес Марцин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы, под вражеским натиском рушится на землю». Видимо, польский романист — лютый ненавистник «проклятых крыжаков» — просто не мог себе представить, чтобы польский «пан хорунжий — хлоп шноровый» мог дать выбить себя из седла какому-то подлому «тевтону» (не случайно во всех без исключения рыцарских поединках, описанных нобелевским лауреатом в романе «Крестоносцы», благородные поляки побеждают «мариан»). А вот подло, исподтишка, по-бандитски, ножом в брюхо коню — совсем другое дело...

То, что «тевтонским» бойцам удалось — пусть и ненадолго — завладеть столь хорошо охраняемым главным знаменем польского войска, является лишним свидетельством крайне ожесточенного характера сражения. После падения главного польского знамени в рядах орденского войска раздались ликующие крики. «Тевтоны» грянули победную песнь своего ордена:

Христос Воскресе
После всех мучений.

Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.
Кирие элейсон!

Если бы он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Кирие элейсон!

Аллилуия[1],
Аллилуия,
Аллилуия!

Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Кирие элейсон!

Польские ряды пришли в замешательство. Ведь Большая Краковская хоругвь по внешнему виду была почти неотличима от знамени короля Владислава Ягелло. Поэтому падение Большой Краковской хоругви было воспринято многими поляками (и «тевтонами») как падение королевского знамени (а это могло означать и гибель короля Владислава от рук «проклятых крыжаков»). По полю боя стали разноситься слухи, что король Польши убит.

Однако предводитель польского войска Зындрам из Машковиц мгновенно среагировал на случившееся. Для стабилизации заколебавшихся рядов польского «чельного гуфа» он

---

[1] Аллилуия! — Хвалите Бога! *(др.-евр.)*

осмотрительно использовал резервы из второй линии королевского войска. Великий князь Витовт умолил короля Владислава Ягелло, по-прежнему пребывавшего в глубоком тылу, показаться наконец своему изнемогавшему под натиском «крыжаков» войску. Поддавшись на уговоры князя Витовта, король Владислав, окруженный сильным отрядом телохранителей под командованием князя Александра Плоцкого, расположился на вершине холма — все еще в тылу польской армии, но на виду у своих воинов. Удостоившись наконец чести лицезреть своего короля, польские витязи снова воспрянули духом, и битва разгорелась с новой силой. «Братья» ордена Девы Марии, едва успев захватить главное знамя польского войска, вынуждены были бросить его, чтобы отразить возобновившиеся польские атаки.

Вслед за тем по приказу короля Владислава Ягелло в бой на обоих флангах польского войска были введены резервы, взятые из третьей линии («отвального гуфа»). Напряжение битвы все нарастало. На центр орденского войска обрушилась гигантская масса, под натиском которой «тевтонам» было все труднее удерживать фронт. Вокруг правого крыла «тевтонов», как рои быстро жалящих «ос, жала которых — стальные, и не ломаются в ране», неустанно кружились отряды татарских конных лучников на маленьких, увертливых лошадках. Многочасовой непрерывный бой означал огромную физическую нагрузку. Поскольку орденское войско сильно уступало неприятельскому в численности, Верховный магистр не имел возможности хотя бы на время выводить часть своих войск из боя, заменяя ее свежими, отдохнувшими отрядами. Постепенно союзники все дальше оттесняли орденское войско, вынужденное вложить почти всю свою силу в первый удар, на обоих флангах. Голодные,

усталые и вымотанные ночным маршем, «тевтонские» войска, одержав победу над первым польским «гуфом», наткнулись на свежие и сытые польские резервы, вступившие в бой с утомленными «тевтонами», которым палящее солнце светило прямо в лицо. Превосходящим польским силам удалось оттеснить слабый орденский отряд, дислоцированный севернее деревни Танненберг, и захватить саму деревню. Другое крыло орденского войска, дислоцированное на берегу реки Земниц, также шаг за шагом оттеснялось поляками. Воины обеих армий дрались геройски, однако становилось все яснее, что союзники, обойдя орденское войско — теперь уже с трех сторон! — все туже сжимают вокруг него кольцо окружения.

К вечеру на поле сражения возвратились утратившие боевой порядок, нагруженные трофеями (они успели, между делом, разграбить «вагенбург» литовского войска), войска погибшего при преследовании литовцев маршала Валленроде. Уверенные в полной победе армии ордена над войском Ягелло и Витовта, они слишком поздно прекратили преследовать бегущих литовцев и, лишенные энергичного руководства, были на обратном пути частично перехвачены польскими войсками. Те же бойцы левого крыла «тевтонской» армии, которые благополучно возвратились на поле брани, снова вступили в бой. Однако их усилий оказалось недостаточно для того, чтобы переломить ход сражения.

Военное счастье отвернулось от Тевтонского ордена. Боевой порядок его войска был окончательно расстроен. Тысячи лучших рыцарей и воинов пали в многочасовом сражении. Некоторые «хоругви» продолжали биться без предводителей. Армия пришла в полный беспорядок. В сложившейся ситуации некоторые комтуры стали уговаривать Верховного маги-

стра бежать с поля боя (или по крайней мере возглавить отвод войск). На это Ульрих фон Юнгинген возразил:

«Das soll, so Gott will, nicht geschehen, denn wo so mancher braver Ritter neben mir gefallen ist, will ich nicht aus dem Felde reiten». («Этого, по воле Божией, не произойдет, ибо я не ускачу с поля, на котором рядом со мной пало так много бравых рыцарей»).

Согласно другой версии, гохмейстер сказал: «Не дай Бог мне бежать с этого поля, на котором пало так много храбрых мужей, не дай Бог!»

Решение Верховного магистра лично возглавить последнюю атаку, возможно, было наилучшим в сложившейся ситуации, в которой у поляков, как казалось магистру, больше не оставалось резервов. Решение начать отступать через лесистую местность, будучи преследуемым численно превосходящим неприятелем, на усталых конях, могло привести к полному хаосу и окончательной катастрофе. Противники ордена Девы Марии были также предельно истощены многочасовым сражением. Поэтому гохмейстер «мариан» вполне мог рассматривать последнюю, отчаянную атаку, в качестве оптимального варианта добиться успеха в последние минуты битвы.

Правда, существует и еще одно объяснение. Гохмейстер «тевтонов», которому грозила слепота, предпочел погибнуть в бою, подобно большому другу и покровителю «мариан» — бывшему королю Чехии и императору Священной Римской империи Иоанну (Яну) Люксембургскому (отцу упоминавшихся выше королей Вацлава Чешского и Сигизмунда Венгерского), который, ослепнув, погиб в битве при Креси (1346), сражаясь в ней простым рыцарем в рядах французов против

англичан. Однако это предположение представляется нам чересчур «романтическим».

Магистр призвал к себе последний резерв войска Тевтонского ордена — 2000 рыцарей и конных воинов Кульмской земли, ожидавших в районе деревни Грюнфельде, когда придет наконец их черед вступить в бой. Вокруг этого «ядра» были собраны все отряды, еще сохранившие боеспособность. Гохмейстер, лично возглавив этот «последний батальон», обогнул поле боя, заполненное яростно рубящимися бойцами обеих армий, и провел свою штурмовую колонну слева мимо деревни Танненберг. Вероятно, он намеревался, совершив этот обходный маневр, добраться до Ставки польского короля и решающим ударом своих конных латников добиться победы. Видимо, так оно и было — иначе явно перепуганный Ягелло не приказал бы своему знаменосцу-хорунжему спешно спустить королевское знамя. Кроме того, можно предположить, что Ульрих фон Юнгинген надеялся собрать в этой части поля боя остатки возвращавшихся войск маршала Валленроде и усилить ими свой ударный отряд. Удар бронированной колонны гохмейстера «тевтонов» ошеломил польские отряды. Поначалу польские витязи подумали, что литовские беглецы вернулись на поле брани и снова вступили в бой. Именно этим, вероятно, объясняются крики поляков (введенных в заблуждение еще и тем, что многие «тевтоны» были вооружены не тяжелыми рыцарскими копьями и традиционными западноевропейскими щитами, а легкими литовскими сулицами и упоминавшимися выше литовскими павезами, то есть заимствованными у пруссов и литовцев облегченными щитами характерной формы с выступающим продольным ребром): «Литва возвращается!» На самом деле «Литва» отнюдь не «возвращалась», а продолжала улепетывать к род-

ным пенатам. Однако в самый разгар этой последней атаки знаменосец-«баннерфюрер» светских рыцарей — вассалов ордена — из Кульмской земли, Никкель фон Реннис (как мы помним, являвшийся «по совместительству» главой «Союза Ящериц»), совершил акт подлой измены, опустив знамя своей «хоругви» и подав тем самым сигнал к отступлению. Сам он, вместе с частью кульмских рыцарей, оруженосцев и воинов, не вступив в бой с врагом, трусливо (а вероятнее всего — даже не трусливо, а изменнически) бежал с поля сражения. Прочие рыцари и воины орденской армии, увидев сигнал к отступлению, смешались и также обратились в бегство.

По каким-то причинам об этом прискорбном для ордена Девы Марии и позорным для его кульмских вассалов эпизоде не пишут ни Ян Длугош, ни Генрик Сенкевич, ни Разин, ни Строков, ни многие другие.

Невзирая на всеобщее смятение, гохмейстер попытался придать последней атаке «тевтонов», обреченной на неудачу, новый импульс, вступив в единоборство с польским рыцарем Добеславом (Добко) Олесницким (от копья которого и пал — правда, по одной из наименее распространенных версий). Согласно Длугошу, Добко побоялся напасть на Верховного магистра, увидев на груди у того поверх лат золотой ковчежец со святыми мощами (или с частицей Животворящего Креста Господня), и отступил, после того как гохмейстер ранил копьем его коня (эту версию в несколько измененном варианте повторяет и Генрик Сенкевич в «Крестоносцах»). Какое-то время казалось, что последний удар рыцарей Девы Марии увенчается успехом. Увидев в ходе боя польского короля, тевтонский рыцарь Дибольд фон Кёкериц (у Длугоша и Сенкевича — Дипольд Кикериц фон Дибер) бросился на Владислава Ягелло с копьем наперевес. Однако этот храбрый рыцарь (являвшийся

по происхождению то ли мейссенским немцем, то ли лужицким сорбом, т.е. славянином — Длугош приводит обе версии) был сбит с коня королевским писцом Збигневом Олесницким (напавшим на него сбоку) и добит королевскими телохранителями (в романе Сенкевича «Крестоносцы» Дибольд фон Кикериц был сражен ударом копья в лоб, нанесенным ему собственноручно королем Владиславом Ягелло).

Почти одновременно с этим происшествием на поле боя и впрямь снова появились литовские войска. Великому князю Витовту и его воеводам с неимоверными усилиями удалось-таки собрать какую-то часть разбежавшихся литовцев и повторно бросить их в бой. Они обрушились на «тевтонов» из болот и лесных чащоб. Маленький отряд, сомкнувший щиты вокруг гохмейстера, был окружен и в конце концов истреблен до последнего человека. Разгоревшийся вокруг гохмейстера «тевтонов» последний бой, бой не на жизнь, а на смерть, был поистине страшен. Копья были сломаны, в ход пошли мечи, топоры, клевцы-чеканы, перначи-шестоперы, кинжалы и ножи. Ульрих фон Юнгинген, бросившийся в самую гущу боя и, был поражен двумя метательными снарядами (по Длугошу — в грудь и в лоб), по Сенкевичу — сулицей в рот, по Разину (в издании 1940 г.) — рогатиной в шею[1] — в любом случае, с него был предварительно сбит шлем (как это изображено и на картине Яна Матейко «Битва при Грюнвальде»), сброшен с коня и убит, как и все его соратники, заплатившие жизнью за верность своему господину и предводителю.

На предполагаемом месте гибели Ульриха фон Юнгингена, с большим опозданием (в 1901 г.), прусским правительством

---

[1] Во втором томе «Истории военного искусства» Е.И. Разина послевоенного издания просто сказано, что магистр Ульрих «был убит литовским воином».

был установлен памятник в виде неотесанной каменной глыбы. Высеченная на символическом надгробном камне надпись прославляла отвагу и самопожертвование гохмейстера «тевтонов», павшего смертью героя на поле брани. В 1945 г. польские власти распорядились перевернуть надгробный камень надписью книзу. В этом положении лежит он на Грюнвальдском поле до сих пор, через 600 лет после битвы...

Но Пречистая, конечно, заступилась за него
И впустила в царство вечно паладина своего,

— как писал, правда, в другое время и по другому поводу в своей балладе «Жил на свете рыцарь бедный» А.С. Пушкин.

На батальном полотне Яна Матейко некий — предположительно литовский (?) — воин в красном капюшоне заносит над гохмейстером «тевтонов» топор палача, а другой наносит Верховному магистру ордена Девы Марии смертельный удар Святым копьем (которым, по преданию, римский сотник Лонгин пронзил на Голгофе ребро распятого Иисуса). Копия этого копья была подарена римско-германским императором Оттоном III своему вассалу, упоминавшемуся в начале нашей миниатюры польскому князю, а впоследствии — королю Польши Болеславу Храброму, и с тех пор хранилась в Краковском королевском замке, пока якобы неким чудесным образом не попала в руки одному из польских или литовских воинов в битве при Танненберге — только этим Святым копьем он смог сразить гохмейстера «тевтонов», неуязвимого для всякого иного оружия благодаря ковчежцу со святыми мощами (или частицей Голгофского Креста), который носил поверх доспехов. Так, во всяком случае, гласит легенда…

После гибели Верховного магистра (согласно еще одной версии, гохмейстера убил татарин Багардин — предводитель литовских татар или сын золотоордынского хана Джелал эд-Дина, внук Тохтамыша) организованное сопротивление «тевтонов» и их союзников фактически прекратилось. Венгерский рыцарь Дьёрдь (Георгий) Керцдорф, который в орденском войске нес хоругвь Святого Георгия, предпочтя «лучше честно сдаться в плен, чем постыдно бежать» (Длугош), вместе с 40 уцелевшими в битве соратниками сдался в плен и сдал хоругвь полякам. Мало того! Знамя гохмейстера было брошено знаменосцем на землю еще до того, как к нему пробился противник. Некоторые отряды «тевтонов» бежали с поля боя. Другие части орденского войска с боем отступили через район Грюнфельде до деревни Фрёгенау, укрывшись в тевтонском лагере. Комтур Бальги граф Фридрих фон Цоллерн приказал спешно окружить лагерь укреплением из повозок («вагенбургом» или «табором») и дать союзникам последний бой. Однако численное превосходство последних было подавляющим. Они обошли защитников лагеря. Бой длился до позднего вечера, пока последние бойцы Тевтонского ордена (и в их числе — сам Фридрих фон Цоллерн) не были вынуждены с наступлением темноты искать спасения в бегстве.

20. ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Поляки и литовцы, утомленные и истощенные многочасовым сражением не меньше своих противников, не слишком долго преследовали остатки разгромленного орденского войска. «Тевтонский» лагерь был захвачен, сотни повозок с провиантом, напитками и множеством всякого добра попали в руки победителей. Ягелло, следуя за своими войсками, сошел

с коня в захваченном вражеском стане, преклонил колена и вознес Богу хвалу за победу. Правда, польский король приказал разбить найденные в неприятельском стане винные бочки, вылив их содержимое на землю, однако выполнить его приказ в полной мере не удалось. Победоносные поляки, литовцы и их союзники грабили и шумно праздновали одержанную победу у разведенных ими многочисленных костров, черпая, по Длугошу, вино из бочек чем угодно — шлемами, перчатками и даже сапогами. Убедившись в тщетности попыток помешать «банкету», Ягелло и Витовт приказали доставить из своих лагерей съестные припасы, раздав их своим победоносным войскам. Как говорится, «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец...»

Сам Ягелло, ошеломленный великой победой, в достижении которой он почти не принимал участия, предоставил Витовту и другим полководцам заниматься военными вопросами, всецело посвятив себя благодарственным молитвам. В его походной часовне на поле боя была отслужена торжественная месса. После мессы король повелел отыскать среди груд мертвых тел труп Верховного магистра. Согласно неоднократно упоминавшемуся и цитировавшемуся нами польскому хронисту Яну Длугошу, некий Юрга, слуга рыцаря Мщуя из Скшинна, нашел тело Ульриха фон Юнгингена. Подобно телам других «гебитигеров» и полководцев ордена Девы Марии, оно было принесено к шатру короля Польши и выставлено в качестве трофея на обозрение победителей. Перед лицом вельмож и войска Ягелло возблагодарил Господа за то, что Тот покарал его рукой гордыню и высокомерие Тевтонского ордена. Но, невзирая ни на что, он решил воздать почет павшим героям и доставить тела павших «гроссгебитигеров» в орденскую столицу Мариенбург. Тем не менее мертвые тела до наступления

ночи оставались выставленными на всеобщее обозрение. На праздничный пир по случаю великой победы Ягелло явился в полном вооружении, в окружении польских князей, литовских бояр и предводителей союзников. Перед ним торжественно пронесли захваченные хоругви и прапорцы отрядов Тевтонского ордена, вассалов и союзников «тевтонов».

Документально подтвержден захват союзниками: Большого и Малого знамени (баннера, хоругви) Верховного магистра; баннеров Великого комтура, Верховного маршала, Верховного казначея и Верховного ризничего; баннеров комтурий Бальги, Грауденца, Кульма, Шёнзее, Альтгауза (Старограда Хелминского), Тухеля, Нессау (Нешавы), Эльбинга, Энгельсбурга (у Длугоша ошибочно: Энгельсберга), Страсбурга, Шлохау, Остероде, Рагнита, Бранденбурга, Данцига; знамен фогтств (орденских наместничеств, меньших по размеру, чем комтурства-комтурии) Рогтенгаузен (Рогозьно), Брат(т)иан (Брацян), Леске, Диршау; знамен городов Кульма, Кёнигсберга, Эльбинга, Бр(а)унсберга, Бартенштейна, Алленштейна, Данцига, Гейлигенбейля (Свенты Секирки), Гейльсберга, Торна; хоругви-баннера святого Георгия военных гостей ордена[1]; знамени епископа По-

---

[1] С этой хоругвью святого Георгия связана немалая путаница. В «Истории Польши» Ян Длугош описывает «тевтонскую» хоругвь святого Георгия как белое знамя с красным крестом. Такова традиционная расцветка «знамени святого Георгия» (принятая, между прочим, и в Англии, и в Италии, и в других странах). Знамя аналогичной расцветки имелось и в польском войске («хоругвь святого Ежи», то есть, по-польски, Георгия). Но в другом, не менее известном, историческом труде, составленном под руководством того же Яна Длугоша — цветном иллюстрированном атласе «Прусские хоругви» (*лат.*: Banderia Prutenorum) — «тевтонская» хоругвь святого Георгия представлена как… красное знамя с белым крестом. Некоторые историки пытались объяснить данное обстоятельство как раз наличием в хоругви святого Георгия традиционной расцветки в польском войске. Мол, «проклятые крыжаки», чтобы не перепутать в битве свою хоругвь с неприятельской, выбрали для своего знамени белый крест на красном поле. Между тем, вероятнее всего,

мезании (Западной Померании); баннеров князей Щецинского и Олесницкого. Большинство из этих, по выражению Длугоша, прусских хоругвей (лат.: Banderia Prutenorum) было не захвачено в бою и не вручено побежденными победителям, а найдено на поле битвы рядом с телами знаменосцев, подобрано и торжественно пронесено перед польским королем и его вельможами.

Главным орденским знаменем, украшенным образом Пречистой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом на руках и гербом «тевтонского» братства, победителям, как уже говорилось выше, завладеть не удалось...

Король Владислав II Ягелло повелел отправить баннер епископа Помезании, украшенный изображением евангелиста Иоанна (в образе орла), как символ одержанной победы, в Краковский королевский замок. Прочие хоругви он приказал водрузить вокруг своей походной часовни, а впоследствии — также доставить их в свою столицу Краков на вечное хранение в часовне Святого Станислава, небесного патрона Польши.

Великий князь Литовский Александр-Витовт был против, ибо хотел получить часть трофейных знамен в знак признания своего решающего вклада в общую победу над орденом. Окончательное решение судьбы трофейных орденских хоругвей и места их хранения в будущем было отложено на неопределенный срок. Согласно предварительной договоренности, их решили выставить на всеобщее обозрение во всех крупных городах польско-литовской унии.

приведенная Длугошем в атласе захваченная поляками на поле боя под Танненбергом красная хоругвь с белым крестом была знаменем швейцарского контингента армии гохмейстера Ульриха фон Юнгингена (о наличии швейцарских воинов в войске Верховного магистра — как, впрочем, и в войске его противников! — имеются достоверные сведения).

Весной и летом 1411 г. Ягелло и Витовт совместно объехали свою союзную державу, повсюду демонстрируя трофейные баннеры. 25 ноября 1411 г. прусские баннеры (или, по-латыни, бандеры, banderia) украсили собой стены часовни Святого Станислава — храма королевского замка Вавель в Кракове. Там они провисели по крайней мере до 1603 г., что засвидетельствовано многочисленными очевидцами. Вероятнее всего, трофейные знамена были похищены в 1655 г. солдатами шведского короля, взявшими и разграбившими Краков в ходе одной из польско-шведских войн (описанной в романе Генрика Сенкевича «Потоп»).

Впоследствии поляки, однако, изготовили копии пропавших орденских хоругвей и хранили их в Кракове. В 1939 г., после разгрома Польши гитлеровской Германией и сталинским СССР, нацистские власти распорядились торжественно перенести 16 уцелевших копий «прусских бандер» из Кракова в Мариенбург. В честь этого события было даже произведено спецгашение почтовых конвертов. Штемпель представлял собой изображение тевтонского рыцаря в сфероконическом шлеме с бармицей на фоне щита с орденским крестом и надписи «Возврат хоругвей Тевтонского рыцарского ордена» (хотя в Средние века орден Девы Марии «рыцарским» официально не назывался; это прилагательное было добавлено к названию ордена только в эпоху Габсбургов). В 1945 г. копии орденских знамен исчезли теперь уже из Мариенбургского замка. Пришлось полякам изготовить очередные копии, с тех пор хранящиеся в краковском Вавеле.

Еще при жизни Яна Длугоша польский хронист заказал художнику Станиславу Дуринку каталог захваченных поляками под Танненбергом (и в некоторых последующих битвах с войсками ордена Девы Марии) знамен, изображенных

Дуринком в цвете. Этот каталог, под названием «Прусские хоругви» (Banderia Prutenorum), сохранился до наших дней. Следует заметить, что цветные изображения некоторых прусских баннеров, содержащиеся в нем, не соответствуют их словесному описанию Длугошем в «Истории Польши». В число торжественно демонстрируемых победителями трофеев входили также длинные бороды павших «братьев» Тевтонского ордена (которые они были обязаны носить по уставу), срезанные с подбородков убитых вместе с кожей и нижней губой.

Мимо польского короля было проведено несколько тысяч пленных (по Длугошу, в плен было взято 40 000 воинов, «гостей», союзников и наемников ордена, что, конечно, является непомерным преувеличением).

Согласно Длугошу, король Польши предварительно велел разделить пленников на отряды по признаку происхождения: отдельно — членов Тевтонского ордена (рыцарей-монахов и воинов-монахов), отдельно — светских кульмских рыцарей, отдельно — светских прусских рыцарей, отдельно — ополченцев прусских городов, отдельно — крестоносцев из германских земель (австрийцев, баварцев, вестфальцев, мейссенцев, рейнландцев, швабов, тюрингенцев, саксонцев, фризов, франконцев, швейцарцев), отдельно — славянских союзников ордена Девы Марии — чехов и силезцев (их было больше всего), сорбов-лужичан (сражавшихся и на той, и на другой стороне), щецинцев, поморян (померанцев), кашубов и т.д.

Большинство пленников — разумеется, простых, незнатных рыцарей и воинов, за которых нельзя было получить большого выкупа, отпустили на свободу, после принесения ими торжественной клятвы добровольно вернуться в плен в день Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (11 ноя-

бря), если война с Тевтонским орденом к тому времени еще не закончится.

Сие благодеяние Ягелло было продиктовано не только его безмерным христианским милосердием и благочестием неофита, но и трезвым политическим расчетом. Ведь отпущенные на свободу пленники непременно разнесли бы повсюду весть о поражении ордена Девы Марии. Польские князья Казимир Шецинский и Конрад Олесницкий (захваченный в плен, если верить Сенкевичу, самим Яном Жижкой из Троцнова — хотя Длугош ничего не сообщает об этом подвиге будущего предводителя гуситов-таборитов!), силезский князь Януш Зембицкий, предводитель рыцарей — «военных гостей» ордена — венгр Дьёрдь (Георг) Керцдорф, предводители наемников Кристоф (Христофор) фон Герсдорф, Николаус (Никкель) фон Коттвиц и чех Вацлав Дунин (Венцель фон Дона), другие знатные рыцари и немногочисленные пленные орденские братья отпущены на свободу не были. Они остались в плену в ожидании внесения за них немалого выкупа.

Только за освобождение своих польских союзников — князей Казимира Щецинского и Конрада Олесницкого — Тевтонскому ордену пришлось заплатить победителям выкуп в размере 3 000 000 имперских марок золотом, в ценах 30-х гг. XX в. (в сегодняшних ценах сумма выкупа выглядела бы еще более впечатляющей). Три взятых в плен «брата-рыцаря» ордена Девы Марии были казнены победителями. Один из казненных — комтур Бранденбурга Маркрард фон Зальцбах (эксперт ордена по литовским вопросам) и бывший близкий друг Великого князя Литовского Витовта — в период военно-политического союза последнего с орденом Девы Марии) принял участие в последней атаке Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена, был ранен в схватке и найден без сознания

на поле боя польским рыцарем Иоанном (Яном) Длугошем (отцом и тезкой неоднократно упоминавшегося и цитировавшегося нами польского хрониста). Приведенный к Витовту, Маркврад заявил тому, что Великий князь заплатил Тевтонскому ордену за оказанные благодеяния черной неблагодарностью и изменой. За эти дерзкие слова он заплатил головой. По приказу Витовта татары увели безоружного пленного комтура в поле спелой ржи и обезглавили без долгих разговоров. Согласно Яну Длугошу (младшему), Маркврад заслужил свою тяжкую участь своими невыносимыми высокомерием и дерзостью.

Нобелевский лауреат Генрик Сенкевич намекает в «Крестоносцах», что Маркврад поплатился за то, что был якобы причастен к отравлению (или удушению) «щенков» (детей) Витовта (не уточняя, где и когда было совершено столь тяжкое преступление), хотя на тех же самых страницах своего средневекового триллера обвиняет в этом злодеянии другого комтура ордена Девы Марии — Шомберга (у Длугоша — Шумберга), также казненного по приказу Витовта после битвы при Танненберге (он якобы на пару с Марквардом фон Зальцбахом когда-то позволил себе не слишком одобрительно отозваться о нравственности матушки Витовта, что злопамятный Великий князь Литовский якобы теперь ему и припомнил)…

Но, скорее всего, Витовт поспешил избавиться от неудобного свидетеля, по долгу службы помнившего в деталях, как Витовт, интригуя, в пору своей сердечной дружбы с «проклятыми крыжаками», против братца Ягайлы, входил в сношения с орденом и многократно переходил на его сторону, снабжая «тевтонов» ценной информацией, именно через Маркварда, и потому стремился как можно быстрее избавиться от него, как от нежелательного свидетеля своих прежних интриг про-

тив Ягайлы. Как говорится, концы в воду. Нет человека — нет проблемы...

Впрочем, как уже упоминалось выше, благочестивый и сердобольный король Владислав II Ягелло, говорят, сильно сокрушался об этом бессудном убийстве. Видимо, он был бы очень не прочь сохранить Маркварду жизнь (хотя бы на время), чтобы порасспросить его кое о чем... Но Витовт в очередной раз перехитрил своего дорогого кузена...

Число «братьев» Тевтонского ордена, включая «гроссгебитигеров», павших в битве при Танненберге, составляет максимум 220 человек (при этом историки до сих пор спорят, следует ли понимать под «братьями ордена» только «братьев-рыцарей», или также «братьев-сариантов», или сержантов, также являвшихся полноправными членами ордена, хотя и не рыцарского звания). Кроме того, в сражении пали около 400 светских рыцарей (вассалов ордена, его «военных гостей» и наемников), а также до 8000 воинов не рыцарского звания (Длугош, со свойственной не только ему, но и всем средневековым хронистам склонностью к преувеличениям, оценивает безвозвратные потери ордена в 50 000 человек).

Потери союзного польско-литовского войска убитыми были также немалыми, составив в общей сложности 12 воевод рыцарского звания (у Длугоша: знатных рыцарей) и 5000 рыцарей и воинов. Павшие рыцари обеих армий были удостоены христианского погребения. Католические священники союзной армии отпели и похоронили их вместе, так, как они лежали на поле брани, в общей братской могиле. Павших православных (например, русских князей и их дружинников), надо думать, отпели по православному обряду имевшиеся в их отрядах православные батюшки (но правоверный католик Длугош ничего об этом не сообщает). Для татар, вероятно,

нашлись муллы. Как обошлись с армянами и караимами, неизвестно. Безымянные незнатные воины всех племен и народов, павшие при Танненберге, были захоронены много позднее, уже после ухода союзного войска, местными жителями, опасавшимися возникновения эпидемии, как говорится, без креста и молитвы. Перед захоронением мертвецы были, как водится, ограблены до нитки мародерами, причем наверняка тех, кто еще был «скорее жив, чем мертв», или «скорее мертв, чем жив», добили, чтоб не мучились...

Так завершилась одна из величайших и кровопролитнейших битв жестокого Средневековья. Сокрушительное военное поражение Тевтонского ордена объяснялось целым рядом причин. Верховному магистру не удалось собрать все военные силы вверенного ему Богом и Пресвятой Девой Марией ордена в единый сокрушительный кулак. 5000 «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и кнехтов, выделенных, все-таки, в конце концов, ливонским филиалом ордена в помощь «старшему брату», находились все еще в пути и не поспели к месту битвы. От двух до трех тысяч «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов были разбросаны по приграничным областям Пруссии в ожидании вторжений литовцев с востока. 7000 навербованных в Германии и в других странах наемников также опоздали к началу битвы. 2000 «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов под командованием комтура Генриха фон Плауэна (будущего Верховного магистра и спасителя Мариенбурга), по приказу Ульриха фон Юнгингена, пребывали в бездействии в районе Швеца, хотя их тамошней позиции в действительности ничто не угрожало. Если бы гохмейстеру фон Юнгингену удалось вывести на поле брани под Танненбергом все наличные военные силы Тевтонского ордена, он вполне мог бы одержать победу над

Ягелло и Витовтом. Однако решение Верховного магистра принять бой, несмотря на недостаточность своих сил и превосходство противника, можно понять, с учетом бесчеловечного и провокационного способа ведения войны поляками и литовцами. Разумеется, решение Ульриха фон Юнгингена вступить в сражение, несмотря на крайнюю усталость своих войск после тяжелого ночного перехода, противоречит не только всем азам военного искусства, но и всем правилам элементарной логики. Понять его можно, лишь приняв во внимание трагедию Гильгенбурга. В Священном Писании сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя».

Впрочем, несмотря на все эти слабые места, у гохмейстера «тевтонов», после того как маршал Валленроде обратил литовцев в бегство, еще имелся реальный шанс на победу, если бы только... Если бы только войска маршала своевременно прекратили преследование литовских беглецов, обратились вспять, и «тевтоны» всеми силами обрушились на польское крыло союзного войска. Но войска Валленроде увлеклись преследованием, и все большая физическая нагрузка, испытываемая орденскими войсками под напором превосходящих их численно на 30 % польско-литовских войск, не могла не привести «тевтонов» к неминуемому поражению.

Тевтонскому ордену и ранее приходилось нести тяжелые поражения, однако до 1410 г. ему всякий раз удавалось оправиться от них, восстановить и даже приумножить свои силы. Но битва при Танненберге воистину ознаменовала собой начало конца господства Тевтонского ордена в Пруссии. Вполне возможно, что «тевтоны» потеряли бы Пруссию уже в 1410 г., если бы не их последний герой — комтур Швеца Генрих фон Плауэн, которому удалось спасти Мариенбург-на-Ногате и,

став новым гохмейстером, заключить с Ягелло и Витовтом гораздо более выгодный для ордена мир, чем можно было бы ожидать...

Список «гебитигеров», комтуров, фогтов (наместников) и гаузкомтуров Тевтонского ордена Девы Марии, павших в битве при Танненберге, казненных в плену и уцелевших как в битве, так и после битвы:

Пали в битве

1) Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген (1407—1410)

2) Великий комтур Куно фон Лихтенштейн (1404—1410)

3) Маршал и комтур Кёнигсберга Фридрих фон Валленроде, он же Вальроде, он же Валленрод (1407—1410)

4) Казначей Томас фон Мергейм (1407—1410)

5) Ризничий и комтур Христбурга граф Альбрехт фон Шварцбург (1404—1410)

6) Комтур Грауденца Вильгельм фон Гельфенштейн (1404—1410)

7) Комтур Шёнзее Николай (Николаус) фон Вильц (1399—1410)

8) Комтур Альтгауза Эбергард фон Иппенбург (1409—1410)

9) Комтур Тухеля Генрих фон Швельборн (1404—1410)

10) Комтур Нессау Готтфрид фон Гатцфельд (1407—1410)

11) Комтур Энгельсбурга Буркхард фон Вобеке (1403—1410)

12) Комтур Страсбурга Балдуин Шталь (1409—1410)

13) Комтур Шлохау Арнольд фон Баден (1404—1410)

14) Комтур Торна граф Иоганнес (Иоанн) фон Зайн (1404—1410)

15) Комтур Мёве Сегемунт фон Рамунген (1497—1410)

16) Комтур Остероде Гамрат фон Пинценау (1407—1410)

17) Фогт Роггенгаузена Фридрих фон Венден (1497—1410)

18) Фогт Брат(т)иана Иоганнес (Иоанн) Редерн (1407—1410)

19) Фогт Леске Конрад фон Кунзек (1407—1410)

20) Фогт Диршау Матиас (Матвей) фон Беберн (1402—1410)

21) Гаузкомтур Кёнигсберга Ганнус фон Гейдек (? —1410)

22) Гаузкомтур Эльбинга Ульрих фон Штоффельн (? —1410)

23) Гаузкомтур Торна Иоганнес (Иоанн) фон Мерсе (? —1410)

Были казнены в плену

1) Комтур Бранденбурга Марквард фон Зальцбах (1402—1410)

2) Фогт Самогитии Генрих Шёнбург, известный также как Шомберг и Шаумбург (1402—1410)

3) Компан (кумпан, компаньон, т.е. буквально «подмастерье», «товарищ», но в данном случае — адъютант, помощник) гохмейстера Юрге(н) Маршалк (1402—1410)

Уцелели в битве и после битвы

1) Великий госпитальер и комтур Эльбинга Вернер фон Теттинген (1404—1410)

2) Комтур Бальги граф Фридрих фон Цоллерн (1410—1412)

3) Комтур Данцига Иоганнес (Иоанн) фон Шёнфельд (1407—1410).

21. МАРИЕНБУРГСКАЯ СТРАДА

Однако битва при Танненберге еще не означала окончания Великой войны Польши и Литвы с орденом Приснодевы Марии.

Сокрушительный разгром армии Тевтонского ордена и его союзников при Танненберге произвел ошеломляющее впечатление на весь христианский мир. Известие о поражении «тевтонов» вызвало в прусском государстве ордена, Германии и всей Европе страх и ужас. Ему долго отказывались верить. Польский король Владислав II Ягелло и Великий князь Литовский Александр-Витовт в полной мере наслаждались своим неслыханным триумфом, о котором вряд ли могли даже мечтать. Казалось, ничто не мешало им не только ликвидировать Тевтонский орден, но и присоединить к своим владениям всю Пруссию.

Опьяненный неожиданным успехом, король Владислав приказал отыскать на поле битвы тело павшего в ней Верховного магистра «тевтонов» Ульриха фон Юнгингена. Тело было найдено и выставлено на всеобщее обозрение перед королевским шатром. Затем король, однако, передал его «тевтонскому» гарнизону орденского замка Остероде, откуда его 16 июля 1410 г. перевезли в столицу ордена — Мариенбург-на-Ногате. Там Ульрих фон Юнгинген, оплакиваемый своими собратьями по ордену, был 17 июля похоронен в часовне Святой Анны Мариенбургского замка. В Мариенбург были также доставлены для христианского погребения тела павших в битве при Танненберге соратников гохмейстера из числа «Великих повелителей» — Великого комтура Куно фон Лихтенштейна, маршала Фридриха фон Валленроде,

ризничего Альбрехта фон Шварцбурга и тресслера Томаса фон Мергейма.

Мариенбург — крупнейшая кирпичная крепость Европы — представлял (и все еще представляет) собой возведенный на берегу реки Ногат (по-польски: Ногата), состоявший из трех частей замковый комплекс, выстроенный из красного кирпича. Комплекс состоял из форшлосса (т.е. Передового замка, или «Подзамка»), миттельшлосса (Среднего замка) и гохшлосса (Высокого, или Верхнего, замка). Построенный около 1300 г. Верхний замок, окруженный глубоким рвом и мощной стеной, имел четыре крыла (флигеля, от нем.: «флюгель», Fluegel, то есть «крыло»), окружавших со всех сторон замковый двор (нем.: бургтоф, Burghof). Там были расположены служебные и жилые помещения «гроссгебитигеров», орденский монастырь (в котором жили рыцари-монахи), зал собраний Капитула (Верховного совета ордена Девы Марии) и замковая церковь. Над зубцами стен гохшлосса (где также хранилась орденская казна) возвышалась колокольня, увенчанная остроконечным шпилем, видным издалека. Сообщение между Верхним замком и Средним замком (строительство которого завершилось к 1350 г.) обеспечивалось посредством подъемного моста. В трех флигелях Среднего замка располагались амбары, мастерские, складские помещения, гостевые помещения и оборонительные сооружения. Северный флигель Среднего замка, к которому снаружи примыкал дворец гохмейстера, соединялся (опять-таки посредством подъемного моста, перекинутого через глубокий ров с водой) с громадным Передовым замком (или «Подзамком»), в котором располагались помещения для слуг, конюшни, оружейные палаты и хозяйственные помещения. Весь замковый комплекс (форшлосс, миттельшлосс и гохшлосс — каждый из этих замков был полностью при-

способлен к обороне — даже в случае захвата неприятелем двух других частей фортификационного комплекса) был окружен еще одной, наружной, стеной с башнями, рвом с водой и подъемными мостами.

В башнях и стенах были проделаны многочисленные бойницы. Обычно к ним было приставлено по два стрелка (как правило, арбалетчика), чтобы во врага из каждой бойницы как можно чаще летели «болты» (или стрелы). Пока один арбалетчик стрелял, другой заряжал свою «ручную баллисту». На вооружении гарнизона имелись также луки и ручные бомбарды («фистулы» или, по-немецки, «гандбюксы», Handbuechsen). Среди орденских стрелков из арбалетов и ручных бомбард были и «братья-рыцари» (в отличие от светских рыцарей отнюдь не считавшие эти виды оружия «недостойными дворянина»).

Находившийся под впечатлением своего величайшего триумфа, король Владислав Ягелло дал войскам два дня на отдых, грабеж, погребение павших и на сбор многочисленных отрядов, отделившихся от войска после победы в поисках поживы. Опьянены победой были не только малодисциплинированные воины Витовта — литовцы и татары, но, в немалой степени, и отличавшиеся более высокой дисциплиной поляки и чехи из войска Ягелло.

Разделившись на множество мелких отрядов, они рассеялись по округе, нещадно грабя окрестные поселения и уходя все дальше от лагеря союзного войска. А поживиться им в орденской Пруссии было чем. Вопреки утверждениям Генрика Сенкевича в его романе «Крестоносцы», подданные Тевтонского ордена отнюдь не вынуждены были питаться вместо печеного хлеба немолотой рожью (поскольку якобы не могли себе позволить молоть зерно на орденских мельницах,

а молоть его дома на ручных мельницах им-де строго запрещалось). В действительности дело обстояло «с точностью до наоборот» — съестных припасов в брошенных домах и «схо-вах» прусских крестьян (несмотря на «жесточайшую эксплуатацию» их «проклятыми крыжаками»!) польско-литовскими «экспроприаторами» было найдено столько, что они, обжираясь ими денно и нощно и неумеренно запивая даровую жратву даровыми же пивом, вином, медовухой, разного рода настойками и наливками, вскоре стали жестоко страдать «поносной болезнью» (особенно менее привычные к жирной пище литовцы, если верить Яну Длугошу).

Уровень жизни в Пруссии уже тогда был значительно выше, чем в Польше и Литве (не говоря уже о том общеизвестном факте, что благосостояние населения церковных земель вообще превышало в эпоху Средневековье благосостояние подданных светских владык). Это в немалой степени объяснялось образцовой орденской системой управления, о которой могли только мечтать соседние светские государства[1]. Имен-

[1] Приведем для наглядности цены на некоторые продовольственные и непродовольственные товары в прусских владениях «мариан» в период наивысшего расцвета тамошнего орденского государства (1340—1411): добрая молочная корова: 18 скотов; поросенок: 1 скот; откормленная свинья: 24 скота; баран: 3 скота; бочка топленого масла: 60 скотов; 1 фунт (500 г) свиного сала: 0,16 скотов; бочка с 300 головками сыра: 72 скота; отменный боевой конь: 360—432 скота; добрый боевой конь: 288—360 скотов; «швейка» (лошадь местной прусской породы): 72—192 скота; боевое знамя («баннер»): 144 скота; добрый арбалет: 24 скота; железная шляпа (шлем-шапель, или, по-немецки, «эйзенгут», Eisenhut): 14 скотов; железная каска (по-немецки: «эйзенгаубе», Eisenhaube): 10 скотов; 1000 кирпичей: 14 скотов; плуг с железным лемехом: 14 скотов; 1 локоть серого платьевого сукна для слуг: 1,5 скота; 1 локоть цветного платьевого сукна для слуг: 4 скота; 1 локоть сукна для «господской» одежды: 9—12 скотов; железный топор: 4,1 скота; 1 фунт (500 г) пчелиного воска: 1,2 скота.

Основной денежной единицей в прусских владениях Тевтонского ордена в описываемое время была (кульмская) марка. В 1 (кульмской) марке содер-

но высокий уровень благосостояния якобы подвергавшегося «жесточайшему национальному угнетению и нещадной экономической эксплуатации» населения прусского государства Тевтонского ордена привлекало к себе алчные взоры литовских и польских грабителей. Витовт со своими воеводами был всецело занят сбором своих ратей — как разбежавшихся под натиском «тевтонов» в начальной фазе Танненбергской битвы (многие из них, по уверению Длугоша, бежали без оглядки «до самой Литвы»!), так и увлекшихся грабежом после ее окончания. Польскому полководцу Зындраму из Машковиц удалось собрать свои войска гораздо быстрее, чем литовскому князю. Теоретически поляки могли совершить быстрый бросок на Мариенбург хотя бы силами наиболее подвижной части своей армии. Однако польский король, не сомневавшийся в окончательной победе над орденом Девы Марии, решил не начинать наступления на Мариенбург до сбора всей армии. Только 17 июля войско победителей двинулось на север. Отныне главной целью похода стал захват Мариенбурга — Главного дома (Гауптгауза, то есть столицы) Тевтонского ордена.

По самым осторожным оценкам, двинувшееся на Мариенбург войско польско-литовских захватчиков (потерявшее в

жалось 24 скота. Период военно-политического и, соответственно, экономического процветания прусского орденского государства «тевтонов» (вторая половина XIV — первая половина XV в.) характеризовался достаточно высоким уровнем оплаты труда. Наемный работник в орденских землях в среднем получал поденную плату, эквивалентную стоимости от 26 до 34 кг ржи. Цены на дрова, мясо и молоко оставались достаточно низкими, а цены на импортные товары — наоборот, очень высокими (что объяснялось сознательно проводившейся протекционистской экономической политикой ордена). Священнослужители и воины, нанимавшиеся на службу к Тевтонскому ордену, получали очень высокое жалование (в отличие от членов ордена, получавших бесплатно еду, питье, крышу над головой и одежду — в обмен на свое переданное ордену движимое и недвижимое имущество).

битве при Танненберге, как мы помним, около 5000 человек убитыми), состояло из примерно 15 000 поляков и 11 000 литовцев (включая вспомогательные контингенты западнорусских княжеств, чехов, сорбов, силезцев, моравов, татар, бессарабов, валахов, армян, караимов и др.). Король Ягелло сомневался в обороноспособности Мариенбурга. Тем не менее он продвигался со своим войском крайне осторожно и осмотрительно, со скоростью не более 9 миль в день (на ночь войско разбивало лагерь с усиленной охраной), хотя и не встречал нигде в Пруссии серьезного сопротивления. 17 июля был взят орденский замок Гогенштейн (по-польски: Ольштынек). Казалось, вся Пруссия готова без сопротивления подчиниться победителям, и все плоды более чем 150-летнего господства Тевтонского ордена пошли прахом. Король Ягелло был занят в основном принятием под свою высокую руку замков, городов и областей. Епископы Эрмланда (Вармии), Кульма (Хелмно), Помезании и Замланда (Самбии) принесли ему вассальную присягу. Спешили выразить покорность и «земские рыцари» — светские вассалы Тевтонского ордена, пожалованные им поместьями за военную службу — фон Цоллерны, фон Глазены, фон Штанге, фон Ауэрсвальды, фон Гётцены, фон Байзены, фон Кольбицы, фон Фрейгольды, фон Барчи, фон Кройцены, фон Каницы, фон Бутшельды, фон дер Брукке, фон Коттвицы, фон Дона, фон Гасселихты, фон Дрангвицы, фон дер Гольцы, фон Гакке, фон Клементы, фон Форгауэры, фон Эйленбурги и другие. 19 июля полякам сдался орденский замок Морунген (по-польски: Моранг). Многие «орденские братья» бежали без сопротивления или сдавались на милость победителя. 20 июля был без боя сдан своим гарнизоном сильно укрепленный «тевтонский» замок Прейссиш-Марк.

Продвижению союзного войска предшествовали (выражаясь языком Гомера в «Илиаде») быстрокрылые сыны бога войны Ареса — Фобос и Деймос, или, в переводе с древнегреческого, Страх и Ужас, с быстротой лесного пожара распространявшиеся среди местного населения. Темп наступления был столь медленным еще и потому, что незваные гости отвлекались на грабежи, убийства, изнасилования, поджоги, погромы, «ополонение челядью» (захват пленных) и т.д. 22 июля был взят Христбург. 23 июля победоносное польско-литовское войско отдыхало от трудов своих. Вся Пруссия представлялась торжествующим завоевателям прямо-таки истомившейся в ожидании поскорее сдаться победителю, предав без зазрения совести своего сюзерена — Тевтонский орден, думая лишь о собственной выгоде и стремясь выторговать себе у нового господина как можно больше привилегий. Из прусских замков в руках орденских войск оставались только Бранденбург, Кёнигсберг (по-польски: Кинсберг, Крулевец или Кролевец), Рагнит, Шлохау, Кониц (по-польски: Коннице), Реден (по-польски: Радзын) и Мариенбург.

В этой представлявшейся совершенно безвыходной (для «тевтонов») ситуации на подмостках истории появился комтур орденского города Швеца Генрих фон Плауэн — «доблестный муж с железной волей», воистину ставший спасителем ордена Девы Марии в годину тяжких бедствий. В преддверии битвы при Танненберге фон Плауэн получил от гохмейстера Ульриха фон Юнгингена 2000 воинов и приказ охранять от неприятельского вторжения орденскую провинцию Помереллию, собирать отряды наемников и крестоносцев-«интернационалистов» («военных гостей» Тевтонского ордена), а также ополченцев из подчиненных ордену Девы Марии областей и городов, не успевших присоединиться к главному

орденскому войску, спешившему на грозный суд Божий под Танненбергом.

В Швеце комтур фон Плауэн получил известие о сокрушительном разгроме армии своего гохмейстера, распространившееся по орденским градам и весям с молниеносной быстротой, повсеместно лишая «тевтонов» (вкупе с их «гостями» и вассалами) всякой надежды и парализуя их волю к сопротивлению.

Граф Генрих Рейс фон Плауэн (1370 г.р.) был (в отличие от большинства тевтонских рыцарей, принадлежавших, в описываемое время, к мелкому дворянству и даже бюргерству) отпрыском знатного рода из области Фогтланд, расположенной между германскими землями Тюрингией и Саксонией. С самого начала христианизации Тевтонским орденом Пруссии (тогда еще языческой) фогты (наместники) из рода фон Плауэн активно участвовали в организуемых орденом Крестовых походах на прусских язычников. Сохранились многочисленные свидетельства принадлежности представителей семейства фон Плауэнов в XIII—XIV вв. к Тевтонскому ордену. Мало того! В 1410 г. в ордене Девы Марии состояли одновременно три «брата-рыцаря», носившие одинаковые имя и фамилию — Генрих фон Плауэн. Вероятно, имя Генрих было столь распространено среди Плауэнов вследствие старинного пророчества, согласно которому человеку по имени Генрих фон Плауэн было предназначено стать императором средневековой Германии — Священной Римской империи.

Интересующий нас Генрих фон Плауэн (тевтонский «брат-рыцарь» и комтур Швеца) прибыл в орденскую Пруссию в качестве крестоносца-«интернационалиста» («военного гостя» Тевтонского ордена) и вскоре, принеся три монашеских обета нестяжания, целомудрия и послушания, был принят в орден

Девы Марии. В 1397 г. он уже числился в орденских списках «компаном» комтура Данцига, в 1398—1399 гг. — гаузкомтуром в Данциге (то есть комендантом расположенного в Данциге орденского замка, подчиненным комтуру всего Данцига — города с прилегающей областью), в 1402—1407 гг. — комтуром Нессау, а с 1407 г. — комтуром Швеца.

Получив известие о танненбергской «конфузии», Генрих фон Плауэн приказал своему отряду (численность которого, за счет постоянно подходивших подкреплений, возросла до 3000 бойцов) незамедлительно идти в Мариенбург. По пути он включал в ряды отряда всех способных носить оружие. Энергичный и осмотрительный Плауэн, хотя и не имел полной картины сложившейся после танненбергского разгрома ситуации, понимал, что все теперь зависит только от него, и что, если и возможно спасти то, что еще могло быть спасено, то для этого необходимо любой ценой удержать Мариенбург — последний оплот Тевтонского ордена в Пруссии. Ничто в предшествующей служебной карьере Генриха фон Плауэна не указывало на какие-то особые военно-административные таланты или хотя бы способности — не говоря уже о призвании играть столь важную и, мало того, решающую, руководящую роль в спасении ордена, которому он так верно служил. От всякого члена Тевтонского ордена требовались, прежде всего, абсолютная верность, беспрекословное послушание и точное выполнение приказов данных ему Богом и Верховным магистром начальников, но уж никак не способность к принятию самостоятельных и независимых решений. Возможно, именно поэтому так безропотно сдавались оставшиеся без высшего начальства, павшего при Танненберге, гарнизоны городов и замков прусского государства Тевтонского ордена.

Однако в данном плане комтур Швеца оказался воистину счастливым исключением из правил. 18 июля он вступил во главе своего небольшого, но спаянного железной дисциплиной, среди всеобщего «разброда и шатания», войска в «Главный дом ордена Девы Марии» в Пруссии — и ужаснулся увиденному там, поняв, каких колоссальных усилий потребует от него и от вверенных ему Богом и Девой Марией людей удержание Мариенбурга. Несмотря на свои мощные укрепления (производящие внушительное впечатление на всякого посетителя по сей день), Мариенбург имел крайне слабый гарнизон — настолько слабый (если верить Длугошу — всего 50 человек, способных носить оружие, включая послов венгерского короля — барона Миклоша Гарая и трансильванского палатина Сцибория из Сцибожиц, а также перешедшего на сторону ордена польского рыцаря Петра Свинку, хорунжего Добжинского, которого «мариане» именовали, на свой манер, «Петер Свинка фон Рыпин»!), что он даже собирался сдать крепость надвигавшимся полякам и литовцам без боя (отряд фон Плауэна подоспел как раз вовремя, не дав свершиться очередной изменнической сдаче). Большинство крепостных пушек было по приказу ныне покойного Ульриха фон Юнгингена отправлено в помощь ему под Танненберг и попало в руки противника (успев сделать, согласно одним источникам, всего по одному, согласно другим — всего по два, и только если верить Яну Длугошу, то «не менее, чем по два» выстрела). Однако комтур Швеца не растерялся. Под его энергичным командованием обороноспособность Мариенбурга была в кратчайшие сроки восстановлена. Со всей округи (до которой еще не добрались польско-литовские грабители) в крепость были доставлены в изобилии оружие, снаряжение, пиво, вино, провиант, фураж, пригнаны скот и птица. В результате подсту-

пившим к Мариенбургу полякам и литовцам ничего не досталось, и им пришлось доставлять все необходимое издалека, что весьма осложняло ведение ими осады. Гарнизон трудился день и ночь не покладая рук. Генрих фон Плауэн стал душой сопротивления Мариенбурга и единственной надеждой осажденных (кроме, естественно, Господа Бога и Пречистой Его Матери Приснодевы Марии), его слово стало законом для всех. Ему подчинялись беспрекословно (хотя он все еще числился всего лишь комтуром Швеца). Его так неожиданно проявившаяся, поистине гениальная способность к импровизации и его воля к победе, удачно сочетавшиеся с неутолимой жаждой реванша, явились решающим критерием, жизненно важным для удержания Мариенбурга.

Тяжелее всего далось швецскому комтуру решение предать огню прилегающий к замковому комплексу город Мариенбург. Однако сделать это было абсолютно необходимо, чтобы не дать осаждающим возможность закрепиться там и подступить вплотную к замковому комплексу. И «тевтоны», с тяжелым сердцем, сами предали огню город Мариенбург (пощадив, правда, городской собор и ратушу). Горожане, оставшиеся без крова, укрылись в замковом комплексе, прихватив с собой свое самое ценное имущество. Все мужчины, способные носить оружие, пополнили ряды гарнизона, получившего в эти дни подкрепление в лице 1427 бойцов войска Ульриха фон Юнгингена, уцелевших после танненбергской бойни и успевших добраться до Мариенбурга перед приходом польско-литовских войск. Среди них было немало крестоносцев-«интернационалистов», а также светских вассалов ордена Девы Марии (в том числе испытанных в боях рыцарей родов фон Борзниц, фон Гаугвиц, фон Гоккенборн, фон Дона, фон Зейдлиц, фон Клингенштейн, фон Логау, фон

Паннвиц, фон Погерель и других лихих рубак). «Отцы» подчиненного ордену славного ганзейского города Данцига, еще не утратившие к описываемому времени верности, чести и совести (которые они утратили чуть позже!), прислали на помощь защитникам Мариенбурга 200 (по другим источникам — 400) матросов — мастеров рубиться боевыми топорами. С подкреплениями численность «тевтонского» гарнизона постепенно достигла 5000 человек (главным образом — силезцев и чехов, если верить Яну Длугошу). До подхода неприятеля было сделано все для максимального укрепления обороноспособности. В окрестностях Мариенбурга не осталось ровным счетом ничего, что могло бы как-то послужить или пойти на пользу осаждающим и удовлетворить их жизненные потребности. Единственным недостатком, который Генриху фон Плауэну не удалось исправить за отпущенный ему короткий срок, была явная нехватка крепостной артиллерии. «Тевтоны» успели в последний момент уничтожить мост через реку Ногат и предмостное укрепление (вследствие немногочисленности гарнизона его все равно не удалось бы удержать).

И только тогда «тевтоны» спохватились, что командует-то ими всего-навсего какой-то комтур Швеца. Немногие «братья» ордена Девы Марии, засевшие за стенами Мариенбургского замка, собрались на конвент и избрали Плауэна штатгальтером (наместником) Верховного магистра Тевтонского ордена. Это явное нарушение устава ордена (не предусматривавшего даже такой должности) было, однако, не только оправдано, но и настоятельно диктовалось крайней остротой сложившейся обстановки.

После своего избрания штатгальтер фон Плауэн, помолясь усердно Богу и Пречистой Деве, срочно разослал по всем орденским владениям в Пруссии, Ливонии и Германии гонцов

с сообщением о том, что орден проиграл битву под Танненбергом, но не войну. Он потребовал от гарнизонов орденских замков, которым угрожали литовцы и поляки, под страхом суровейших кар не капитулировать, а держаться до последнего. Кроме того, штатгальтер потребовал военной помощи в борьбе с «сарацинами» от магистра владений Тевтонского ордена в Германии (тейчмейстера или дейчмейстера) Конрада фон Эглоффштейна (1396—1416) и от ландмейстера «тевтонских» владений в Ливонии Конрада фон Фитингофа. Благодаря своей неуемной энергии Генриху фон Плауэну удалось, несмотря на все препоны, подготовить Мариенбургскую крепость к осаде. 2000 бойцов были направлены на защиту Верхнего замка, а другие 2000 — на защиту Среднего замка. Двоюродному брату, тезке и однофамильцу штатгальтера «тевтонов» — Генриху фон Плауэну Младшему (опоздавшему, во главе своего отряда, к Танненбергской битве) было поручено защищать Передовой замок (в его распоряжении имелась 1000 бойцов).

25 июля 1410 г., через десять дней после битвы при Танненберге, передовые отряды польско-литовской армии подошли к Мариенбургу. Король Владислав Ягелло расположился станом в районе селения Грюнгаген. Союзники постарались окружить Мариенбургский замковый комплекс со всех сторон. Польские войска направили свои усилия на осаду Верхнего замка, литовцы — на осаду Среднего замка, а татары, форсировав вплавь реку Ногат близ Лезевица (ниже Мариенбурга), взяли под контроль район Передового замка. С учетом опыта прошедших дней, когда «тевтонские» замки и города сдавались польскому королю почти без сопротивления, Ягелло рассчитывал на непродолжительную осаду и скорую капитуляцию Главного орденского дома в Пруссии. Чтобы деморализовать мариенбургский гарнизон, король приказал в ночь

26 июля начать с четырех сторон артобстрел замкового комплекса. Самые тяжелые польские орудия были установлены в уцелевшем от огня и разрушения соборе города Мариенбурга. Трезво оценив мощь мариенбургских укреплений, Ягелло решил, что взять их штурмом навряд ли удастся, и предпочел начать правильную осаду.

Тем временем ситуация в Пруссии продолжала складываться не в пользу ордена Девы Марии. Вся Кульмская земля подчинилась польскому королю, вслед за четырьмя прусскими епископами. Этому примеру последовали четыре крупнейших города орденской Пруссии: Эльбинг, Торн, Данциг, Бр(а)унсберг, а затем — почти все остальные прусские города. 19 августа 1410 г. представители вышеназванных четырех городов, явившись в польский стан, исходатайствовали себе у короля Владислава целый ряд привилегий. Король даровал им свободу торговли, право чеканить собственную монету и невозбранно владеть устьем Вислы. Убежденные в том, что власти ордена Девы Марии над ними пришел конец, бюргеры Эльбинга захватили расположенный в черте их города одноименный орденский замок, изгнав из него тамошнего комтура — единственного уцелевшего в битве при Танненберге «гроссгебитигера» (а не «гроссбегутера», как пишет плагиатор А.Е. Тарас, не умеющий, как видно, даже правильно списывать у тех, чью интеллектуальную собственность бесстыдно присваивает!) — Великого госпитальера Вернера фон Теттингена и разоружив слабый «тевтонский» гарнизон. Но это были еще «цветочки». А вот в Данциге созрели и «ягодки». Там местные «ревнители городской демократии» не побоялись пролить кровь своих повелителей — раненые «тевтоны», уцелевшие в битве при Танненберге и надеявшиеся найти в Данциге убежище, были перебиты разъяренной толпой горо-

жан прямо на улице. Перечень злодеяний можно было бы продолжать еще долго, но уж слишком это противно.

Польский король великодушно передавал прусские замки, которыми овладел, своим союзникам и польским вельможам или же оставлял их во владении присягнувших ему земских рыцарей («ландесриттеров») — бывших светских вассалов Тевтонского ордена. Великому князю Литовскому Витовту король Владислав пожаловал орденские владения, расположенные в прусских Нижних Землях, а также в районе Бальги и Бранденбурга. Князья Мазовецкие получили Остероде, Нейденбург и Зольдау. Князь (герцог) Стольпенский (Слупский), не принимавший (несмотря на свое польское происхождение) до сих пор участия в войне ни на той, ни на другой стороне, получил от Ягелло часть орденской Помереллии, в обмен на обязательство нести военную службу польской короне.

Уведомленный об этих событиях, штатгальтер Генрих фон Плауэн, заручившись от польского короля гарантией личной безопасности, в сопровождении нескольких орденских, чешских и силезских рыцарей явился в польский стан, дабы испросить у Ягелло мира и пощады уже порядком разоренной жадными до добычи победителями Пруссии. Кроме того, Плауэн согласился отказаться от всех территориальных притязаний ордена Девы Марии к Польше и Литве. Однако ответ Ягелло не оставил ему ни малейших сомнений в том, что тот твердо решил покончить если не с Тевтонским орденом как таковым, то с его прусским государством. В качестве непременного условия каких бы то ни было мирных переговоров польский король выдвинул немедленную и безоговорочную капитуляцию Мариенбургского замка. Это требование было, однако, абсолютно неприемлемо для Плауэна. Ему пришлось

прервать переговоры и возвратиться в осажденный неприятелем, страдавший от артиллерийского огня Мариенбург.

Польские артиллеристы обстреливали замковый комплекс все интенсивнее, в чем им немало способствовала превосходная, по тем временам, орденская артиллерия, захваченная под Танненбергом. Особенно многочисленные и тяжелые разрушения достались на долю Передового и Среднего замков. Что же касается Верхнего замка, защищенного рекой Ногатом и прикрытого руинами города Мариенбурга, то он находился в значительно меньшей досягаемости для артиллерии осаждающих, чьи ядра долетали до его стен гораздо реже, уже не имея большой пробивной силы.

Многочисленные попытки осаждающих взять Мариенбург приступом с успехом отражались «марианским» гарнизоном, сделавшим, в свою очередь, несколько удачных вылазок из крепости в неприятельский стан, повысивших боевой дух осажденных. В ходе вылазок приходилось следить за тем, чтобы «дети кораблей», увлекшись «рубкой боевыми топорами по-данцигски», не слишком углублялись в неприятельские ряды. Несколько раз другим частям мариенбургского гарнизона приходилось с боем выводить забравшихся в самое пекло («раззудись плечо, размахнись рука»!) данцигских моряков (чей боевой дух нисколько не был подорван известием о подчинении их родного города королю Польши) из окружения.

Несмотря на все старания Ягелло, его воинам так и не удалось целиком отрезать Мариенбург от окружающего мира. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство. Один из «братьев-священников» Тевтонского ордена ухитрился, по поручению Генриха фон Плауэна, незаметно для осаждающих выбраться из осажденного Мариенбурга и благополучно добраться до Данцига... с векселем на 30 000 дукатов (золотых

монет) и письмами штатгальтера, адресованными комтурам владений Тевтонского ордена в Германии (если верить Длугошу, священник выехал из Мариенбурга в свите ливонского ландмаршала, пропущенного Витовтом на несколько дней в Мариенбург для переговоров с Плауэном, о чем еще пойдет речь далее)! Деньги были предназначены для вербовки наемных солдат. Чем дольше длилась осада, тем чаще осаждающих (особенно литовцев) тянуло подальше от изрыгающих смертоносные ядра, пули, стрелы и арбалетные «болты» красных кирпичных стен Мариенбурга, в прусскую «глубинку», в поисках еще не разграбленных сел, городов, имений, замков и полей. От этих «походов за зипунами» (как любили выражаться казаки Стеньки Разина), сопровождавшихся жесточайшими пытками и зверскими убийствами местного населения, грабежами и погромами страдала вся Пруссия до самой Вислы. Если в начальный период осады Мариенбурга осаждающие часто бессмысленно уничтожали запасы продовольствия, вытаптывали конскими копытами и жгли хлеб на полях, сжигали скот в хлевах и коровниках и т.д., питаясь так обильно и «так хорошо, как многие не питались и у себя дома» (Длугош), то теперь перед литовцами и поляками замаячил грозный признак голода. В многонациональной армии становилось все труднее поддерживать дисциплину. То и дело вспыхивали межнациональные, или этнические, конфликты (выражаясь современным языком). Кроме того, Ягелло становилось все более ясно, что имеющихся в его распоряжении войск недостаточно для одновременного ведения эффективной осады Мариенбурга и обеспечения своего господства в покорившихся ему прусских владениях ордена. Чем дольше главные силы войска Ягелло стояли под Мариенбургом (неся при этом ощутимые потери), тем больше времени имел орден

Девы Марии для реорганизации обороны прусских областей, оставшихся под контролем «тевтонов». Шапкозакидательские настроения, господствовавшие в польско-литовском стане после Танненбергской победы, стали сменяться все большим разочарованием.

Вероятно, в этот момент кому-то в лагере осаждающих (возможно, Ягелло или Витовту, троекратно менявшим веру), пришло в голову сломить дух осажденного «тевтонского» гарнизона, разрушив артиллерийским огнем украшавшее снаружи стену расположенной в Верхнем замке часовни Святой Анны 8-метровое изваяние Небесной Заступницы Тевтонского ордена — Святой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом Христом на руках. Однако, если верить хронистам, ствол заряженной каменным ядром и наведенной на образ Пречистой бомбарды разорвало при выстреле, ослепив орудийную прислугу.

Это чудо произвело удручающее впечатление на всех осаждающих (как христиан, так и нехристей).

Однако враги ордена «мариан» не унимались. Узнав, что Плауэн намерен собрать своих рыцарей на военный совет в «зоммерремтере» (Sommerremter, то есть летнем зале для собраний), свод которого поддерживала одна-единственная колонна, имевшиеся среди мариенбургского гарнизона изменники сообщили осаждающим место и время проведения совета. Согласно одной из легенд, литовцы решили разрушить каменным ядром одного из своих осадных орудий эту единственную колонну «зоммерремтера», вызвав тем самым обрушение свода и гибель штатгальтера со всем конвентом под его обломками. Однако литовский пушкарь промахнулся. Ядро, не задев колонну, ударило в стену «зоммерремтера» и осталось торчать в ней «навечно». После снятия осады его ре-

шили оставить в стене зала на память. Так ли это было или не так, но уже в XIX в. никакого ядра в стене «зоммерремтера» не торчало. Впрочем, это так, к слову...

День ото дня вылазки мариенбургского гарнизона становились все более дерзкими и чувствительными для осаждающих. Говорят, король Ягелло даже публично задал вопрос, кто кого держит в осаде. В ходе одной из вылазок осажденные пленили и увели в крепость начальника артиллерии осаждающих. Тайно пробравшийся в Мариенбург посланец венгерского короля Сигизмунда фон Люксембурга передал Генриху фон Плауэну письмо, в котором король Венгрии — бывший (и будущий) — римско-германский император призывал его держаться до последнего и крепость ни в коем случае не сдавать, ибо он, король, скоро вторгнется в Польшу с юга во главе многочисленной венгерской армии. Эта радостная весть была сообщена всему гарнизону, чтобы усилить его волю к сопротивлению.

Тем временем в стане осаждающих вспыхнула эпидемия (упоминавшаяся выше «поносная болезнь») от обжорства и пьянства, сопровождавшаяся «моровым поветрием» от множества зловонных мух — разносчиц всяческой заразы, слетавшихся на лужи мочи и блевотины, кучи экскрементов, конские трупы, кишки съеденных животных, горы недоглоданных костей и т.д. Число умерших от болезней воинов (а также павших лошадей, волов и быков) скоро значительно превысило потери польско-литовской армии в битве при Танненберге.

В ливонской провинции Тевтонского ордена, после долгих споров, победила точка зрения «орденских братьев», сохранивших верность долгу и желавших сохранить единство двуединого (прусско-ливонского) орденского государства. Было решено оказать «братьям» в Пруссии военную помощь.

Ливонский «земский маршал», или ландмаршал (являвшийся заместителем ливонского ландмейстера — в отличие от Пруссии, где заместителем гохмейстера, являвшегося одновременно прусским ландмейстером, был не маршал, а Великий комтур) Бернд фон Гевельман, вооружив и оснастив всем необходимым 5-тысячное войско, прибыл с ним в прусский Кёнигсберг. Там он соединился с комтуром Бальги графом Фридрихом фон Цоллерном — одним из немногих орденских военачальников, уцелевших в сражении при Танненберге, — и с комтуром Рагнита Эбергардом фон Валленфельзом.

На западе Пруссии польские войска, не встретив серьезного сопротивления, захватили Диршау, Тухель, Бютов (по-польски: Бытов) и Кониц.

Фогт орденской области Неймарк Генрих Кюхмейстер фон Штернберг, собрав в единый кулак прибывшие из Германии отряды наемников, отбросил противостоявшие ему польские рати и начал отвоевывать утраченные позиции. В ходе этих боев «тевтонам» удалось пленить знаменитого польского рыцаря Ярослава Потулицкого, с большим успехом представлявшего интересы польской короны при дворах многих владетельных государей тогдашней Европы. Встревоженные польские вельможи попытались скрыть этот факт от короля Владислава, но тот, удивленный долгим отсутствием рыцаря, все-таки доискался до правды. Ягелло усилил свои войска под Наккелем (Накло), Бромбергом и Кроне (Вальжем), но не сумел помешать «тевтонским» войскам вернуть ордену Тухель. Сообразив, что чаша весов начала склоняться в пользу рыцарей Девы Марии, польский король направил под стены Мариенбурга своего герольда, чтобы объявить о согласии заключить с орденом мир на условиях, в свое время предложенных ему штатгальтером фон Плауэном и отвергнутых тогда, как

неприемлемые. На этот раз все произошло «с точностью до наоборот», и теперь уже Плауэн отказался заключить мир с Польшей на предложенных им же ранее условиях.

Узнав о приближении ливонского контингента «тевтонов», польский король решил упредить ландмаршала Гевельмана, двинув ему на перехват литовские войска князя Витовта. Последний в ходе осады Мариенбурга вел себя крайне пассивно и никаких военных подвигов не совершил. Вероятно, Витовт не был заинтересован в полном разгроме Тевтонского ордена, опасаясь неизбежного в этом случае чрезмерного, в ущерб ему, Витовту, усиления могущества Ягелло (в свое время распорядившегося удавить в тюрьме отца Витовта и своего собственного дядюшку Кейстута, а впоследствии лишь нехотя, да и то лишь пожизненно, уступившего Витовту власть над Литвой). В результате Великий князь Литовский, ранее неоднократно враждовавший с братцем Ягайлой (бросившим в тюрьму и чуть не укокошившим его — Витовту удалось бежать из узилища, переодевшись в женское платье!) и вступавший с орденом в военно-политический союз, а затем, с завидным постоянством, изменявший «тевтонам», после личного свидания с ландмаршалом Ливонии и сопровождавшими последнего комтурами Бальги и Гольдингена (8 сентября 1410 г.), пропустил этих «тевтонских» сановников (в сопровождении внушительного эскорта из 50 конных латников) в осажденный Мариенбург на совещание со штатгальтером Плауэном (продолжавшееся несколько дней). Таким образом, Витовт вновь стал проводить своекорыстную политику, нацеленную на обеспечение исключительно литовских (но никак не польских) интересов. Не уведомив Ягелло, Великий князь Витовт самостоятельно заключил с Тевтонским орденом перемирие сроком на 14 дней (не распространявшееся лишь на район осаж-

денного Мариенбурга — но и там литовцы действовали крайне вяло, причем с самого начала осады). Заключив перемирие, Витовт со своим войском вернулся под Мариенбург, так и не скрестив оружия с войсками ландмаршала фон Гевельмана.

Перед Ягелло Витовт достаточно неловко пытался оправдать свое граничащее с очередным предательством бездействие тем, что его войско сильно ослаблено предыдущими боями, «поносной болезнью» (дизентерией), вследствие слишком обильной изысканной пищи, не привычной для литовских желудков (если верить Длугошу, опровергающему тем самым более поздние, уже упоминавшиеся нами выше, инсинуации нобелевского лауреата Генрика Сенкевича, которые, однако, не мешает еще раз повторить, дабы уважаемые читатели, как говорится, почувствовали разницу: маститый автор, ничтоже сумняшеся, утверждал в своем «культовом» романе «Крестоносцы», что орденские подданные были якобы вынуждены питаться вместо печеного хлеба немолотой рожью, ибо им нечем было заплатить орденским мельникам за помол, а держать в домах ручные мельницы жестокие «тевтоны» им якобы запрещали!), и другими болезнями, потребовав от польского короля дозволения своим дизентерийным ратям возвратиться в Литву. Ягелло все еще надеялся вынудить Мариенбург к сдаче, тщетно пытаясь убедить строптивого кузена остаться (справедливости ради следует заметить, что и осажденные, действительно вынужденные питаться немолотым, хотя и чуть поджаренным, зерном — у них-то в самом деле не было ни печеного хлеба, ни мельниц! — страдали поносом, но, видимо, недостаток этой нездоровой пищи заставлял их страдать меньше, чем обожравшихся донельзя осаждающих). Тем не менее литовские войска 16 сентября снялись с лагеря под Мариенбургом и отправились домой в Литву через Мазовию.

На следующий день из-под Мариенбурга, вслед за Витовтом, ушли и другие важные союзники Ягелло — князья Ян(уш) и Земовит Мазовецкие. Уход их многочисленных войск из-под Мариенбурга сильно ослабил армию осаждающих.

Представители прусских «сословий» (городов, епископов и «земских рыцарей»), покорившихся не так давно польскому королю, тщетно умоляли его не снимать осаду (поскольку имели все основания опасаться быть призванными орденом к ответу за измену). Однако король был не в силах продолжать осаду силами одного только польского войска (также понесшего тяжелые потери). У осаждающих подошли к концу боеприпасы, расход которых, вследствие необычайной интенсивности обстрела, превзошел все ожидания. Наемники давно уже требовали уплаты им жалованья, вся округа была опустошена, а последствия венгерской интервенции представлялись непредсказуемыми. Кроме того, со дня на день под Мариенбург грозило подойти войско ливонских «тевтонов». И 18 сентября 1410 г. польский король, предав огню собственный лагерь и оставив всякую надежду поживиться хранящейся в Доме Пресвятой Девы Марии орденской казной и расплатиться со своими алчными наемниками, снял осаду, продолжавшуюся восемь недель. Мариенбург, Главный дом Тевтонского ордена в Пруссии, был спасен — главным образом, благодаря железной воле и энергии Генриха фон Плауэна.

Мариенбург стал резиденцией гохмейстера Тевтонского ордена после переезда последнего из Венеции в Пруссию в 1309 г. и оставался таковой до 1457 г. В 1466 г. крепость и город Мариенбург перешли под власть Польши. Благодаря своим мощным, «многослойным» фортификационным сооружениям, удачно сочетавшимся с рельефом местности, мариенбургский замковый комплекс был крупнейшей крепостью в государстве Тевтонского ордена и одной из крупнейших

средневековых крепостей всего христианского мира. Период 300-летнего польского правления, и в особенности — годы опустошительных для Пруссии войн Польши со Швецией — привел Мариенбург в плачевное состояние. Когда Мариенбург, после 1-го раздела Польши (между Россией, Австрией и Пруссией) в 1772 г. отошел к Прусскому королевству Гогенцоллернов (потомков последнего прусского гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, превратившего прусское орденское государство в светское герцогство Пруссию), замок неоднократно перестраивался (причем не всегда удачно). Впрочем, поначалу его вообще планировалось сравнять с землей, как наследие «варварского Средневековья», дабы использовать кирпичи для других, «более современных», построек (как нам это знакомо, не правда ли?), однако прусский «король-философ» Фридрих II Великий, по трезвом размышлении, распорядился замок все-таки не сносить.

Тевтонскому ордену, сумевшему отстоять свою главную крепость Мариенбург, но лишившемуся части своих владений, пришлось платить победителям огромную контрибуцию. Денег взять было негде — в частности, вследствие запрета иудеям проживать на орденских землях, в то время как главный противник ордена Пресвятой Девы Марии — чрезвычайно гостеприимное к иудеям польско-литовское государство — «asylium judaeorum» — пользовалось у иудейских ростовщиков широчайшим кредитом.

22. ПЕРВЫЙ ТОРУНЬСКИЙ МИР

Поляки отступили от Мариенбурга в город Штум. Король сменил гарнизон города, состоявший из присягнувших ему прусских «земских» рыцарей (бывших светских вассалов

Тевтонского ордена, наделившего их поместьями за военную службу), новым гарнизоном, состоявшим из отборных польских войск. Прусским светским рыцарям (предавшим вчера орден, а сегодня способным предать и его самого) коварный литвин больше не доверял. Ягелло распорядился в изобилии снабдить город всевозможными припасами, намереваясь превратить Штум в нечто вроде «польского Мариенбурга» — оплот собственной власти в сердце завоеванной им орденской Пруссии. Затем Ягелло двинулся, через Мариенвердер, к замку Реден, который был захвачен им в ходе короткого, хотя и кровавого, боя. При этом в плен полякам попали, после ожесточенного сопротивления, 15 престарелых «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. Отпавшая от ордена Кульмская земля все еще признавала над собой власть польского короля, надеясь на скорое возвращение польского войска. Между тем войска ордена следовали за поляками по пятам, хотя и осторожно и не ввязываясь в бой. 8 октября они потребовали, чтобы город Торн (Торунь), отложившийся от ордена и присягнувший на верность королю Ягелло, добровольно возвратился под власть Тевтонского ордена.

Крайне стесненный в средствах, временный (до избрания нового гохмейстера) глава Тевтонского ордена — штатгальтер Плауэн, только что с величайшим трудом отстоявший от поляков и литовцев Мариенбург, продал чешскому королю Вацлаву фон Люксембургу за 115 000 золотых флоринов наличными расположенное близ Праги Комотауское (Хомутовское) комтурство Тевтонского ордена (приносившее ежегодно 4000 флоринов дохода), чтобы нанять на вырученные деньги рыцарей и конных воинов.

Объединенные вооруженные силы «мариан» из орденской провинции Ливонии, комтурств Бальги и Эльбинга быстро за-

владевали отпавшими от ордена территориями. Комтур Рагнита со своим конным войском в ходе молниеносного рейда по Эрмланду (Вармии) очистил всю эту область от войск польских интервентов. На западе Пруссии фогт (наместник фогтства, то есть орденской области, меньшей по размеру, чем комтурство) Неймарка Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг продолжал развивать свое успешно начатое наступление.

10 октября 1410 г. 3-тысячное войско Михаэля Кюхмейстера (включавшее в свой состав немало чешских, силезских и венгерских рыцарей), выступавшее, согласно Яну Длугошу, под одной-единственной хоругвью (выражаясь геральдическим языком, «рассеченной наискось в червлень и серебро», согласно «Истории» Длугоша орденское знамя «имело белое и красное поля, соприкасающиеся из угла в угол»; это знамя соответствовало по расцветке описанному Длугошем в его «Истории Польши» и изображенному в его же «Прусских хоругвях» знамени Великого ризничего Тевтонского ордена, захваченному поляками после битвы при Танненберге) было внезапно атаковано польским войском (тоже выступавшим под одной хоругвью — с пурпурным двойным, или «патриаршим», крестом на белом поле) и разгромлено в битве под городом Кроне (именуемой в польской исторической традицией битвой при Коронове, или Вальже). Сам Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг попал в плен, и орденское знамя-хоругвь было захвачено поляками в качестве трофея. Тем не менее это сражение (совершенно безсновательно прославляемое польскими хронистами и историками, начиная с Яна Длугоша, как «второй Грюнвальд», или даже как «битва, еще более славная, чем битва при Грюнвальде»!), не оказало заметного влияния на ход войны, нисколько не ухудшив положение Тевтонского ордена.

В руках поляков в Пруссии оставались только «тевтонские» замки Нессау, Торн, Реден, Страсбург (Бродница) и Штум. Бои за Штум, превращенный польским королем в главный оплот своего владычества в Пруссии, продолжались три недели. Не надеясь более на помощь своего короля, польский гарнизон сдал крепость и был отпущен «тевтонами» с миром. На протяжении октября месяца ситуация все больше изменялась в пользу ордена, под власть которого стали быстро возвращаться отпавшие от него после поражения ордена в битве при Танненберге прусские города и «земские рыцари». У Плауэна — штатгальтера Верховного магистра Тевтонского ордена (новый магистр после гибели прежнего, Ульриха фон Юнгингена, под Танненбергом, избран пока что не был) — хватило ума и выдержки не карать лукавых и неверных подданных ордена за измену. Правда, Генрих фон Плауэн лишил их привилегий, дарованных им летом 1410 г. королем Владиславом II Ягелло в награду за их подчинение власти Польши.

Между тем польский король, избрав самый короткий путь — через Голлуб (Голуб), — возвратился в свое королевство. За возвращающимся польским войском следовал огромный обоз с награбленной в Пруссии богатой добычей.

В результате войны Пруссия была ограблена до нитки. Множество подданных Тевтонского ордена было убито или угнано в полон, поля и нивы опустошены, урожай уничтожен, города отданы на поток и разграбление, конские заводы уничтожены. Самой главной проблемой, с которой столкнулся орден, была, однако, нехватка финансовых средств. Военные расходы опустошили столь богатую еще не так давно орденскую казну. Отовсюду — в том числе от орденских комтуров Данцига, Диршау, Шлохау, Тухеля, Меве, Брат(т)иана (Брацян), Швеца — к нему нескончаемым потоком шли письма

с просьбой о присылке подкреплений и денег, необходимых для продолжения войны и восстановления разрушенных замков и городов. В то же время его извещали о том, что польский король Владислав и его союзник, Великий князь Литовский Витовт, опять собирают войска для возобновления военных действий.

Чтобы как-то компенсировать тяжелый урон, понесенный орденской армией в битве при Танненберге, «тевтоны» были вынуждены неоднократно прибегать к помощи дорогостоящих наемников (цены на которых постоянно росли, в связи с их возрастающей нехваткой — возобновилась Столетняя война между Англией и Францией, так что спрос на наемных воинов грозил в скором времени превысить предложение, на что не замедлили отреагировать и цены). К осени 1410 г. число этих наемных воинов ордена в Пруссии составляло 7500 человек. Но наемники были готовы нести военную службу только за соответствующую плату. Необходимо было восстановить разрушенную войной административную систему и, прежде всего, избрать законного главу Тевтонского ордена — Верховного магистра, способного одновременно решить две главные задачи — успешно защищать орденское государство от внешних врагов и восстановить разрушенное войной хозяйство. К 9 ноября 1410 г. в Мариенбург прибыли высшие должностные лица Тевтонского ордена, необходимые для избрания орденского правительства — нового гохмейстера и его ближайшего окружения — «гроссгебитигеров», в том числе ландмейстер Ливонии, магистр орденских владений в Германии (дейчмейстер), а также земские комтуры (ландкомтуры) Австрии, Богемии (Чехии) и области «ан дер Этч» (Южного Тироля). Они-то и составили Избирательный капитул (совет), собравшийся 9 ноября 1410 г. и единогласно

избравший Генриха фон Плауэна (иной кандидатуры и быть не могло) очередным, 27-м по счету, Верховным магистром Тевтонского ордена. Был избран и новый Совет Великих повелителей, в составе:

1) Великого комтура Германа Ганса;

2) Маршала Михаэля Кюхмейстера фон Штернберга (на момент избрания все еще томившегося в польском плену в крепости Щецины северо-восточнее Кракова, откуда он был освобожден за богатый выкуп только в конце февраля 1411 г.);

3) Траппьера Альбрехта фон Тонны и

4) Тресслера Боэмунда Бренделя.

Должность пятого «гроссгебитигера» — Великого госпитальера — осталась за престарелым Вернером фон Теттингеном (единственным «Великим повелителем», уцелевшим в битве при Танненберге).

Фогтом Новой Марки был назначен Альбрехт фон дер Дубе, бывший ландкомтур Богемии. Новые кадры были назначены и на другие ответственные должности.

Необходимо отметить, что лишь немногие комтуры — например, Эбергард фон Валленфельз (комтур Торна), Ульрих Ценгер (комтур Бранденбурга), Гельферих фон Драге (комтур Рагнита) или граф Фридрих фон Цоллерн (комтур Бальги) — обладали необходимым военно-административным опытом. Им посчастливилось не принимать участие в битве при Танненберге, унесшей жизни всех других обладателей этого поистине бесценного опыта. Все прочие комтуры, получившие назначение в Пруссию, были в ней новичками и плохо разбирались в местной специфике. Комтуром в Данциг был назна-

чен младший брат нового гохмейстера, которого также звали Генрих фон Плауэн. Комтуром Швеца был назначен Фридрих фон Конштеттен, комтуром Остероде — Конрад фон Зефельн, комтуром Грауденца — Иоганн фон Бихау.

Сразу же после своего избрания новый Верховный магистр, снедаемый жаждой отмщения за поражение при Танненберге, начал лихорадочно вооружаться. Он буквально засыпал посланиями владетельных государей тогдашней Германии — Священной Римской империи — и других стран Европы, прося у них поддержки в борьбе с «язычниками и слугами дьявола». Его вооруженные силы получали все больше подкреплений в лице прибывавших из Германии «военных гостей» (крестоносцев-добровольцев) и наемников. Гохмейстера сопровождали епископы Риги (Ливонии), Вюрцбурга и Помезании, граф Геннебергский, дейчмейстер и многие другие знатные вельможи и должностные лица Тевтонского ордена. Во главе внушительного войска он вступил в Кульмскую землю, чтобы выбить немногие остававшиеся там польские гарнизоны из все еще удерживаемых теми орденских замков.

Войско польского короля стояло в Куявии. Ягелло с трудом удавалось держать под контролем своих ратников, отнюдь не горевших желанием вновь идти в бой. Король пытался в грамотах, рассылаемых им знатным «военным гостям» Тевтонского ордена, убедить их в справедливости польских политических и территориальных требований и всячески демонстрировал свое миролюбие. Усталость от войны чувствовалась в обоих противоборствующих лагерях. Генриха фон Плауэна стали со всех сторон склонять к началу мирных переговоров, «наступив на горло собственной песне». Осознав всю серьезность и безвыходность сложившейся ситуации (в памяти еще были свежи удручающие картины всеобщей измены, трусости и

обмана) гохмейстер, вопреки собственным убеждениям, был вынужден отказаться от осуществления своих далеко идущих военных планов.

9 ноября 1410 г. им было заключено первое перемирие с разорителями Пруссии. Важнейшим условием перемирия было признание «статус кво». Это означало, что орденские замки Страсбург, Реден, Нессау, Бютов и Торн пока что оставались в польских руках. Состоявшаяся 11 декабря личная встреча гохмейстера, в сопровождении орденских, чешских и силезских рыцарей, с польским королем (на эту встречу Плауэн согласился крайне неохотно) не привела к согласию относительно условий предстоящего мира. И только вмешательство Великого князя Литовского Витовта в переговоры позволило завершить их успешно. Перемирие несколько раз продлевалось, пока 1 февраля 1411 г. не произошел обмен грамотами о заключении Торуньского мира (впоследствии названного историками Первым). Договор оставлял за Тевтонским орденом большинство его довоенных владений. Иначе обстояло дело с Самогитией — областью, соединявшей прусскую часть орденского государства «мариан» с его ливонской частью. В свое время Самогития была уступлена ордену Девы Марии Литвой, но с тех пор постоянно служила яблоком раздора между литовцами и орденом. Согласно договору признавалась принадлежность Самогитии к орденскому государству, однако орден уступал эту область Литве до момента смерти короля Ягелло и князя Витовта. После их перехода в лучший мир Самогития должна была вернуться под власть Тевтонского ордена. Эти условия мира, крайне выгодные для ордена Девы Марии, выходившего из войны почти без территориальных потерь, были результатом не поражения «тевтонов» под Танненбергом, а их победы под Мариенбургом.

Однако в дополнительном договоре гохмейстер обязался выплатить неприятелям контрибуцию в сумме 100 000 «шоков» («коп») пражских грошей (в 1 «шоке» содержалось 60 грошей, или гроссов). Официально эта сумма предназначалась для выкупа пленных, томившихся в польских узилищах. Таким образом, польский король надеялся добиться того, чего он не смог добиться силой оружия, — разорить «проклятых крыжаков». В тяжелейшей финансовой ситуации, в которой оказался орден Девы Марии, уплата столь гигантской суммы наверняка означала бы его полный финансовый крах.

Денег у магистра не было, и взять их было неоткуда. Как мы помним, на землях ордена запрещалось прооживать иудеям, обычно ссужавшим светских и духовных государей Европы немалыми суммами в обмен на привилегии всякого рода. В этом отношении положение польских королей было гораздо более выгодным. Иудейские торгово-ростовщические общины в их владениях процветали, пользуясь полной национально-религиозно-культурной автономией, самоуправлением, множеством привилегий и прав. Как писал товарищ Карл Маркс:

«Торговые народы древности существовали, как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной, или, вернее, как евреи в порах польского общества» (*Маркс К.* Капитал. Т. III. Госполитиздат, 1951. С. 342).

Между прочим, по старинному сказанию, первым польским королем был избран иудей Аврам Парховник (Порховник), вскоре, впрочем, уступивший корону крестьянину Пясту — основателю древнейшей польской королевской династии! Но это так, к слову...

23. СУДЬБА ГЕНРИХА ФОН ПЛАУЭНА

Как и предчувствовал Верховный магистр Тевтонского ордена граф Генрих фон Плауэн, заключенный 1 февраля 1411 г. в орденском городе Торне «вечный мир» с Польшей и Литвой оказался на поверку типичным «гнилым компромиссом». По этому 1-му Торуньскому мирному договору Добринская земля (уступленная в 1396 г. силезским князем Владиславом Опольским Тевтонскому ордену и с тех пор являвшаяся постоянным объектом польских претензий) передавалась Польше, а вся Померания и Кульмская земля закреплялась за орденом Девы Марии. Вопрос о спорных замках Санток и Дрезденко, с прилегающими областями, передавался на рассмотрение комиссии из 12 человек, назначаемых польским королем и гохмейстером Тевтонского ордена (под верховным арбитражем папы римского).

Однако враждебность Польши и Литвы к ордену Святой Девы Марии нисколько не ослабевала, а наоборот, только усиливалась. В обоих государствах царило откровенное разочарование весьма скромными результатами блестящей победы, одержанной объединенным польско-литовским войском над армией Тевтонского ордена в 1410 г. при Танненберге. Ведь не была достигнута даже формальная цель Польши в войне — захват у ордена Восточной Померании — Померелии (не говоря уже о казавшемся, после победы при Танненберге, столь возможным и близким уничтожении прусского государства Тевтонского ордена)! Сходным образом обстояло дело и с Литвой, чей Великий князь Александр-Витовт предъявлял к ордену притязания на территории, никогда не входившие в состав литовской области Самогитии-Жемайте-Жмуди, на возврат которой, на период до смерти Витовта,

орден согласился по мирному договору (например, замок и область Мемель).

Понесенные орденом «мариан» в войне с польско-литовской коалицией потери в живой силе (в особенности что касается «братьев-рыцарей»), были невосполнимы (ни в количественном, ни в качественном отношении). Тяжелый урон был нанесен и конскому составу — поляки и литовцы разгромили знаменитые прусские конные заводы ордена, угнав множество породистых лошадей и племенных жеребцов (а рыцарь без коня — не рыцарь). В сложившейся после войны ситуации, перед лицом подавляющего военного, численного и материального превосходства неприятелей, отсутствовали стимулы, способные побудить молодых рыцарей вступать в Тевтонский орден, будущее которого представлялось крайне мрачным (или, во всяком случае, неясным). Генрих фон Плауэн неустанно искал возможности поставить силы и потенциал прусских сословий на службу возглавляемому им ордену. Он потребовал от прусских городов, светских рыцарей, городов, духовенства и ордена Девы Марии участвовать в выплате военной контрибуции Литве и Польше. С этой целью был введен всеобщий денежный налог. Против его введения активно протестовали находившиеся под верховным сюзеренитетом Тевтонского ордена прусские города, причем главным образом — самые крупные и богатые из них (в первую очередь — Данциг). В Данциге дело зашло так далеко, что горожане окружили наскоро возведенной стеной расположенный в черте города орденский замок. Отношения между Данцигом и орденом обострялись день ото дня, пока наконец 6 апреля 1411 г. орденский комтур Данцига Генрих фон Плауэн (младший брат и тезка гохмейстера) не приказал арестовать данцигских бургомистров Лецкау и Гехта, а также члена городского

совета Данцига Гросса. В ночь на 7 апреля арестованные были казнены по приказу комтура.

Заговоры и волнения происходили повсеместно, и потому гохмейстер «мариан», ради поддержания авторитета государственной власти, одобрил действия своего брата (хотя тот и не согласовал их с ним). Георг фон Визберг, орденский комтур Редена, сговорившись с предводителем «Союза ящериц(ы)» Никкелем фон Ренисом (чей изменнический уход с поля битвы при Танненберге во главе ополчения рыцарей Кульмской земли — светских вассалов Тевтонского ордена — 15 июля 1410 г. явился одной из причин поражения орденской армии при Танненберге), составил заговор с целью убить Верховного магистра. Заговор был раскрыт, и вероломный комтур приговорен к пожизненному заключению. Однако Генриху фон Плауэну стало очевидно, что далеко не все его братья по ордену готовы идти по избранному им тернистому пути великих трудов и лишений. Наоборот, враждебность к гохмейстеру в собственных рядах все нарастала и, как показал случай с комтуром Редена, гнездилась даже в среде орденского руководства.

Предводители мятежного Кульмского рыцарства, во главе с Никкелем фон Ренисом, были схвачены и сложили головы на плахе в Грауденце.

В 1412 г. в Эльбинге был сформирован Ландесрат (Земский совет) в составе 20 видных представителей знатнейших родов светских рыцарей — вассалов ордена Девы Марии — и 27 горожан, представителей крупных и мелких городов. Его целью было поставить все силы Пруссии на службу ордену. Для Плауэна интересы прусского государства Тевтонского ордена стали важнее интересов ордена как такового. Этот гордый, несгибаемый муж не обладал даром прощать лиц, виновных

перед ним и орденом Девы Марии. Гохмейстер распорядился вернуть в Пруссию всех беглецов, укрывшихся на территории Священной Римской империи. Рыцари, не выполнившие свой воинский долг в битве при Танненберге или же вступившие в соглашение и союз с поляками (как и некоторые прусские епископы), были обвинены в государственной измене и лишены своих должностей. От «орденских братьев» Плауэн требовал беспрекословного подчинения и слепого повиновения в духе основателей Тевтонского ордена. Он не всегда находил общий язык с подчиненными. Между Верховным магистром и вверенным ему орденом росло отчуждение. Плауэн все больше опирался на своего брата, родственников и друзей его могущественного семейства. Не доверяя больше никому и постоянно опасаясь за собственную жизнь, он, к концу своего правления, был даже вынужден окружить себя телохранителями, чего до него не делал ни один Верховный магистр

Все его мысли и дела были направлены на спасение Пруссии. Уже к осени 1411 г. стало совершенно ясно, что выплата требуемой военной контрибуции литовцам и полякам не только разорит орденское государство, но и всецело подчинит его польскому влиянию. К 10 марта 1411 г. был выплачен 1-й, а к 24 июня — 2-й транш подлежащей уплате суммы контрибуции. Однако поляки не освободили пленных, и потому гохмейстер отказался выплатить 3-й транш (подлежавший выплате к 11 ноября того же года). В ответ на польские угрозы Плауэн запланировал 25 июля 1412 г. в союзе с Венгрией напасть на Польшу. Однако по рекомендации маршала вместо этого в венгерском городе Офене (Буде) состоялись, при посредничестве короля Венгрии Сигизмунда Люксембургского, мирные переговоры, не приведшие к удовлетворительным для ордена результатам. Мало того! Ордену Девы Марии были предъяв-

лены новые финансовые требования. На этот раз их предъявил его недавний союзник — король венгерский Сигизмунд фон Люксембург, потребовавший денежной компенсации за свое посредничество. Оправдались худшие опасения гохмейстера, не ожидавшего от мирных переговоров ничего хорошего и прозорливо предупреждавшего маршала: «Вы ведь хорошо знаете поляков, и хорошо знаете, что верить им нельзя».

В этой ситуации Генрих фон Плауэн, не видя иного выхода, кроме войны, принял решение описать сложившееся положение и тем самым обосновать избранный им образ действий в оправдательном послании, адресованном светскому рыцарству и городам Пруссии, а также владетельным государям Священной Римской империи. Гохмейстер приказал усилить укрепления Мариенбурга (при этом были, в частности, возведены новые бастионы для «огненного боя» на восточной стороне замкового комплекса). Одновременно Плауэн старался усилить артиллерийское вооружение всех орденских замков.

Кроме того, гохмейстер, невзирая на расходы, навербовал большое число наемников (в основном, как обычно, славян — чехов и силезцев). Свои вооруженные силы Генрих фон Плауэн разделил на три отряда.

Командовать первым отрядом он назначил Великого комтура графа Фридриха фон Цоллерна — одного из своих немногих верных друзей и участника битвы при Танненберге, никогда не забывавшего этот трагический день. Фридрих фон Цоллерн был в описываемое время одним из немногих «гебитигеров», много лет верно служивших ордену Девы Марии. В 1389 г. граф фон Цоллерн стал компаном комтура Бранденбурга, а впоследствии — компаном маршала ордена. В 1402 г. он стал фогтом Диршау, затем — комтуром Рагнита, а в 1410 г. — комтуром Бальги.

Во главе второго отряда орденского войска гохмейстер Плауэн поставил своего брата Генриха фон Плауэна (упоминавшегося выше комтура Данцига).

Во главе третьего — своего двоюродного брата и соратника по обороне Мариенбурга, которого тоже звали Генрих фон Плауэн!

Момент для нападения был выбран очень удачно. Именно в описываемое время Ягелло и Витовт праздновали в Городле на Буге заключение польско-литовской Городельской унии. Гохмейстер не мог лично возглавить орденское войско, выступившее в поход. Внезапный приступ болезни приковал его к постели в Мариенбурге. Цель начавшегося осенью 1413 г. военного похода заключалась в опустошении польского и мазовецкого приграничья. «Тевтоны» попытались взять приступом несколько укрепленных городов, но овладеть ими не смогли. На 11-й день похода его верховный предводитель, маршал ордена Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг, самочинно приказал орденскому войску отступить. Он действовал как глава одной из партий, на которые раскололся Тевтонский орден — партии, находившейся в оппозиции к гохмейстеру фон Плауэну, партии сторонников мира любой ценой. Гохмейстер, несмотря на болезнь, назначил на 14 октября в Мариенбурге заседание Верховного совета ордена, на котором собирался призвать маршала к ответу. Но и маршал не дремал. В качестве контрмеры он, при содействии дейчмейстера (!) и ливонского ландмейстера (!), строил планы отрешения Верховного магистра от должности. Заговорщики предварительно заручились поддержкой 73 «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. Они объявили Генриха фон Плауэна (по-прежнему прикованного к одру болезни) отрешенным от должности, отняв у него знаки гохмейстерской власти (включая знаменитое кольцо Вер-

ховного магистра, украшенное рубином и двумя алмазами). Плауэна обвинили в разжигании войны, в нарушении духа и буквы устава Тевтонского ордена и в разорении орденского государства непомерными налогами и поборами. Большинство этих обвинений было высосано из пальца и могло быть легко опровергнуто, но этого никто не сделал. В действительности дело было в том, что попытки реформ, предпринятые Плауэном, ущемляли сиюминутные «шкурные» интересы эгоистичных, недальновидных, живших только сегодняшним днем «орденских братьев».

После низложения бывшего гохмейстера на какое-то время, по его собственному желанию, назначили комтуром Энгельсбурга. Однако 7 января 1414 г. Плауэна заставили публично заявить о своем — якобы добровольном! — отказе от должности Верховного магистра. Когда 9 января Верховным магистром был избран вероломный заговорщик Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг, Генрих фон Плауэн был принужден присягнуть изменнику и кознодею в верности. Генриха фон Плауэна Младшего (брата низложенного гохмейстера) сместили с поста комтура Данцига и назначили на малозначительный пост смотрителя орденского странноприимного дома в Лохштедте. В Лохштедте тот попытался собрать вокруг себя сторонников низложенного гохмейстера и восстановить его в должности, при помощи иноземных государей (в том числе даже при поддержке польского короля, которому очередная смута в стане «проклятых крыжаков» была только на руку). Однако среди заговорщиков нашелся изменник. Заговор был раскрыт, многие из его участников арестованы. Самому Генриху фон Плауэну Младшему, обвиненному в измене и заочно приговоренному к смерти, удалось бежать в Польшу, где он, в белом орденском плаще с черным «тевтонским» крестом, был

с почетом принят, в присутствии всех можновладцев (магнатов) королевства, самим королем польским, не оказавшим, однако, беглецу из Лохштедта никакой реальной помощи. Дальнейшая судьба Генриха фон Плауэна Младшего покрыта мраком неизвестности.

Хотя бывший гохмейстер Генрих фон Плауэн не был лично причастен к заговору, организованному Плауэном Младшим, он был схвачен по обвинению в измене Верховному магистру и ордену и брошен за решетку. Мариенбургскому герою пришлось просидеть 7 лет в данцигской, а затем — еще 3 года в бранденбургской тюрьме,

С момента отрешения фон Плауэна от должности Верховного магистра вся военно-политическая история Тевтонского ордена в Пруссии пошла под уклон. Прежняя орденская структура уже давно не отвечала духу времени и, как выяснилось, не имела в Пруссии прочных корней. Только этим можно объяснить крах всех орденских структур после сражения при Танненберге. Попытка Плауэна повести орден и подчиненную ордену Пруссию путем реформ, ведя одновременно вооруженную борьбу за независимость, была единственной возможной альтернативой...

Низложение Верховного магистра было чем-то дотоле неслыханным в истории Тевтонского ордена Святой Девы Марии. Это событие продемонстрировало всему миру (и в первую очередь — польскому королю), что рушатся прежние основы могущества ордена — дисциплина, послушание, порядок. Надежды «гроссгебитигеров» успокоить поляков и удержать их от враждебных действий низложением гохмейстера фон Плауэна, железная воля и несгибаемый характер которого спасли Тевтонский орден от неминуемой гибели после поражения при Танненберге, оказались тщетными. В 1414 г.

король Ягелло развязал против ордена Девы Марии очередную войну.

Новый Верховный магистр Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг не осмелился выйти в поле на бой с Ягелло. Войска «мариан» остались за стенами укрепленных орденских замков.

Оттуда они, особенно в ясную погоду, могли наблюдать за тем, как польские интервенты в очередной раз жгут города и села, пытают, убивают и угоняют в полон население. Поляки разрушили Алленштейн, Гейльсберг, Ландсберг, Крейцбург, Христбург и Мариенвердер, отстроенные незадолго перед этим с таким трудом. Мало того! Часовня, возведенная по приказу Генриха фон Плауэна в 1411 г. на поле Танненбергской битвы «ради спасения души и упокоения в мире всех восемнадцати тысяч павших на этом поле христиан (то есть не только «тевтонов», но и их противников!)», была сначала разграблена, а затем разрушена польскими ратниками. При этом стал жертвой огня «образ Пресвятой Девы Марии неописуемой красоты».

При ТАКОМ руководстве Тевтонскому ордену не оставалось ничего другого, кроме подписания унизительного мира, чреватого для него ощутимыми территориальными потерями. 10 марта 1422 г. Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг отказался от должности Верховного магистра. Его преемник на этом посту, Пауль фон Русдорф (1422—1441), приказал 28 мая 1429 г. освободить тяжело больного Генриха фон Плауэна из заключения. Ровно через 7 месяцев, 28 декабря 1429 г., герой Мариенбурга перешел в лучший мир. И — странное дело — мертвому герою Тевтонский орден оказал те почести, в которых отказывал ему при жизни. Его бренные останки, накрытые белым гохмейстерским плащом, были погребены в мари-

енбургской часовне Святой Анны — усыпальнице Верховных магистров — рядом с прахом героя Танненберга Ульриха фон Юнгингена...

Однако упокоиться в Мариенбурге навечно его защитнику все-таки не пришлось. В 2007 г., по сообщениям в польской и немецкой прессе, польские археологи обнаружили в крипте собора Квидзина (древнего Мариенвердера) прах нескольких сановников Тевтонского ордена, судя по сохранившимся на скелетах остаткам дорогих шелковых тканей и аксессуарам (застежкам и т.д) из драгоценных металлов. В результате антропологических анализов и анализа ДНК археологи пришли к мнению, что три скелета из числа найденных в крипте принадлежали Верховным магистрам ордена Девы Марии — Вернеру фон Орзельну (1324—1330), Лудольфу Кёнигу (1342—1345) и... Генриху фон Плауэну (1410—1413)...

В 1430 г. скончался Великий князь Литовский Александр-Витовт. В 1434 г. за Витовтом последовал в мир иной его двоюродный брат — польский король Владислав II Ягелло (король, правление которого оказалось самым продолжительным в истории польской монархии). Ни один, ни другой не дожили до окончательного крушения власти ордена Девы Марии над Пруссией, но оба ясно сознавали, что своей победой над орденским войском при Танненберге создали для этого главную предпосылку.

Вследствие всех перечисленных выше военно-политических и финансовых проблем орден Приснодевы Марии оказался настолько ослаблен, что против него взбунтовались его же собственные подданные — немецкого происхождения! — горожане и — самое главное! — рыцари-вассалы ордена Девы Марии (еще до танненбергского разгрома основавшие упоминавшийся выше тайный «Союз Ящериц(ы)», стремившийся

к свержению орденской власти), объединившиеся с другими сословиями орденского государства, в том числе с мятежным бюргерским «Союзом городов», в так называемый «Прусский союз», захватившие изменой большинство орденских замков и призвавшие на помощь польского короля.

Неверные вассалы Тевтонского ордена, во главе которых встал рыцарь Ганс фон Байзен, стремились заменить для себя твердую орденскую власть польско-литовский «шляхетной вольностью». Горожане, недовольные возросшими поборами, необходимыми для выплаты Польше и Литве контрибуции, и недопущением их к управлению государственными делами, также восстали против власти ордена (после того, как гохмейстер Генрих фон Плауэн, попытавшийся удовлетворить их требования и привлечь бюргеров к управленимю государством, столкнулся с «непримиримой оппозицией» в лице орденских рыцарей, был отрешен от власти и заключен в узилище).

Следует заметить, что и «братья-рыцари» Тевтонского ордена стали к описываемому времени уже не те, что прежде. Со временем они стали предъявлять к орденскому руководству все большие требования касательно уровня жизни (хотя при вступлении в орден, по старой памяти, приносили обет нестяжания, то есть клялись перед Богом и Девой Марией жить в бедности, как то приличествует монахам). Дело дошло до того, что Верховному магистру Конраду фон Элльрихсгаузену (именуемому во многих источниках Эрлихсгаузеном) даже пришлось ввести в орденский устав отдельный пункт, дозволявший должностным лицам ордена держать охотничьих соколов, а простым «братьям-рыцарям» — собак. Мало того! Пришлось также издать официальный запрет «братьям-рыцарям» брать собак с собой в церковь! Если

«братья-рыцари» не получали достойного, по их мнению, содержания, приличного их дворянскому статусу, они могли теперь обращаться к своим влиятельным родственникам, нередко оказывавшим соответствующее давление на дейчмейстера, ландмейстера Ливонии и даже на самого гохмейстера ордена Девы Марии!

Уже недалек был тот день 1454 г., в который чешские и силезские наемники, защищавшие Мариенбург от поляков и давно не получавшие причитавшееся им жалованье, взбунтовались и продали замковый комплекс (заложенный им гохмейстером в счет будущего жалованья) полякам. Гохмейстер Людвиг фон Элльрихсгаузен, обобранный наемниками до нитки, был вынужден спасаться бегством из Мариенбурга, служившего на протяжении 148 лет резиденцией семнадцати Верховным магистрам Тевтонского ордена. Город Мариенбург был сдан взбунтовавшимися горожанами войскам «Прусского союза» (изменник Ганс фон Байзен к тому времени уже получил от польского короля должность «губернатора» Пруссии). Мариенбургский бургомистр Варфоломей (Бартоломеус) Блуме, сохранивший верность ордену, был четвертован, его соратники по городскому совету — также четвертованы или обезглавлены. Отныне резиденцией гохмейстеров стал Кёнигсберг. Впоследствии, по условиям подписанного в 1466 г. 2-го Торнского (Торуньского) мирного договора, ордену Девы Марии пришлось уступить Польше всю Восточную Пруссию.

Пока же этот черный для Тевтонского ордена день еще не наступил. Но войны с взбунтовавшимися подданными и польско-литовской коалицией осложнялись вторжениями в орденские земли войск еретиков-гуситов — «страха и ужаса» всей тогдашней Центральной и Западной Европы.

24. «ПОСЛЕДНИЙ АККОРД»

Как ни странно, «благочестивейший» польский король, правоверный католик Владислав Ягайло заключил с многократно проклятыми римскими папами еретиками-гуситами союз и пропустил через свои земли их отряды, в июле 1430 г. огнем и мечом опустошившие, при поддержке польских войск, орденские владения Неймарк и Помереллию, взяв штурмом города Фридеберг, Вольденберг, Ландсберг, Сольдин, Кониц, Тухель, Диршау. Взбунтовавшиеся подданные Тевтонского ордена из «Союза городов» и «Прусского союза» также не гнушались нанимать на службу еретиков-гуситов.

Хронический денежный голод не позволял Верховному магистру Тевтонского ордена не только навербовать необходимое число наемников, но и выплатить жалованье тем 6000 наемных воинов, которые доверились его честному рыцарскому слову и теперь во весь голос требовали причитавшихся им денег.

Приведенный в отчаяние их все более настоятельными требованиями, гохмейстер Пауль фон Русдорф столкнулся с отказом многих городов и замков, формально сохранивших ему верность, выставить отряды ополченцев и предоставить средства, необходимые для продолжения войны. Данцигские «отцы города» согласились вывести в поле ополчение лишь в том случае, если его возглавит сам гохмейстер. Между тем гуситы и поляки не заставили себя долго ждать и осадили Данциг. Город им, однако, взять не удалось. Спалив Оливский монастырь, они опустошили орденские владения огнем и мечом до самого устья Вислы и вышли на берег Балтийского моря. Там главарь гуситов Чапко поздра-

вил своих ратников с тем, что привел их наконец «на край земли». В память об этом знаменательном событии более 200 знатных поляков и чехов были прямо под открытым небом посвящены на балтийском побережье в рыцари.

Мало того — в рыцари был посвящен и сам предводитель еретиков, отлученный папой римским от Церкви еретик Чапко! После чего гуситы, испустив победный клич, наполнили свои походные фляжки водой из Балтийского моря, чтобы доставить домой сей зримый знак победоносного завершения своего Великого похода. Все это весьма напоминает историю о Чингисхане и Батые, тоже мечтавших привести свои орды к «последнему морю». Несколько странным выглядит лишь не в меру активное участие «христианского рыцарства» польского короля-католика, верного сына Римской церкви, и недавно «окрещенной» Литвы в «Великом походе» отлученных от Церкви гуситов, чьи ересиархи Ян Гус и Иероним Пражский были осуждены и сожжены по постановлению Констанцского собора Римско-католической церкви (соответственно, в 1415 и в 1416 г.).

Для борьбы со своими восставшими подданными, составлявшими до сих пор основную военную силу Тевтонского ордена, Верховный магистр уже не мог призвать на помощь иноземных крестоносцев, готовых обнажить меч только против язычников, но уж никак не против своих собратьев по вере, да еще и вчерашних орденских вассалов! Пришлось опять прибегнуть к помощи наемников, которые обходились все дороже. В результате орденская казна была окончательно опустошена.

Когда Тевтонский орден стал одолевать, бунтовщики обратились за помощью к польскому королю Казимиру IV из

рода Ягеллонов и навели на Пруссию поляков. Вспыхнувшая война с заметно укрепившимся после танненбергского разгрома «мариан» Польским королевством способствовала дальнейшему развитию охватившего орденское государство в Пруссии острейшего социального кризиса. Началась так называемая Тринадцатилетняя война (1454—1466).

Ее начало было ознаменовано неожиданно — прежде всего для поляков! — блестящей победой орденской армии. 18 сентября 1454 г. знамена Тевтонского ордена Девы Марии стали свидетелями сокрушительного разгрома войск польского короля Казимира IV Ягеллончика (1447—1492) объединенной армией Тевтонского ордена под командованием очередного... Генриха фон Плауэна (!) в битве при Конице. Этот Генрих фон Плауэн был тезкой, однофамильцем и родным племянником усопшего в 1413 г. гохмейстера (и сам впоследствии, в 1467—1470 гг., являлся Верховным магистром Тевтонского ордена). В битве при Конице поляки потеряли только убитыми 3000 человек, в том числе королевских маршалка и канцлера, десятки капитанов (воевод), сотни рыцарей и шляхтичей. В руки «тевтонов» попало знамя Польского королевства (которое полякам на этот раз не удалось отбить обратно — в отличие от битвы при Танненберге)! Самому королю Казимиру пришлось искать спасения в бегстве. В руки орденских войск попала вся польская артиллерия и весь польский обоз — 4000 возов с провиантом, казной, вооружением и снаряжением всякого рода...

Если бы тевтонским рыцарям удалось нанести полякам столь тяжелое поражение 40 годами ранее, оно уравновесило, а может, даже перевесило бы по своему значению поражение ордена под Танненбергом. Но... история не зна-

ет сослагательного наклонения. Время было безвозвратно упущено, и победа при Конице осталась всего лишь отдельным (хотя и героическим) эпизодом в истории войны ордена Девы Марии не столько с внешним, сколько с внутренним врагом (своими собственными неверными вассалами)...

Конец Тринадцатилетней войне был положен заключением 2-го Торуньского мира (1466), закрепившего окончательную утрату Тевтонским орденом господства над львиной долей своих владений, расположенной в Пруссии, сведение численности орденского войска к минимуму и превращение союзных Польши и Литвы в доминирующий военно-политический фактор во всем Прибалтийском регионе.

На этой печальной (для «мариан») и радостной (для поляков и литовцев) ноте мы и закончим наше повествование о героях Танненберга, ибо судьба прусского государоства Тевтонского ордена становилась все менее завидной, пока не перешла в агонию, растянувшуюся еще почти на столетие — до 1525 г., в котором Верховный магистр ордена Пресвятой Девы Марии, Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах, отчаявшись получить поддержку от кого бы то ни было, признал себя вассалом польского короля, отрекшись от римско-католической веры, перейдя в протестантизм, в его лютеранской форме, и превратив прусские владения преданного им Тевтонского ордена в вассальное по отношению к Польскому королевству светское Прусское государство, превратившееся в герцогство, а со временем — и в королевство, Пруссию, которая, в свою очередь, приняв в конце XVIII в. вместе с Австрийской и Российской империями участие в трех разделах Польши, завладела обширными польскими землями и городами (включая Варшаву,

перешедшую к России уже после завершения Наполеоновских войн). А Тевтонский орден продолжал существовать в форме мелких владений, разбросанных по всей Священной Римской (а впоследствии — Австрийской) империи. Существует он, возвратившись к своей исконной, чисто клерикальной, форме госпитальерского братства, возглавляемого Верховными магистрами монашеского звания, и по сей день. Но это уже совсем другая история…

Здесь конец и Господу нашему слава!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

БОЕВАЯ ПЕСНЬ «БРАТЬЕВ» ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Оригинальный немецкий текст этой старинной тевтонской орденской песни-псалма, сочиненной в XIII в., мы приводим в том виде, в каком она вошла в так называемый «Глогауский песенник» (нем.: «Глогауэр Лидербух», Glogauer Liederbuch), датируемый 1480 г.:

Christ ist erstanden
Von der Marter alle.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein.
Kyrieleis.

Waer er nicht erstanden,
So waer die Welt vergangen,
Seit dass er erstanden ist,
So lobn wir den Vater Jesu Christ.
Kyrieleis.

Halleluja,
Halleluja,
Halleluja.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein —
Kyrieleis.

Перевод на русский язык:

Христос Воскресе
После всех мучений.
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.
Кирие элейсон (греч.: Господи, помилуй)!

Если бы он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Кирие элейсон!

Аллилуия (Хвалите Бога),
Аллилуия,
Аллилуия!

Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Кирие элейсон!

Приложение 2

Вольфганг Акунов

О «БРАТЬЯХ» ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

«Братья-рыцари»

Основную ударную силу орденского войска «мариан» составляли тяжеловооруженные «братья-рыцари» («белые плащи»), сражавшиеся преимущественно в конном строю.

По крайней мере так было в начальный период пребывания ордена Пресвятой Девы Марии в Палестине, где главными противниками «тевтонов» выступали арабские и тюркские наездники-мусульмане (сарацины), и в Седмиградье (Трансильвании), где «Божиим дворянам» пришлось иметь дело с легкой конницей куманов (половцев), от которых «тевтонам», приглашенным венгерским королем Андреем II (Андрашем, Эндре), надлежало оборонять границы Венгрии.

Но в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация во многом изменилась. Кстати, такая возможность была предусмотрена и статьей 22-й орденского Устава тевтонов «О том, что относится к рыцарству», в которой, в частности, говорилось: «Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов

Креста и Веры, то в зависимости от разнообразия земель и обычаев и нападения врагов надлежит сражаться разным оружием и разными способами...»

Действительно, местность в Пруссии, Литве и Лифляндии (Ливонии), изобиловавшая густыми лесами, болотами и реками, была не слишком пригодной для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от классического ведения рыцарями военных действий на территории Святой земли и Европы (преимущественно конного), тевтонским «братьям-рыцарям» часто приходилось вести бой пешими и биться нередко нетипичным для рыцарей оружием. Так, например, «брат-рыцарь» Генрих фон Таупадель (разумеется, прекрасно владевший копьем, мечом, топором, шестопером и булавой), особенно прославился своей меткой стрельбой из «(ручной) баллисты», то есть из самострела, «куши», или арбалета (хотя в составе войска ордена имелись наемные арбалетчики и лучники — как, впрочем, и отличная наемная пехота и легкая кавалерия — «туркополы», подчинявшиеся, как и в ордене иоаннитов-госпитальеров, особому орденскому должностному лицу — туркопольеру).

Согласно орденскому летописцу Петру из Дусбурга, при осаде орденского замка Шёнензе вождем прусского языческого племени бартов Диваном (Диване): «...брат Арнольд Кроп выстрелом из баллисты прострелил горло упомянутому Дивану. Остальные ни с чем ушли».

А при штурме прусскими язычниками замка Кёнигсберг «...один брат среди прочих оборонявшихся был вынужден бросить заряженную баллисту и едва спасся бегством. Подняв эту баллисту, один самб повесил ее себе на шею. Другие, окружив его, чрезвычайно дивились тому, что это такое, ибо раньше такого не видели, и прикасались к ней руками в

разных местах; наконец, когда кто-то нажал на спуск, струна (тетива. — *В.А.*) баллисты перерезала ему горло, так что вскоре он умер. Поэтому пруссы с тех пор очень боялись баллист».

Еще недавно даже многие историки (недооценивавшие значение постоянной физической тренировки и непрерывного военного обучения) считали, что «неповоротливые» средневековые рыцари якобы физически не способны сражаться в пешем строю (по причине тяжести доспехов). Необходимо заметить, что это очень старое заблуждение. Еще в XIII в. жертвой подобных ложных представлений пал князь («принцепс», получивший впоследствии титул «дукс», dux, то есть «герцог») Поморский (Померанский) Святополк (Свантеполк), бывший союзник Тевтонского ордена в борьбе с язычниками-пруссами, со временем изменивший ордену и даже возглавивший восставших против ордена пруссов (чтобы со временем предать и их и снова переметнуться на сторону «тевтонов»; а брат Святополка, князь Ратибор, даже вступил в Тевтонский орден).

Недооценка боевой выучки и физических способностей «мариан» дорого обошлась поморскому князю. Орденский хронист брат Петр из Дусбурга так писал о битве, в которой «тевтоны» нанесли просчитавшемуся «дуксу» Святополку тяжелое поражение:

«Но Свантеполк, полагая, что братья (тевтонские рыцари. — *В.А.*) не собираются бежать, повелел тысяче лучших бойцов своего войска спешиться, наставляя их, чтобы они с превеликим шумом и гамом напали на братьев и, встав под прикрытием щитов, своими копьями пронзили бы коней христиан, говоря: “На них тяжелые доспехи, и они не могут сражаться пешими”».

Между тем ход сражения показал, что Святополк жестоко просчитался. Его войско было наголову разгромлено «марианами», даже лишившимися своих боевых коней.

В период пребывания Тевтонского ордена в Святой земле европейские боевые кони были редкостью. «Братья» ордена Приснодевы Марии вынуждены были пользоваться низкорослыми лошадями местных сирийских пород (так называемыми «туркоманами»), а нередко даже сражаться в пешем строю. Большую помощь ордену оказали легкоконные отряды туркополов, вербовавшиеся первоначально из сирийских и палестинских христиан, а в впоследствии — из осевших в Святой земле «франков», перенявших у арабов, сирийцев, армян и турок их коней, вооружение и военную тактику.

Во владениях Тевтонского ордена (в том числе — в Пруссии) имелись превосходные по тем временам конные заводы. Боевые кони «тевтонов» являлись результатом тщательной селекции, направленной на соединение качеств лошадей арабских пород, с которыми «мариане» познакомились и ценить которых они научились еще в палестинский период существования ордена, и европейских тяжеловозов. Конь не должен был бояться противника, а наоборот, бросаться на него и бить неприятельских коней и воинов передними ногами, вставая на дыбы. Главный недостаток рыцарских коней заключался в их быстрой утомляемости. Они были не способны к быстрой скачке галопом, предпочитая двигаться медленным шагом или рысью. Непоправимый урон прусским конным заводам — залогу боевой мощи орденской кавалерии — был нанесен литовско-польским войском после поражения орденской армии при Танненберге летом 1410 г. Конные заводы подверглись разгрому и опустошению, множество чистокров-

ных лошадей угнано в Литву и Польшу. Впрочем, пока что до этого было еще далеко...

Передвижение рысью, особенно мучительное для всадника, считалось у «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» Тевтонского ордена суровым наказанием. Час движения рысью в полном боевом вооружении был для них настоящей мукой. Хорошо известно, однако, что они садились на боевых коней только в самый последний момент перед сражением, передвигаясь до этого на других, походных лошадях, обычно местной низкорослой прусской породы (так называемых «швейках» или «шейках»). Для перевозки оружия, имущества и припасов использовались еще менее ценные вьючные лошади.

«Братья-рыцари» Тевтонского ордена Святой Девы Марии отличались высоким боевым духом и в плен обычно не сдавались (во всяком случае, врагам Христовой Веры; впрочем, те их обычно в плен и не брали, предпочитая сжигать живьем на кострах или, вспоров им животы, водить вокруг дерева, наматывая кишки Христовых воинов на древесный ствол, пока истязуемый не отдавал Богу душу). Среди них было распространено поверье, согласно которому каждый «тевтон», павший в бою за веру, причислялся к воинству небесному, то есть становился ангелом (замещая одного из ангелов, совращенных в начале времен Сатанаилом-Сатаной, увлекшим треть небесного воинства на бунт против Бога, понесшим поражение от архистратига архангела Михаила и низвергнутого со своими приспешниками в ад кромешный, где они превратились в бесов). Поэтому воины ордена Девы Марии шли в бой без особого страха (во всяком случае, в эпоху классического религиозного сознания), зная, что в случае мученической смерти на поле брани пополнят собой число ангелов. Они придерживались строгой

монашеской дисциплины и по пятницам обязательно бичевали себя сами или друг друга — в память Крестных мук Спасителя.

Как мы уже упоминали выше, орденское облачение «мариан» строго регламентировалось Уставом. Так, «братья-рыцари» (лат.: «фратрес милитес», fratres milites, нем.: «риттербрюдеры», Ritterbrueder) в мирное время носили длинный белый кафтан (котту или якку) в военное время — более короткое полукафтанье (сюрко) без рукавов, а поверх него — плащ (мантию), и то и другое — белого цвета. В военном походе кафтан (полукафтанье) и плащ надевали поверх доспехов. На своей белой военной одежде и белых плащах тевтонские рыцари носили орденскую эмблему — прямой (позднее — лапчатый) черный «латинский» (с более длинным нижним лучом) суконный крест, пришивавшийся слева на плащ напротив сердца и на грудь кафтана (полукафтанья).

Поэтому неудивительно, что греческий путешественник из Восточной Римской империи (Византии) Ласкарис (Ласкарь) Канан, совершивший в начале XV в. самое дальнее путешествие в страны Западной Европы (включая даже Исландию, которую он, вслед за античным географом Клавдием Птолемеем, именовал «Фулой», или «Туле»), совершенное когда-либо византийцами, описывая Ливонию (где он посетил, в частности, города Ригу и Ревель), подчеркивал, что городами управляет архиепископ, а страной — «дукс (лат.: dux — полководец, воевода, отсюда титул вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини — «дуче», duce. — *В.А.*) — великий магистр белых одеяний и черного креста.

Черный орденский крест украшал также белые орденские знамена, флажки-прапорцы на копьях, щиты, а в некоторых случаях — также шлемы и белые попоны боевых коней.

Каждый «брат-рыцарь» обязан был иметь трех лошадей (для боя и для перевозки поклажи) и одного конного оруженосца. В соответствии с требованиями орденского устава, каждый тевтонский «брат-рыцарь» был оснащен всем необходимым вооружением — прочным, удобным, но безо всяких узоров или украшений (на последнее обстоятельство обращал особое внимание еще Бернар Клервосский в своей «Похвале новому рыцарству», обращенной в первую очередь к тамплиерам, но служившей руководством и для других военно-монашеских орденов «Церкви воинствующей»). Обычный набор рыцарского вооружения включал длинное копье с древком из ясеня, граба, пихты или яблони, обоюдоострый меч, кинжал и булаву (а иногда еще и шестопер-пернач, боевой топор, или секиру).

Защитное вооружение «брата-рыцаря» Тевтонского ордена в период войн в Святой земле, Трансильвании, Пруссии, Литве и Ливонии включало клепаный шлем с наносником, защищавшим в бою лицо рыцаря от ранений, и кожаным подшлемником, стеганой суконной шапкой или кольчужным колпаком, амортизировавшим удары (вытесненный со временем, хотя и далеко не повсеместно, горшковидным шлемом с глухим забралом и прорезями для глаз), длинной кольчуги с рукавами, кольчужных чулок с металлическими наколенниками (нередко — с кольчужными башмаками), иногда — кольчужных или латных рукавиц, а также щита — в описываемую эпоху преимущественно треугольного или каплевидного (миндалевидного).

Шлем удерживался на голове прочными кожаными завязками. Щит, изготовленный из прочных досок, обтянутый толстой кожей и обитый металлическим ободом, был оснащен системой кожаных ремней, позволявших удерживать его либо на руке, либо на плече. Обычно щит был белого цвета с

черным орденским крестом (форма которого не была единообразной в течение всего периода существования Тевтонского ордена, а периодически изменялась под влиянием моды и иных обстоятельств), но имели место и исключения из этого правила.

Так, например, дошедший до наших дней щит гохмейстера «мариан» Карла Трирского (фон Трира) имел форму сужающегося книзу овала, был не белого, а красного цвета, с желтым ободом (украшенным выполненной черными литерами латинской надписью следующего содержания: «Щит и шлем магистра ордена тевтонских братьев»), с изображением увенчанного шлемом должностного герба Верховного магистра). Впрочем, существует представляющееся вполне обоснованным мнение, что этот богато украшенный щит был не боевым, а исключительно парадным (церемониальным).

Составляя со своим боевым конем единое целое, устремив вперед зажатое под мышкой копье, «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской были способны, во славу Христовой веры и своей Небесной Покровительницы, пробить самую прочную неприятельскую броню.

По Уставу Тевтонского ордена его членам (подобно тамплиерам и госпитальерам) строжайше воспрещалось носить какие-либо украшения. Тем не менее со временем к этим запретам стали относиться более снисходительно, чем в первые, суровые века существования ордена Пресвятой Девы Марии. Так, при описании Танненбергской битвы 15 июля 1410 г. польский историк Ян Длугош упоминает, что рыцарь ордена Приснодевы Марии Диппольд Кикериц фон Дибер (напавший на самого польского короля Владислава Ягелло), в белом тевтонском плаще, был с головы до ног облачен в богато укра-

шенные доспехи и препоясан золотой перевязью. У самого гохмейстера Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена, павшего в этой битве, на груди поверх лат висел на золотой цепи золотой же ковчежец со святыми мощами, а по другой версии — даже с частицей Святого Истинного Креста (якобы делавший его неуязвимым для неприятельского оружия; по легенде, сразить его удалось только еще более священной реликвией — Голгофским копьем сотника Лонгина, которым тот внекогда пронзил ребро распятого на кресте Богочеловека, каким-то таинственным образом доставленным на поле битвы из Кракова, где оно хранилось с того времени, как было подарено римско-германским императором Оттоном III из династии Салиев своему вассалу Болеславу Храброму, правителю Польши), и т.д.

«Братья-сарианты»

«Братья-сарианты» («услужающие братья», лат.: «фратрес сервиентес» или «фратрес сарианди», нем.: «сариантсбрюдер», «диненде брюдер» или просто «динер» — буквально: «слуги») именовались в просторечии «серыми плащами» (нем.: «граументлер»), поскольку вместо белого «господского» плаща «братьев-рыцарей» («герренмантеля») носили поверх одежды длинный плащ без рукавов серого цвета (нем.: «сариантсмантель»).

Под серым плащом «сарианты» носили в мирное время длинный серый «конвентуальный» кафтан, а в военное время — серое полукафтанье-«ваффенрок» (становившееся, с течением времени, все короче, как и белое полукафтанье тевтонских «братьев-рыцарей»), надевавшееся поверх доспехов. Комплект обмундирования «братьев-сариантов» был анало-

гичен упомянутому выше рыцарскому (вплоть до утепленных «зимних» вариантов одежды, подбитых овчиной или козьим мехом).

Летом утепленные «зимние» плащи и полукафтанья сдавались на хранение ризничему («драпьеру» или «трапьеру», нем.: Drappier, Trappier) ордена; взамен них выдавались «летние» варианты тех же элементов орденского облачения.

Говоря об орденском облачении «братьев-сариантов», нам представляется необходимым подчеркнуть следующее обстоятельство.

Существует широко распространенное (как за рубежом, так и у нас в России) и глубоко укоренившееся (но от того не менее ошибочное) представление, будто бы «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили на своих серых плащах и военных полукафтаньях (а согласно представлениям иных историков и особенно художников — даже на щитах, шлемах и конских попонах!) не «полный» (четырехконечный) черный орденский крест, а «половинный», «половинчатый» или «Антониев» крест в форме буквы «Т» (по-гречески эта буква именуется «Тау», в связи с чем и означенный «полукрест» порой именуется «Тау-крестом»). Автор настоящей книги должен покаяться перед уважаемыми читателями в том, что и сам долгое время разделял это ошибочное мнение.

В действительности тевтонские «братья-сарианты», подобно «братьям-рыцарям» и «братьям-священникам», вступавшие в орден Пресвятой Девы Марии вместе со всем своим движимым и недвижимым имуществом, приносившим те же три монашеских обета нестяжания (бедности), послушания и целомудрия (безбрачия), являлись полноправными членами ордена (хотя и не благородного происхождения — в отличие большинства — но не всех! — тевтонских «братьев рыцарей»)

и потому с полным на то правом носили на своих серых плащах и военных полукафтаньях (а также щитах, выкрашенных не в серый, а в тот же самый белый цвет, что и у «братьев-рыцарей») отнюдь не «полукрест», а «полный» черный орденский крест. «Тау-крест» носили на одежде не «сарианты», а «полубратья» (лат.: «семифратеры», нем.: «гальббрюдер») Тевтонского ордена, представлявшие собой совершенно иную категорию.

«Полубратья»

«Полубратьями» («гальббрюдерами», «семифратерами»), как мы уже знаем, именовались лица, вступавшие в орден Девы Марии вместе со всем своим имуществом и приносившие три вышеупомянутых монашеских обета, но не обязанные ордену военной службой, а посвящавшие себя хозяйственной деятельностью в орденских имениях и факториях (земледелию, скотоводству, торговле — например, янтарем, рыбой, зерном или скотом в прусских владениях ордена, и т.д.). Эти тевтонские «хозяйственники» носили одежду такого же серого цвета, что и «братья-сарианты», но иного покроя — кафтаны, более короткие, чем у «сариантов», и укороченные (до колен) серые плащи с рукавами и «половинным» черным «Тау-крестом» на левом плече. «Полубратья» призывались орденом к оружию лишь в самых крайних случаях — например, при внезапном нападении неприятеля на орденские владения, в которых трудились эти «полубратья», или в случае острой нехватки живой силы (например, после серьезного поражения орденского войска, понесшего тяжелые потери). В обычное же время «полубратья» были освобождены от военной службы и формально в орденском войске не числились.

Разумеется, со временем, по мере утяжеления и усложнения наступательного и оборонительного вооружения западноевропейских армий, введения в них артиллерии и ручного огнестрельного оружия, соответствующие изменения происходили и в войсках Тевтонского ордена (как, впрочем, и в войсках других военно-монашеских орденов). А после утраты тяжелой рыцарской конницей с ее длинным копьем статуса основной ударной силы на полях сражений эту роль стала играть превосходная, по тем временам, артиллерия ордена Приснодевы Марии.

Приложение 3

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА

Чудные и необычные дела были совершены христианскими наемниками (в оригинале у хрониста лат.: «latrunculos Christianos». — *В.А.*), а именно — Мартином из Голина, Конрадом по прозвищу Диавол и неким человеком по имени Стовмел и Кударом из Судовии и Накамом из Погезании и многими другими. Этот Мартин с четырьмя братьями тевтонскими и одиннадцатью пруссами захватил одну деревню в земле Судовии, взяв в плен и убив людей. И когда после долгого пути он пришел в такое место, где, отбросив все страхи, сидя за столом с товарищами своими, он подкреплялся после битвы, враги, внезапно напав на них, убили четырех его товарищей тевтонов, прочие спаслись бегством, бросив там все, что у них было из оружия и припасов. После этого судовы сильно возрадовались. Мартин же, разгневанный, бродил по лесу, пока не созвал своих уцелевших товарищей, и, поскольку они лишились всего оружия, то ему удалось, когда враги спали, выкрасть у них щиты, мечи и копья, завладев которыми, он подобрался со своими людьми и убил всех на ложе их, кроме одного, которого Мартин убил, встав на его пути, когда тот

думал убежать, и вот, с прежней добычей и оружием упомянутых язычников и прочим он вернулся…

Тот же Мартин с горсточкой других снова вошел в одну деревню в земле Судовии и в сумерках, когда одни были в бане, другие — за трапезой, прочие занимались разными делами, они напали на них и всех их убили. А Мартин убил в бане десять человек, и так они забрали коней и скот и все прочее, а также женщин и детей…

В то время один литвин по имени Пелусе, обиженный господином своим, одним корольком, который будто бы был вторым после короля литвинов в королевстве своем, пришел к братьям (членам Тевтонского ордена. — *В.А.*) в землю Самбии, и по просьбе его комтур Кёнигсберга дал ему Мартина из Голина, Конрада по прозвищу Диавол и одного человека по имени Стовмел, и двадцать других смелых людей, имевших богатый опыт разбоя, чтобы во всеоружии пошли с ним и отомстили за нанесенную ему обиду. Когда они подошли к усадьбе того королька, то выяснили, что туда на свадьбу были приглашены почти все соседние нобили королевства Литвы, и, когда по обычаю они все, охмелев, покоились на ложе, те напали на них и убили семьдесят корольков с хозяином, не считая прочих, которых было немало. Жениха и невесту и жен корольков с чадами и домочадцами, и сто коней с золотом и серебром и со всей домашней утварью они увели…

Этот Мартин с горсткой сообщников трижды переправился через разлив вод, и пришел к реке, называемой Буг; он увидел, что по ней идет судно, груженное товарами; незаметно следуя за ним, он, когда корабельщики почивали после обеда, напал на них со своими сообщниками и всех убил, и, с радостью взойдя на судно, пришел в город Торн, и там, продав суда и товары, они все получили при дележе по двадцать марок...

Приложение 4

Вольфганг Акунов

ОПЫТ БЛАЗОНИРОВАНИЯ ГЕРБОВЫХ ХОРУГВЕЙ РЫЦАРЕЙ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА, ИХ ВАССАЛОВ, «ГОСТЕЙ» И СОЮЗНИКОВ, ЗАХВАЧЕННЫХ ПОЛЯКАМИ В БИТВЕ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ 15 ИЮЛЯ 1410 г.

1. Великая (Большая) хоругвь Верховного магистра (гохмейстера) Тевтонского ордена с тремя косицами (золотой, с черной каймой, костыльный «иерусалимский» крест с должностным гохмейстерским гербом, изображавшим одноглавого черного орла на золотом поле, — символ достоинства князя Священной Римской империи, неразрывно связанного с должностью гохмейстера со времен императора Фридриха II Гогенштауфена, — украшал не только Большую и Малую хоругви, но и белое полукафтанье Верховного магистра ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской). На некоторых миниатюрах и гравюрах изображение на Большой хоругви гохмейстера повернуто «на 90 градусов».

2. Малая Хоругвь Верховного магистра (аналогичная первой, но хоругвь без косиц).

3. Хоругвь Тевтонского ордена («гербовое» — белое, с прямым черным крестом, знамя ордена; первоначально это знамя

было просто белым, безо всяких эмблем; имеются упоминания и о другом, Главном знамени ордена с изображением Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом на руках, но присутствие его на поле битвы под Танненбергом не засвидетельствовано хронистами).

4. Хоругвь князя Конрада IV Старшего («Белого») Олесницкого (одноглавый черный орел, обремененный серебряным полумесяцем, в золотом поле).

5. Хоругвь померанского (поморского) князя Казимира V Щецинского (знамя-гонфанон с изображением червленого грифона в серебряном поле — старинного герба поморских князей со времен Святополка).

6. Хоругвь Святого Георгия (знамя-гонфанон; его необычная расцветка — прямой серебряный крест на красном поле, вместо традиционного для «знамени Святого Георгия» красного креста на серебряном поле, объясняется тем, что в польско-литовском войске также имелась состоявшая из «гостей» хоругвь Святого Георгия, имевшая «георгиевское» знамя традиционной расцветки). В то же время известно, что военное знамя (баннер) императоров средневековой Священной Римской империи было также красным, с прямым серебряным крестом (поэтому их вассалы — например, датские короли, швейцарские конфедераты и др. — также использовали в качестве знамен и флагов серебряный крест на красном поле).

7. Хоругвь епископа и епископства Помезанского (золотой одноглавый орел в нимбе — символ св. Евангелиста Иоанна — с серебряным свитком в лапах и с двумя золотыми епископскими посохами по бокам, в червленом поле).

8. Хоругви комтурства Раг(а)нитского и городка Раг(а)нита (три красных колпака в столб, на серебряном поле).

9. Хоругвь епископа и епископства Самбийского (скрещенные красные меч острием вниз и епископский посох в серебряном поле).

10. Хоругвь епископа и епископства Эрмландского (Вармийского) — знамя-гонфанон с изображением серебряного агнца с обращенной назад головой в нимбе, с крестным знаменем, изливающего из кровоточащей язвы на груди кровь в серебряную чашу, в красном поле, на серебряной траве.

11. Хоругвь комтурства Шлохауского и городка Шлохау (Члухов) — аналогичная десятой.

12. Хоругвь Великого комтура Тевтонского ордена Конрада (Куно) фон Лихтенштейна (дважды пересеченная в червлень и серебро; ее красно-бело-красная расцветка аналогична расцветке австрийского флага, что объясняется двумя причинами: австрийским происхождением самого Великого комтура и тем, что в составе данной хоругви сражались его земляки — «гости» Тевтонского ордена из австрийских земель).

13. Хоругвь г. Кульм (Хелмно) — знамя-гонфанон с черной главой и опрокинутым черным латинским крестом в верхней части, дважды пересеченное волнообразными перевязями в серебро и червлень.

14. Хоругвь Великого казначея (скарбника) Тевтонского ордена (должностной герб орденского казначея — серебряный ключ вправо бородкой вверх в красном поле).

15. Хоругвь комтурства Грауденцского и городка Грауденц (обращенная прямо черная бычья голова с золотыми бровями и ноздрями, серебряными рогами и серебряным же кольцом в ноздрях, на белом поле).

16. Хоругвь комтурства Бальгского и городка Бальга (червленый стоящий волк с высунутым языком на серебряном поле, с правым черным боковиком).

17. Хоругвь комтурства Шензеескoго и городка Шензее (2 красные рыбы в кольцо на серебряном поле).

18. Хоругвь г. Кёнигсберга (знамя-гонфанон с изображением восстающего серебряного богемского, или чешского, льва в золотой короне на красном поле — в память об основателе города — чешском короле Оттокаре (Отакаре) II Пшемысле; гербовое знамя Тевтонского ордена — прямой черный крест на серебряном поле — в главе хоругви).

19. Хоругвь комтурства Альтгаузского (четвертованная в чернь и серебро — цвета Тевтонского ордена).

20. Хоругвь комтурства Тухельского и городка Тухель (Тухоль) — четырежды рассеченная в серебро и червлень.

21. Хоругвь комтурства Нессауского и городка Нессау (Нешава) — дважды рассеченная в чернь и серебро.

22. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» ордена) из Вестфалии (2 красные скрещенные оперенные стрелы остриями вверх на серебряном поле).

23. Хоругвь баллея (бальяжа) Роттенгаузенского и городка Роттенгаузен (3 серебряные геральдические розы с золотой сердцевиной, в красную перевязь справа, на серебряном поле).

24. Хоругвь комтурства Данцигского и г. Данцига (2 серебряных лапчатых креста в столб на красном поле — герб города Данцига).

25. Хоругвь комтурства Энгельсбергского и городка Энгельсберг (серебряный ангел с черными волосами и лицом телесного цвета, в красном поле; типичный пример «говорящего герба» — название комтурства и городка означает, в переводе с немецкого, «ангельская гора», по имевшему там место видению ангела, явившегося орденским братьям-основателям;

правда, упоминается и иное, чем у Яна Длугоша, название — Энгельсбург, т.е. Ангельский замок).

26. Хоругви комтурства Страсбургского и городка Страсбург (Бродницы) — красный бегущий олень в серебряном поле.

27. Хоругвь замка Братиан и городка Неймаркт (3 коричневых оленьих рога в трикветру в серебряном поле).

28. Хоругвь г. Бр(а)унсберг (пересеченная в серебро и чернь, с черным лапчатым крестом в серебряном и с серебряным лапчатым крестом — в черном поле).

29. Хоругвь немецких рыцарей-крестоносцев («гостей» Тевтонского ордена) из Франконии — скрещенные красные стрела и арбалетный болт оперением вниз, в серебряном поле.

30. Хоругвь швейцарских рыцарей-крестоносцев («гостей» Тевтонского ордена) — серебряный стоящий волк с высунутым языком, в червленом поле.

31. Хоругвь комтурства Лескенского и городка Лескен (дважды пересеченная в червлень, серебро и чернь; данный факт, кстати, опровергает широко распространенное заблуждение, будто «все средневековые флаги были двуцветными и положение изменилось лишь после Нидерландской революции, когда был впервые введен трехполосный трехцветный флаг!).

32. Хоругвь городка Бартенштейн (знамя-гонфанон с изображением серебряного лезвия топора вправо в черном поле с серебряной главой).

33. Хоругвь комтурства Остеродского и городка Остероде (четвертованная в червлень и серебро).

34. Хоругвь прусских рыцарей-вассалов ордена из Кульмской земли (Кульмерланда) — аналог. № 13, но с черным прямым латинским крестом в верхней части и с тремя красными столбами в левом верхнем углу; именно этой хоругвью

кульмский рыцарь-изменник Никкель фон Ренис (Никш) подал своим соратникам ложный сигнал к отступлению, вызвавший замешательство, а затем — сумятицу и хаос во всем орденском войске.

35, 42, 43. Хоругви комтурства Эльбингского и города Эльбинг (Эльблонг) — пересеченные в серебро и червлень, с прямым красным крестом в серебряном и с прямым же серебряным крестом — в красном поле.

36, 38. Хоругви немецких рыцарей («гостей» ордена) из Северной Германии (знамена-гонфаноны, серебряные, с черной перевязью справа).

37. Хоругвь комтурства Торнского и городка Торн (Торунь) — знамя-гонфанон с изображением красного замка с тремя башенками с окнами черного цвета, с раскрытыми черными воротами с поднятой серебряной решеткой и растворенными золотыми створками, в серебряном поле.

39. Хоругвь городка Меве (скрещенные серебряные стрела и арбалетный болт оперением вниз в красном поле).

40. Хоругвь городка Гейлигенбейль (аналог. № 32, но лезвие топора несколько ўже).

41. Хоругвь комтурства Бр(а)унсбергского (у хрониста Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью комтурства Брауншвейгского»!) — красный, с серебряными полосами, восстающий лев с золотой короной, в лазурном поле — герб Тюрингии, в память об основателе Брунсберга — ландграфе Конраде Тюрингском, гохмейстере Тевтонского ордена в 1239—1240 гг.

44. Хоругвь городка Ортельсберг (Щитно) — скошенная справа в червлень и серебро.

45. Хоругвь города Книпгоф (Кнейпгоф, Книпава), со временем слившегося с Кёнигсбергом (золотая чешская королевская корона в серебряном поле и прямой серебряный

крест в красном поле — что в сочетании опять-таки дает геральдические цвета Богемии-Чехии — напоминание об основателе города — чешском короле-крестоносце Оттокаре II Пшемысле).

46. Хоругвь рыцарей-крестоносцев — «гостей» ордена — из Рейнской области Германии (дважды пересеченная в золото, серебро и червлень; у Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью ливонских рыцарей», хотя «братья-рыцари» Тевтонского ордена из Ливонии в битве при Танненберге не участвовали, поскольку их глава — ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Конрад фон Фитингоф(ен) — заключил сепаратный мир с Витовтом; к тому на хоругви ливонских рыцарей были изображены, с одной стороны — Небесная Покровительница ордена — Пресвятая Богородица — с младенцем Иисусом на руках, а с другой — святой мученик Маврикий с орденским щитом и копьем святого Лонгина).

47. Хоругвь баллея (бальяжа) Ди(р)шауского и городка Ди(р)шау — четырехкратно рассеченная в чернь и серебро.

48. Хоругвь г. Альт-Алленштейн (Старый Ольштын) — дважды пересеченная в чернь, серебро и червлень, цветов рода фон Панвиц.

49. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» ордена) из Мейссена (четвертованная в лазурь и червлень — геральдические цвета маркграфства Мейссенского).

50. Хоругвь комтурства Бранденбургского и городка Бранденбург (одноглавый червленый бранденбургский орел в серебряном поле — в память об основании маркграфом Бранденбурга одноименного замка на землях Тевтонского ордена в ходе Крестового похода).

Приложение 5

Вольфганг Акунов

ХОРУГВИ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКО-РУССКОГО ВОЙСКА В БИТВЕ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

Вечером 15 июля 1410 г. над залитым кровью полем битвы при Еловой горе победно взвились гербовые стяги хоругвей объединенного польско-литовско-русско-татарского войска. Они во многом отличались по характеру своей гербовой символики от боевых знамен, осенявших войска других государей тогдашней Европы. В нашем кратком очерке мы попытаемся проанализировать эти различия.

Дело в том, что в средневековой Польше сложилась поистине уникальная геральдическая система на основе войскового деления на хоругви, вскользь упомянутые нами выше. Поэтому скажем предварительно несколько слов о хоругви.

Хоругвь — это, прежде всего, войсковое подразделение, отряд (подобные отряды в Древней Руси именовались стягами или знаменами), исключительно конный, который имел свое знамя со своей, отличной от других, символикой. Это знамя также именовалось хоругвью (а на Руси также стягом, ибо вокруг него стягивался соответствующий военный отряд). Заме-

тим, кстати, что схожая ситуация наблюдалась и в других странах средневековой Европы — например, в Испании, где знамя и стягивавшийся вокруг него отряд именовались бандерой, в Византии (а позднее также и в Италии), где военный отряд и его знамя именовались бандой (а хорунжий-знаменосец — бандофором), в Англии, Франции и Бургундии, где использовался схожий термин «баннер» (Banner) Германии и Швеции, где отряд и знамя именовались аналогично (Banner, Panier) или же использовался германоязычный эквивалент «фенлейн» (буквально: Faehnlein, т.е. флажок) или фане (Fahne — «знамя») — например, адельсфан(е) — «дворянский (конный) отряд» и т.д.

Знаменосец хоругви именовался хорунжим (хоругвеносцем). Позднее слово «хорунжий», по аналогии со своим немецким эквивалентом «фенрих», или «фендрик» (Faehnrich — производным от Fahne, «знамя»), и со своим русским эквивалентом «прапорщик» (от слова «прапор», также означавшего «боевое знамя» или «стяг»), стало обозначать уже не функцию непосредственно знаменосца, а воинское звание; появился подхорунжий, а хоругвь стал возглавлять ротмистр. Хоругви привязывались к определенным территориям — так, например, Стародубский повет выставлял 4 хоругви (Стародубскую — 100 конных воинов; Почепскую — 50; Мглинскую — 100; Трубчевскую — 30).

Каждое из упомянутых выше тактических военных подразделений имело знамя-хоругвь с эмблемами, по своим геральдическим начертаниям и цвету характерными только для данного подразделения. Каждый польский, а позднее — также литовский и (западно)-русский дворянин-шляхтич, стоявший под данным знаменем-хоругвью в рядах данной хоругви-отряда, был вправе повторять хоругвенную символику (по-

польски — «клейнот» или «клейнод») на своем щите (хотя пользовался этим правом далеко не всегда). В результате в Польском, а позднее — объединенном Польско-Литовском государстве (Речи, или, точнее, Жечи Посполитой, что, кстати, означает буквально «республика»!) одинаковыми и одноименными гербами пользовались десятки (если не сотни) шляхетских родов, что позволяло говорить о наличии там «гербовых братств» или «гербовых родов». Причем члены одного «гербового братства» вовсе не обязательно были связаны узами подлинного кровного родства. Наоборот, чаще всего в состав первоначально небольшого рода-обладателя герба со временем принималось все больше мелких шляхтичей-клиентов «со стороны».

Именно поэтому число дворянских гербов в Речи Посполитой не превышало 200 (и это в то время, как в соседней Германии их было не менее 200 000!). Когда польская знать с конца Средневековья начала принимать фамильные прозвища, она, как правило, принимала в качестве фамилии не свое родовое прозвище, а предпочитала именоваться по крупнейшему городу или местечку (городку, не пользовавшемуся городскими привилегиями по Магдебургскому праву), входившему во владения данного знатного рода. При этом нередко в разных частях Польши располагались города и местечки с одинаковыми названиями. Поэтому существовали шляхетские роды с различными именами, пользовавшиеся одинаковыми гербами-клейнотами, и в то же время роды с одинаковыми именами-фамилиями, но совершенно разными гербами. Так, например, одним и тем же гербом «Ястжембец» пользовались не только шляхтичи из рода Ястжембских, но, наряду с ними, члены еще 550 (!) других шляхетских родов; гербом «Топор» — шляхтичи 200 родов, гербом «Рава» («Равич») — 250, и в то же время

знатные роды, имевшие одну и ту же фамилию — Залевских, пользовались 30 различными гербами — ситуация, ни в одной другой европейской стране тех времен абсолютно немыслимая!

Кроме клейнотов почти все роды (гербовые братства) имели свои собственные девизы («заволянья»), первоначально происходившие от боевого клича данного рода-братства. На практике боевой клич использовался, например, в качестве команды изменить построение хоругви-отряда братства в ходе боя, сопровождавшийся соответствующим сигналом, подаваемым при помощи хоругви-знамени. Теоретически название рода, герб и девиз должны были совпадать, но очень часто они на практике не совпадали.

Так, например, польский шляхетский род Сренява (Шренява) имел герб под названием «Сренява» (щит: в лазурном поле серебряная укороченная волнистая перевязь справа, увенчанная красным кавалерским крестом; нашлемник: голова льва между двух труб, увешанных колокольчиками) и боевой клич: «Сренява!»; в то же время другой шляхетский род, Осморог, использовал тот же самый герб «Сренява», но совершенно другой девиз (боевой клич): «Геральт!» Каждый род использовал только один герб, но в то же время был вправе использовать не только один, а несколько девизов (видимо, принимавшихся вновь возникающими линиями рода по мере его разделения в ходе исторического развития). Эта «генеалогическая» роль, которую играли девизы «гербовых братств» в польской геральдике, была совершенно уникальной (хотя несколько сходные явления наблюдались в венгерской и, отчасти, также во французской геральдике, где также имелись свои «cri de guerre», то есть девизы или боевые кличи, порой совпадавшие с названием герба).

11 сентября 1382 г. почил в бозе польский король Людовик (Лайош) Венгерский. Корону унаследовала его совсем юная дочь Ядвига. После бурного периода «междуцарствия» магнаты королевства приняли решение вручить руку Ядвиги и польскую корону Великому князю Литовскому Ягелло, при условии принятия последним христианства в его римско-католическом варианте. В 1386 г. Ягелло принял Святое Крещение и новое имя Владислав, сочетался браком с Ядвигой и был коронован польским королем. Так был сделан первый шаг к заключению унии между Польским королевством («Короной») и Великим княжеством Литовским («Литвой») и к установлению союзных отношений между знатью обоих государств, ведших дотоле друг против друга долгие, кровопролитные войны.

В 1413 г. была заключена так называемая Городельская уния, согласно условиям которой 47 польских знатных родов («гербовых братств») «адаптировали» (буквально: «усыновили», на деле же — инкорпорировали, то есть приняли в свои ряды представителей знатнейших литовских боярских родов и, соответственно, даровали последним право пользоваться соответствующими гербами и девизами). Впрочем, судя по сохранившимся средневековым грамотам, ряд литовских и (западно)-русских («русинских», но — увы! — не «белорусских», как хотелось бы иным любителям «осовременить прошлое»!) бояр еще до 1413 г. начал использовать польские гербы (по крайней мере, на своих печатях).

До сих пор не существует однозначного объяснения значения названия того или иного рода («гербового братства»), названия принятого этим родом герба-клейнота и девиза. Нередко род прозывался по имени своего прародителя — знаменитого воина (был ли этот воин исторической или легендар-

ной личностью, особой роли, похоже, не играло), к которому возводил свое происхождение, как к основателю рода (как, например, обстояло дело с гербом и родом «Радван», легендарным основателем которого считался польский рыцарь Радван; когда его потесненный татарами отряд потерял в бою свое знамя, Радван якобы взял из ближайшего храма церковную хоругвь, собрал под этой хоругвью остатки польских войск и разбил татар — с тех пор эта хоругвь украшала собой родовой герб «Радван»). В иных случаях прозвание рода имело происхождение скорее топографическое, по реке или территории первоначального расселения рода. С течением времени первоначальное название или смысл нередко искажались, так что возникали легенды с целью объяснить название рода, герба или клича. В большинстве случаев эти объяснения или истолкования были неверными, хотя во многих случаях содержали в себе зерно истины, порой совершенно скрытое под баснословными наслоениями последующих времен.

Гербы, использовавшиеся польским рыцарством, отличались большим разнообразием. Во многих случаях они походили на те, что использовались в западноевропейской геральдике. В их число входила даже прямостоящая свастика (крюковидный, мученический или гамматический крест), изображенная на гербе Борейко, известном в двух вариантах (красная свастика на белом поле или белая свастика на красном поле). Иные польские гербы, изображавшие стилизованные стрелы, полумесяцы, кресты, подковы и т.п., напоминали древние рунические знаки и сарматские клейма или тамги (знаки собственности). Именно такие гербы украшают щиты польских рыцарей на миниатюрах, иллюстрирующих битву с татарами при Лигнице (Легнице, Вальштадте) в Силезии в 1241 г., остановившей нашествие татаро-монгольских орд

хана Батыя на Западную Европу. Именно такие гербовые знаки украшали польско-литовские хоругви в битве с тевтонами при Еловой горе.

Роль, которую хоругвь играла в бою, была отнюдь не чисто символической, а имела огромное практическое значение. Хоругвь-знамя была видна на поле боя с большого расстояния, указывала направление атаки, а также всякого маневра, который была обязана выполнить по команде хоругвь-отряд. При утрате хоругви-знамени в бою весь отряд, сражавшийся под этим знаменем, как правило, приходил в полное замешательство и в конечном счете становился бесполезным. Именно поэтому хоругви-знамена считались самой ценной частью военной добычи. Таким образом, охрана знамени являлась делом громадной важности.

Хоругвеносцев никогда не ставили в бою в первую шеренгу. Перед ними всегда стояли плотными рядами сведенные в отдельный отряд в форме «клина» лучшие рыцари хоругви — так называемые предзнаменные бойцы, или «антесигнани» (antesignani), что означает по-латыни «те, кто предшествуют (боевому) значку (знамени)». Обычно в первом ряду хоругви стояло три рыцаря, во втором — пять, в третьем — семь, в четвертом — девять, в пятом ряду и в последующих рядах — по одиннадцать, так что построение хоругви представляло собой колонну, заостренную на конце. Хоругвеносец стоял в центре пятого ряда, прикрываемый «клином». Именно такой тип построения (обычно почему-то приписываемый у нас исключительно армиям Тевтонского ордена), по Длугошу, был характерен для армии Владислава Ягелло в битве при Еловой горе. Вероятно, аналогичным было и построение других хоругвей польско-литовских армий, хотя многое зависело от численности воинов той или иной хоругви. Тем не менее

«антесигнани», образовывавшие «клин», повсеместно были сильнейшими и искуснейшими бойцами данной хоругви.

В ходе битвы при Еловой горе под натиском ударного отряда тевтонских рыцарей во главе с самим Верховным магистром Ульрихом фон Юнгингеном, почти утратившим к тому времени зрение, но не утратившим своего всегдашнего мужества, пало знамя головной хоругви польско-литовской армии — так называемая «Великая Краковская хоругвь» (именуемая также «Большое Королевское знамя»). Впрочем, по другой версии, атака Верховного магистра произошла позднее (при этом едва не был убит польский король), а поляки потеряли Большое знамя еще раньше, при атаке хоругвей фон Валленрода (Вальрода, Вальроде) на их правый фланг. Подобное прямоугольное, с несколькими (от двух до пяти) косицами, знамя (на которое имели право военные вожди высшего ранга — герцоги, князья или короли) именовалось «гонфаноном».

Украшенное белым коронованным одноглавым орлом польское Большое Королевское знамя-гонфанон под Танненбергом имело три косицы. Оно было красного цвета, в соответствии с традицией, идущей еще от древнеримских военачальников и цезарей, а также императоров Священной Римской империи. Красный цвет знамени означал, между прочим, право его обладателя предавать виновных смерти. Именно поэтому пираты и мятежники издавна поднимали красное знамя, знамя цвета крови — в знак своей претензии отнять привилегию «казнить и миловать» у законной власти.

Падение Большого Королевского знамени вызвало панику в рядах польско-литовской армии. Увидев, что польское знамя пало, рыцари Тевтонского ордена, их вассалы и союзники, в предвкушении скорой победы, запели: «Христос воскресе из мертвых» (Christ ist erstanden von der Marter alle). Это истори-

ческое свидетельство служит наглядным свидетельством значения, придававшегося потере знамени в бою.

Великая Краковская хоругвь с тремя косицами, о которой идет речь, как это ни странно, имеет, в геральдическом плане, гораздо большее отношение не к Кракову, а к Гнезно. Ведь именно с городом Гнезно связано предание о том, как легендарный князь Лех, вождь племени полян (мифический прародитель ляхов-поляков и брат Чеха — прародителя чехов и основателя Праги, а согласно некоторым вариантам сказания — также и Руса — прародителя русских), однажды увидел белого орла, кружившего над своим гнездом, свитом на вершине могучего дуба. «Будем гнездиться здесь!» — воскликнул якобы Лех и повелел основать на этом месте первую польскую столицу, которую в память об орлином гнезде назвал «Гнезно» (что означает по-польски «гнездо»). И потому герб города Гнезно (ставшего также резиденцией первого польского епископа, а позднее — и архиепископа) — украшает белый орел, символ польского государства. Этот же белый орел украшал и Большое Королевское знамя в битве при Еловой горе. Великой Краковской хоругвью, осененной этим знаменем и формально подчинявшейся каштеляну Краковскому, Крыштину из Острова, фактически командовал в бою Зындрам из Машковиц.

Заметим к слову, что вообще-то орлы, гнездящиеся в тех местах, не белые, а серые, но увиденный Лехом орел был, вероятно, еще молодым и потому его оперение имело более светлую окраску, а в лучах заходящего солнца и вовсе выглядел белым на красном фоне. Таким его и изобразили на гербе, а белый и красный цвета с тех пор сохранились на польском флаге и по сей день.

Если подобное «негеральдическое» объяснение покажется кому-то слишком простым, чересчур «рациональным» или,

наоборот, чрезмерно «мифологизированным», можно привести более историческое и геральдическое истолкование польского герба. Дело в том, что до XIII в. у Польши не было собственного государственного герба, и орел был личной эмблемой одного из представителей древнейшей династии Пястов, лишь постепенно ставший общегосударственным символом. Могущественный западный сосед польских княжеств, постоянно пытавшийся подчинить их своему влиянию, — император (цесарь, кайзер) Священной Римской империи — пользовался гербом с изображением черного двуглавого орла на золотом поле. Согласно теоретическим представлениям об иерархии, шедшим еще со времен позднеантичной Римской империи, император считался «королем над королями» («царем царей»), и потому король, как вассал императора, в соответствии с геральдическими правилами развитого Средневековья, имел право на герб в виде одноглавого орла геральдически противоположного, то есть золотого цвета, на черном поле. Однако польский орел как бы не признал власть над собой римско-германского и вступил с ним в спор, ибо геральдически белый (серебряный) цвет считается выше черного.

Сам польский король Владислав Ягелло, в отличие от «тевтонского» гохмейстера Ульриха фон Юнгингена, как мы уже знаем, не возглавлял в бою какой-либо конкретный военный отряд, а переезжал с места на место, сопровождаемый своим Королевским прапором (Малым знаменем), также с белым орлом на красном поле, но с двумя белыми косицами.

Как уже говорилось выше, в рядах армии Владислава Ягелло, наряду с польским феодальным ополчением, сражалось немало наемников — главным образом богемцев (чехов), моравян и силезцев, но также и немцев (в том числе бюргеров-горожан, владельцев замков и знатных феодалов), значитель-

ный валашский контингент из Молдавии (состоявшей в вассальных отношениях с Ягелло), равно как и немало валахов и «русинов» из Галицкой земли (окончательно присоединенной к польской Короне еще в 1387 г.).

В общей сложности в битве при Еловой горе приняла участие 51 хоругвь Польского королевства. В их число входили две Королевские хоругви — «Гонча» (хоругвь королевских «гонцов» или «пажей») и «Надворная» (Придворная). На знамени хоругви «Гонча» был изображен в лазурном поле золотой «лотарингский крест» («Крест Святой княгини Евфросинии Полоцкой»), долгое время изображавшийся на королевской печати Владислава Ягелло. Этот символ мог быть принят им под влиянием матери — православной княгини Улиании. С другой стороны, подобный же крест был гербом Словакии (входившей в описываемую эпоху в состав строго католического Венгерского королевства), так что, возможно, православное влияние здесь было ни при чем.

Три хоругви привели под Танненберг князья Мазовецкие, как вассалы польского короля. Еще три хоругви состояли из иноземных наемников — чехов и моравян (нанятых за счет средств польской королевской казны). Одна из этих трех иноземных хоругвей — хоругвь Святого Ежи (Георгия) — была нанята непосредственно королем Владиславом Ягелло; именно в рядах этой хоругви служил — не по «зову сердца» (как рыцари-крестоносцы, бескорыстно посвятившие свои мечи делу Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии!) и не из мифической «славянской солидарности»! — а за деньги — столь знаменитый впоследствии вождь таборитов Ян Жижка (потерявший под Танненбергом свой правый глаз; второй глаз ему позднее, в ходе Гуситских войн, выбили «болтом» из арбалета уже «свои» братья-славяне). Две других наем-

ных хоругви, также оплаченные из средств польской королевской казны, были приведены под Танненберг чехом Яном Янчиковичем из Йичина и поляком Гневашем из Далевиц. Следующие 17 хоругвей представляли собой земские (территориальные) ополчения, выставленные «землями» Польского королевства. Еще 26 хоругвей выставили богатые светские и духовные вельможи королевства. И всего лишь две хоругви (упомянутые у Длугоша под №№ 46 и 48) были сформированы традиционным способом, объединив в своих рядах членов конкретных шляхетских родов («гербовых братств»). Этими единственными сформированными не по территориально-земскому, а по традиционному родовому принципу военными отрядами были хоругви родов Елита (герб: в красном поле три возникающих копья внизу) и Гриф (в красном поле серебряный гриф влево).

51-я хоругвь польского коронного войска была приведена под Танненберг литовским князем Сигизмундом (Зигмунтом) Корибутом, или Корибутовичем, имевшим на знамени литовский герб «Погонь», или «Погоня» — рыцаря с «лотарингским» крестом святой княгини Евфросинии Полоцкой на щите и с занесенным мечом на скачущем белом коне в лазурном поле. Точно такая же «Погоня литовская», но только на красном поле, в память литовского княжеского происхождения короля Владислава Ягелло, украшала знамя польской Надворной хоругви. В рядах хоругви Зигмунта Корибутовича сражались рыцари земель, являвшихся предметом спора между польской короной и Великим княжеством Литовским. Сам князь, племянник короля Владислава Ягелло, позднее, в 1422—1427 гг., был наместником в Чехии, затем — претендентом на чешский королевский престол, пользовавшимся поддержкой чешских еретиков-гуситов.

В качестве союзников польского короля Владислава Ягелло под Танненбергом выступали также 40 хоругвей под командованием Великого князя Литовского Витовта (Витаутаса, по-польски: Витольда, в Святом Крещении — Александра), объединявшие в своих рядах литовцев, русских («русинов», «рутенов»), жемайтов (жмудинов, самогитов), армян, караимов, татар. Считается, что по численности и вооружению хоругви Витовта были слабее польских. Знамена 30 хоругвей войска Витовта были украшены изображением «Погони литовской» — изображением вооруженного всадника на белом, черном или пегом коне, с занесенным мечом, на красном поле (в геральдике Речи Посполитой существовала еще «Погоня польская» — изображение согнутой в локте руки в латах с занесенным мечом). Эта «Погоня литовская», под названием «Витис» («витязь»), служит в настоящее время гербом современной Литовской Республики (а до прихода к власти Лукашенко была, «по совместительству», также гербом Белоруссии-Беларуси). На знаменах 10 других литовских хоругвей было изображено тавро, которым Витовт клеймил своих лошадей. Имеются в виду так называемые «колюмны» или «слупы (столпы) Гедимина», напоминающие родовой «трезубец» («тризуб») Рюриковичей (хотя некоторые историки считают их «стилизованным изображением священного дуба древних пруссов»). Скорее всего, эти «столпы Гедимина», изображаемые порой серебряными, порой — золотыми, но всегда на красном поле, были знаком собственности («тамгой») литовских князей — «ригасов» и «кунингасов». Впрочем, их изображения находят на некоторых монетах Ягелло, как, кстати, и на монетах генуэзской колонии в Крыму — Кафы (Феодосии).

Вопреки утверждениям хрониста Танненбергской битвы Яна Длугоша, трудно представить себе, чтобы десятки ли-

товских хоругвей пользовались в битве с «тевтонами» под Еловой горой знаменами с одинаковыми изображениями, да вдобавок еще и одинакового цвета, неотличимыми друг от друга, что лишало бы воинов возможности ориентироваться, перестраиваться и совершать маневры в бою. Скорее всего, Длугош просто ничего не знал о литовских знаменах (ведь он писал о битве при «Грюнвальде» два с половиной поколения позднее!). Во всяком случае, многие белорусские историки упорно утверждают, что одна из «белорусских» хоругвей, входивших в войско Витовта под Танненбергом, сражалась под белым знаменем с узкой продольной красной полосой, послужившей — якобы! — прообразом белорусского национального флага (впрочем, отмененного «батькой» Лукашенко и замененного на просоветский «рушничок»).

Союзники Витовта из числа бессарабов, молдаван и валахов (если верить, например, нобелевскому лауреату Генрику Сенкевичу, по-прежнему считающемуся в некоторых кругах непререкаемым авторитетом по истории Грюнвальдской битвы), использовали гораздо более устрашающую символику — «изображения чертей, скелетов, упырей и вурдалаков» (см. роман Генрика Сенкевича «Крыжаки», сиречь «Крестоносцы»).

В Великое княжество Литовское (и Русское) входила и Смоленская земля, приславшая под Еловую гору 3 хоругви под началом князя Семена Лугвения. «Смоленские» хоругви стояли на самом крайнем левом фланге литовской армии, непосредственно примыкая к правому флангу армии польской короны. «Смоленские» хоругви, сильнейшие во всем литовском войске, приняли решающее участие в окончившейся неудачей атаке литовского крыла союзного войска, отраженной тевтонскими рыцарями фон Валленрода, в свою очередь, перешедшими в контрнаступление. Все литовцы дружно бежали под этим нати-

ском. Лишь три «смоленские» хоругви, во главе с князем Юрием Лугвеньевичем, продолжали ожесточенно сопротивляться, пока две из них не были изрублены, а третья — не дождалась подмоги. На красном знамени смоленских витязей был изображен святой архангел Михаил в золотом поле.

Татарским контингентом в составе литовского войска командовал бывший хан Джелал-эд-Дин, согнанный соперниками с золотоордынского престола и перешедший на службу к Великому князю Литовскому. Наиболее распространенными среди тогдашних татар были штандарты, именуемые по-монгольски «туг», а по-тюркски «бунчук». Речь идет о конском хвосте (монголы порой украшали свои «туги» хвостами яков), прикрепленном к древку, увенчанным шарообразным навершием-«яблоком». Не случайно древние кочевники-болгары, окрестившись, спрашивали в 866 г. римского папу Николая I: «Доселе, идя на битву, мы носили знаменем конский хвост: какое знамя носить теперь?» Впервые вошедшие в употребление в глубокой древности, в качестве боевых значков предводителей древних тюркских племен, аваров, хазар, печенегов, болгар, торков и половцев, бунчуки просуществовали в качестве боевых знамен вплоть до времен Оттоманской (Османской) империи. Наряду с бунчуками татары использовали также (вероятно, заимствованные ими у китайцев или среднеазиатских мусульман) матерчатые знамена в форме треугольных или прямоугольных, с несколькими косицами, полотнищ, прикрепленных к древку. Порой татарские знамена представляли собой комбинацию флага с конским хвостом. Благодаря влиянию широко распространившегося к описываемому времени среди азиатских кочевников ислама, наиболее распространенными цветами их военных штандартов стали традиционные мусульманские цвета — черный, зеленый и бе-

лый. Вероятно, аналогичные боевые значки были и у служилых литовских татар.

Согласно мнению современных польских историков (в частности, Анджея Клейна, Николаса Секунды, Конрада А. Чернелевского и др.), в битве под Еловой горой с армией Тевтонского ордена сразились около 20 000 воинов в составе 51 хоругви польского коронного войска и около 10 000 — в составе союзных с поляками 40 хоругвей литовско-русского войска (включавшего в свой состав отряды валахов, бессарабов, караимов, татар и армян). Отдельные хоругви союзного войска, как уже упоминалось выше, значительно различались по численности.

Согласно расчетам современного польского историка Анджея Надольского, в Великой Краковской хоругви насчитывалось до 700 бойцов, в хоругви «Гонча» — до 500, в Надворной хоругви — от 400 до 450. При этом следует учитывать, что средневековые летописцы Европы при подсчете численности рыцарских армий оперировали термином «копье», которое, в зависимости от богатства (или бедности) конкретного рыцаря, могло означать всего лишь его самого, как одиночного конного бойца (если рыцарь был совсем беден и не имел денег на обзаведение оруженосцем или слугами), нескольких человек (если рыцарь был побогаче и мог себе позволить иметь оруженосца, конного и пешего слугу и т.п.) или даже несколько десятков бойцов (если рыцарь был богатым феодалом).

На основе скрупулезного анализа хода битвы при Еловой горе современные историки пришли к однозначному выводу, что это было типичное маневренное, изобиловавшее стремительными конными атаками исключительно кавалерийское сражение. Во всяком случае, вопреки неоднократным противоположным утверждениям многих прежних историков (а тем

паче — исторических романистов, начиная с уважаемого Генрика Сенкевича — и публицистов!), на польско-литовской стороне никакой пехоты не имелось (и во всяком случае, в бою не участвовало — обозники и прислуга не в счет). С обеих сторон, как с «тевтонской», так и с польско-литовской, имелась артиллерия — в том числе, кажется, даже новые по тем временам «каморные орудия» (по-немецки: «каммербюксы»), но никакого влияния на ход этого типично кавалерийского сражения ни каморные, ни другие орудия не оказали (не считая штурма орденского «вагенбурга» польско-литовской пехотой при поддержке артиллерии после завершения битвы как таковой).

Приложение 6

ВЕРХОВНЫЕ МАГИСТРЫ (ГОХМЕЙСТЕРЫ) НЕМЕЦКОГО (ТЕВТОНСКОГО) ОРДЕНА (ДО ПРЕВРАЩЕНИЯ ПРУССКОГО ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВО В СВЕТСКОЕ ГЕРЦОГСТВО)

1. Братство немецких странноприимцев

Резиденция — Аккон (Акра, Сен-Жан д'Акр, Птолемаида) в Палестине (до 1230 г.)

Сибранд (Сигибрант, Зибранд, Зигебрант) 1190

Герард 1192

Генрих, приор 1193—1194

Ульрих 1195

Генрих, прецептор 1196

2. Рыцарский (военный) орден

Генрих (Герман) Вальпот (Вальпото, Вальпоте, Вальботе) 1198—1200

Отто фон Керпен 1200—1208

Генрих Герман, Герберт) фон Тунна по прозвищу Барт 1208—1209

Герман фон Зальца 1209—1239

Резиденция — замок Монфор/Штаркенберг в Палестине (1230—1271)

Конрад Тюрингский 1239—1240

Герхард фон Мальберг (смещен рыцарями) 1240—1244

Генрих фон Гогенлоэ 1244—1249

Гунтер фон Вюллерслебен 1249—1252

Поппо фон Остерн(а) 1252—1256

Анно фон Зангерсгаузен 1256—1273

Резиденция — Аккон (Акра, Сен-Жан д'Акр) (1271—1291)

Гартман фон Гельдрунген 1273—1282

Бурхард фон Швенден (Бургардус де Сванден) 1282—1290

Резиденция — Венеция (1291—1309)

Конрад фон Фейхтванген 1291—1296

Готфрид фон Гогенлоэ (Годефридус Гоэлох) 1297—1303

Зигфрид фон Фейхтванген (Сифридус де Фугкванген) 1303—1311

Резиденция — Мариенбург в Пруссии (1309—1457)

Карл фон Трир (Каролус де Тревери) 1311—1324

Вернер фон Орзельн (убит братом-рыцарем) 1324—1330

Лютер (Лутер, Лудер) фон Брауншвейг 1331—1335

Дитрих фон Альтенбург (Теодорикус де Альтенбурк) 1335—1341

Лудольф Кениг 1342—1345

Генрих Дуземер 1345—1351

Винрих фон Книпроде 1352—1382

Конрад Цельнер фон Ротенштейн 1382—1390

Конрад фон Валленроде 1391—1393

Конрад фон Юнгинген 1393—1407

Ульрих фон Юнгинген (убит при Танненберге) 1407—1410

Генрих Рейсс фон Плауэн (смещен рыцарями) 1410—1413

Михаэль Кюхмейстер 1414—1422

Пауль фон Русдорф 1422—1441

Конрад фон Элльрихсгаузен (Эрлихсгаузен) 1441—1449

Резиденция — Кёнигсберг в Восточной Пруссии (1457—1525 гг.)

Людвиг фон Элльрихсгаузен (Эрлихсгаузен) 1450—1467

Генрих Рейс фон Плауэн 1469—1470

Генрих Реффле фон Рихтенберг 1470—1477

Мартин Трухзес фон Ветцгаузен 1477—1489

Иоганн фон Тифен 1489—1497

Фридрих Саксонский (фон Заксен) 1498—1510

Альбрехт Гогенцоллерн фон Бранденбург-Ансбах 1511—1525

Приложение 7

МАРШАЛЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

1208: Генрих

1208—1215: имя неизвестно

1215: Людвиг фон Горфлегове

1215—1228: имя неизвестно

1228—1230: Гунтер фон Вюллерслебен

1230—1239: имя неизвестно

1239—1240: Гергард фон Мальберг

1240—1242: Вернер фон Меренберг

1242—1243: Берлевин фон Фрейберг

1244: Альмерих фон Вюрцбург

1244—1260: Генрих Ботель

1260—1273: имя неизвестно

1273—1285: Конрад фон Тирберг

1285—1288: имя неизвестно

1288: Конрад фон Тирберг (повторно)

1288—1312: имя неизвестно

1312—1320: Генрих фон Плё(т)цке

1320—1331: имя неизвестно

1331—1335: Дитрих фон Альтенбург

1335—1339: Генрих Дуземер

1339—1342: Гако

1342—1346: Винрих фон Книпроде

1347—1359: Отто фон Данфельд

1359—1370: Геннинг Шиндекопф

1370—1374: Рюдигер фон Эйнер

1374—1379: Готфрид фон Линден

1379—1382: Куно фон Гаттенштейн

1382—1387: Конрад фон Валленрод (Валленроде, Вальроде)

1387—1392: Энгельгард Рабе

1392—1404: Вернер фон Теттинген

1404—1407: Ульрих фон Юнгинген

1407 — 15 июля 1410: Фридрих фон Валленрод(Валленроде, Вальроде)

1410—1411: должность маршала ордена оставалась вакантной

Август 1411 — 8 января 1414: Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг

Январь 1414 — май 1415: Эбергард фон Валленфельз

Июнь 1415 — 10 января 1422: Мартин фон дер Кемнате

18 ноября 1422 — 15 мая 1422: Николаус фон Гёрлиц

15 марта 1422 — 18 ноября 1422: Ульрих Ценгер

18 ноября 1422 — 25 октября 1424: Людвиг фон Ландзее

25 октября 1424 — ноябрь 1428: Вальрабе фон Гунсбах

1428 — 11 июля 1431: Генрих Гольд (Хольд)

11 июля 1431 — 6 апреля 1434: Йост фон Струпперг (Штрупперг)

6 апреля 1434 — 17 октября 1436: Конрад фон Эрлигсгаузен (Элльрихсгаухен)

17 октября 1436 — 3 марта 1438: Винцент фон Вирсберг

3 марта 1438 — 1 марта 1440: Генрих фон Рабенштейн

1 марта 1440 — 12 апреля 1441: Конрад фон Эрлигсгаузен (Элльрихсгаухен)

22 июня 1441 — февраль 1454: Килиан фон Эксдорф

Приложение 8

МАГИСТРЫ («ГЕЕРМЕЙСТЕРЫ» ИЛИ «ГЕРРЕНМЕЙСТЕРЫ») ОРДЕНА БРАТЬЕВ-МЕЧЕНОСЦЕВ

1202—1209 — Венно (Вейнгольд, Винно, Вингольд, Фьюнгольд) фон Рорбах

1209—1236 — Фольквин (Фолькуин, Волквин) фон Наумбург цу Винтерштаттен (Винтерштеттен)

1236—1237 — Рутгер (исполняющий обязанности «герренмейстера» гладиферов)

Приложение 9

ЛАНДМЕЙСТЕРЫ (ЗЕМСКИЕ, ЗЕМЕЛЬНЫЕ ИЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МАГИСТРЫ) ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА (ДОМА) ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ В ЛИВОНИИ

1237—1238 — Герман Бальк;

1238—1241 — Дитрих фон Грюнинген (Грёнинген);

1241—1242 — Андреас фон Фельбен (Вельвен);

1242—1246 — Дитрих фон Грюнинген (вторично);

1246—1248 — Генрих фон Геймберг;

1248—1253 — Андреас фон Фельбен (вторично);

1253—1254 — Эбергард фон Сайн (Зайн) — исполняющий обязанности (и.о.) ландмейстера;

1254—1257 — Анно фон Зангерсгаузен;

1257—1260 — Буркхард фон Горнгаузен (Гернгаузен, Гергнгузен, Горнгузен);

1261 — Георг фон Эйхштетт;

1261—1263 — Вернер фон Брейтгаузен;

1263—1266 — Конрад фон Мандерн;

1267—1270 — Отто(н) фон Лаутерберг;

1270: Андреас фон Вестфален (и.о.);

1270—1273 — Вальтер фон Нордек;

1273—1279 — Эрнст фон Ратцебург;

1279—1280 — Гергард фон Катценэльнбоген (Катценэлленбоген);

1280—1281 — Конрад фон Фейхтванген;

1281—1282 — Ман(е)гольд фон Штернберг;

1282—1287 — Вильгельм фон Ниндорф;

1288—1289 — Конрад фон Гаттштейн;

1290—1293 — Бальтазар Гольте;

1293—1295 — должность ландмейстера оставалась вакантной[1];

1295—1296 — Генрих фон Динклаге;

1296—1298 — Бруно;

1298—1307 — Готтфрид фон Рогге;

1307—1309 — должность ландмейстера оставалась вакантной;

1309—1322 — Гергард фон Йорк;

1322—1324 — Конрад Кессельгут (и.о.);

1324—1328 —Реймар Гане;

1328—1340 — Эбергард фон Монгейм;

1340—1345 — Буркхард фон Дрейлебен;

1345—1359 — Госвин фон Герреке (Герике);

1359—1360 — Андреас фон Штейнберг (и.о.)

1360—1364 — Арнольд фон Витингове (Фитингоф);

1364—1385 — Вильгельм фон Фримерсгейм;

1385—1388 — Робин фон Эльтц;

1388—1389 — Иоганн фон Оле;

1389—1401 — Веннемар фон Бруггеней;

1401: Бернгард Гёвельман (и.о.);

---

[1] В периоды, в которые должность ливонского ландмейстера оставалась вакантной, управление ливонским орденским государством «тевтонов» осуществлялось непосредственно ведомством Верховного магистра (гохмейстера) «тевтонов» из Пруссии.

1401—1413 — Конрад фон Фитингоф(ен);

1413—1415 — Дитрих Торк;

1415—1424 — Зигфрид Ландер фон Шпангейм (Шпонгейм);

1424: Дитрих Кра (и.о.)

1424—1433 — Циссе (Киссе) фон дем Рутенберг;

1434—1435 — Франк Кирскорф;

1435—1437 — Генрих фон Бёкенфёрде-Шюнгель;

1437—1438 — Готтфрид фон Рутенберг (и.о.);

1438—1439 — Генрих Финке (Винке) фон Оверберг (и.о.)

1439—1450 — Генрих Финке (Винке) фон Оверберг;

1450: Готтгард фон Плеттенберг (и.о.);

1450—1469 — Иоганн фон Менгеде-Остгоф;

1469—1470 — Иоганн фон Крикенбек (и.о.);

1470—1471 — Иоганн Вольтус (Вальгауз) фон Герзе (Герзе);

1471—1472 — Бернгард фон дер Борх (и.о.);

1472—1483 — Бернгард фон дер Борх;

1483—1485 — Иоганн Фрейтаг фон Лорингофен (и.о.);

1483—1485 — Иоганн Фрейтаг фон Лорингофен;

1494—1535 — Вольтер фон Плеттенберг (годы жизни: 1450—1535) (в 1501—1502 гг. обязанности ландмейстера исполнял Веннемар фон Дельвиг);

1535—1549 — Герман фон Брюггеней (Бруггеней);

1549—1551 — Иоганн фон дер Рекке;

1551—1557 — Генрих фон Гал(л)ен;

1557—1559 — Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг;

1559—1561 — Готтгард Кеттлер (Кетлер, Кеттелер) — светский герцог Курляндии с 1561 по 1587 г.).

Приложение 10

ЛИВОНСКИЕ ЛАНДМАРШАЛЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

1237—1239: Рутгер

1239—1241: имя неизвестно

1241: Вернер

1241—1279: имя неизвестно

1279: Гергард фон Катценэльнбоген

1279—1300: имя неизвестно

1300: Генрих

1300—1306: имя неизвестно

1306: Куно

1306—1316: имя неизвестно

1316: Генрих

1316—1324: имя неизвестно

1324—1328: Иоганн Унгнаде

1328—1330: имя неизвестно

1330: Эмеко Гаке

1330—1342: имя неизвестно

1342: Бернгард фон Ольдендорф

1343—1347: имя неизвестно

1347—1349: Бернгард фон Ольдендорф (повторно)

1349—1354: имя неизвестно

1354—1375: Андреас фон Штейнберг

1375—1385: Робин фон Эльц

1385—1387: имя неизвестно

1387—1393: Иоганн фон Оле

1393—1395: имя неизвестно

1395—1404: Бернгард фон Гёвельман

1404—1410: имя неизвестно

1410: Герман Финке (Винке)

1410— 1417: имя неизвестно

1417—1420: Гергард Вреде

1420—1422: Вальрабе фон Гунсбах

1422—1427: Дитрих Кра

1427—1431: Вернер фон Нессельроде

1432—1434: Франк Кирскорф

1434—1435: Генрих фон Бёкенфёрде по прозвищу Шунгель

1435—1441: Готфрид фон Роженберг

1441—1448: Генрих фон Гортлебен

1448—1450: имя неизвестно

1450—1461: Готтгард фон Плеттенберг

1462—1468: Гергард фон Маллинкродт

1468—1470: Иоганн фон Крикенбек по прозвищу Шпор (Спор)

1470—1471: Лубберт фон Фарссем (Варссем)

1471: Бернгард фон дер Борх

1472—1488: Конрад фон Герценроде

1489—1494: Вольтер фон Плеттенберг

1495—1501: Генрих фон дер Брюгген

1502—1529: Иоганн фон дем Бреле по прозвищу Платер

1529—1535: Герман фон Брюггеней по прозвищу Газенкамп

1535—1551: Генрих фон Гален

1551—1556: Каспар фон Мюнстер (Яспер фон Мюнстер)

1556—1558: Кристоф фон Нейгоф по прозвищу Лей

1558—1560: Филипп Шал(л)ь фон Бел(л)ь

Приложение 11

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКИЕ

1236— 1263 Миндовг (Миндаугас, Миндоуг, Мендог)

1263—1264 Тройнат (Трянёта, Трениота, Транята)

1264— 1267 Воишелк (Вышелк, Войшелк, Войшалк)

1267— 1269 Шварн (Шварно)

ок. 1270—1282 Трайден (Трейдень, Трейден, Трейдень, Тройден, Трайдянис, Трайдзень)

1282—1285(?) Довмонт (Даумантас, Даумонт, в крещении Тимофей — князь Псковский)

1282(?) 1285(?) 1287(?) —1289 или 1290 Бутигейд (Бутигейдис, Будзикид)

1290—1295 Пукувер Будивид (Бутивид, Бутвидас, Будивидас, Путавирас, Пукуверас, Будзивид)

1295—1315 (1316) Витень (Вицень, Витенис)

1316—1341 Гедимин (Гедиминас, Гедзимин, Гедымин, Гядиминас)

1341—1345 Евнутий (Явнутий)

1345—1377 Ольгерд (лит. Альгирдас, Альгерд, Ольгерд) Ягайла (Ягайло, Йогайла, Ягелло) первый раз, совместно с Кейстутом (Кастутом) — 1377—1381

1381—1382 Кейстут (Кастут, Кастусь, Кестутис, Кястутис)

1382—1392 Ягайло (Йогайла, Ягайла, Володислав Ягайло) — второй раз Великий князь Литовский, король польский под именем Владислав II Ягелло 1386—1434

1392— 1430 Витовт (Витаутас, Витольд, Витаут, в крещении — Александр)

1386— 1392 Скиргайло Ольгердович (Иван, Ивав, Скиргайла Альгирдавич, Скиргайла Альгердавич) — наместник Ягайло в Великом княжестве Литовском

1430—1432 Свидригайло Ольгердович (Свидригелло, Швитригайла, Свидригелло, Свидрыгайла)

1432—1440 Сигизмунд Кейстутович (Жигимантас, Жыгимонт Кейстутавич, Жигимантас Кяйстутайтис)

1440—1492 Казимир Ягеллон (Казимеж Ягеллончик, Казимир Ягелончык, Казимерас Йогайлайтис) Великий князь Литовский король Польши как Казимир IV Ягеллон 1447—1492

1492—1506 Александр Ягеллон (Александер Ягеллоничик) Великий князь Литовский, король Польши 1501—1506

1506—1548 Сигизмунд I Старый (Жигимонт I Старый, Жыгимонт I Стары, Зигмунт I Стары, Зыгмунт I Стары) Великий князь Литовский и король Польши

1529—1572 Сигизмунд II Август (Зигмунт II Аугуст, Жыгимонт Аугуст, Зыгмунт Аугуст) Великий князь Литовский с 1529 (сначала совместно с Сигизмундом I, с 1548 — единолично) и король польский с 1548 г., глава федеративного государства Речь (Жечь) Посполита Обоих Народов 1569—1572

Приложение 12

КНЯЗЬЯ И КОРОЛИ ПОЛЬШИ

А) Легендарные князья полян-ляхов (ок. 600—965). Центральная Польша. Престол в Гнезно

1.1. Род Попелидов

1. Лех I (ок. 600)
2. Крок (Кракус), сын
3. Лех II, сын
4. Ванда, дочь
5. Лешек I (Пшемыслав), сын
6. Лешек II, сын
7. Лешек III (Мешек, Мешко), сын
8. Попель I, сын
9. Попель II (Пепелек), сын (ок. 820—843)

1.2. Аврам Парховник (843)

1.3. Род Пястов

1. Пяст (ок. 843—861)
2. Земовит, сын (ок. 861—892)
3. Лешек IV, сын (ок. 892—913)
4. Земомысл, сын (ок. 913—960)
5. Мешко I, сын (ок. 960—992, с 965 — князь Польши)

Б) Князья и короли Польши (ок. 965—1795)

I. Династия Пястов (ок. 965—1370)

1. Мешко I, князь полян-ляхов (князь ок. 965—992)

2. Болеслав I Храбрый, сын (992—1025, король в 1025)

3. Мешко II Ламберт, сын (король 1025—1034)

Оттон (Бесприм), брат (претендент на королевский престол 1031—1032)

4. Болеслав Забытый, сын (1034—1038)

5. Казимир (Казимеж) I Восстановитель, брат (1038—1058)

Моислав, или Маслав (претендент на престол в Мазовии 1038—1047)

6. Болеслав II Смелый, сын (1058—1079, король с 1076, умер в 1081)

7. Владислав II Герман, брат (герцог 1079—1094, формально до 1102). Сецех (палатин 1079—1099)

8. Збигнев, сын (герцог 1094—1096, претендовал на престол до 1108, убит в 1129)

9. Болеслав III Кривоустый, брат (король 1102—1039)

1139—1295 раздел Польского королевства на отдельные княжества

10. Пшемыслав II, князь Кракова (король 1295—1296)

11. Вацлав II, король Чехии, зять (1300—1305)

12. Вацлав III, сын (1305—1306)

1306—1319 королей в Польше не было

13. Владислав I Локетек (Локоток), князь Куявии (князь Кракова 1296—1333, король Польши 1319—1333)

14. Казимир III Великий, сын (1333—1370)

15. Людвик (Лайош, Людвик) Анжуйский, король Венгрии, внук (1370—1382)

16. Ядвига (Гедвига), дочь (королева 1382—1386, умерла в 1399)

II. Династия Ягеллонов (1386—1572)

С 1386 г. Польша и Литва образовали персональную унию, из которой впоследствии возникло двуединое Литовско-Польское государство — Речь Посполитая (Жечь Посполита).

1. Владислав II Ягелло (Ягайло), Великий князь Литвы, муж Ядвиги (король 1386—1434)

2. Владислав III Варненьчик, сын (1434—1444, король Венгрии (Уласло I) 1440—1444)

Збигнев Олесницкий, архиепископ Краковский (канцлер 1434—1447)

3. Казимир IV Ягеллончик, брат (1445—1492)

4. Ян I Ольбрахт, сын (1492—1501)

5. Александр, брат (1501—1506, Вел. князь Литвы с 1492)

6. Сигизмунд (Зигмунд, Зыгмунд) I Старый, брат (1506—1548)

7. Сигизмунд II Август, сын (1548—1572, соправитель с 1529)

Приложение 13

Ян Длугош

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ HISTORIA POLONICAE ГОД ГОСПОДЕНЬ 1410

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ОТРЯДОВ, ЗНАМЕН И ГЕРБОВ ЗЕМЕЛЬ КОРОЛЕВСТВА И МУЖЕЙ, КОТОРЫЕ УЧАСТВОВАЛИ В ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

Между тем как польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы, все королевское войско, построенное по отрядам и знаменам — польское под командованием Зиндрама из Машковиц, мечника краковского, литовское же под командованием одного Великого князя Литовского Александра, — подошло с поразительной быстротой и встало боевым строем напротив врага; и тогда как польское войско заняло левое крыло, литовское держало правое. Но в такой крайности всякая быстрота казалась медленной. Было известно, что польское войско имело в этой битве пятьдесят знамен, которые мы называем хоругвями, составленных из известных и опытных рыцарей, кроме литовских хоругвей, числом сорок. Первой

хоругвью была большая хоругвь Краковской земли, на знамени которой был белый орел, увенчанный короной, с распростертыми крыльями, на красном поле; в ней заняли ряды все виднейшие вельможи и рыцари Польши и все заслуженные и опытные воины, превосходя все прочие мощью и числом; предводителем ее был упомянутый Зиндрам из Машковиц, а знаменосцем рыцарь Марцин из Вроцимовиц из рода Полукозы; впереди, в ее первом ряду, в силу их превосходства и заслуг стояли девять рыцарей, а именно: Завиша Черный из Гарбова, герба Сулима; Флориан из Корытниц, герба Елита; Домарат из Кобылян, герба Гжималя; Скарбек из Гур, герба Габданк; Павел Злодзей из Бискупиц, герба Несобя; Ян Варшовский, герба Наленч; Станислав из Харбиновиц, герба Сулима; Якса из Тарговиска, герба Лис. Вторая хоругвь — Гонча, на знамени которой были два желтых креста на лазурном поле; ее вел Енджей из Брохоциц, рыцарь герба Озория, а впереди ее стояли пять рыцарей, а именно: Ян Сумик из Набжоз, который шестнадцать лет служил у турецкого султана в должности паши, Бартош и Ярослав из Пломикова, герба Помян; Добеслав Оквия, герба Венява, и чех Зигмунт Пиква. Третья хоругвь — дворцовых чинов, имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом коне и потрясающего мечом в руке, на красном поле; ее вели Енджей Цолек из Желехова, герба Цолек, и Ян из Спрова, герба Одровонж; в первом ее ряду были следующие рыцари: Мщуй из Скшинна, герба Лебедь; Александр Горайский, герба Корчак; Миколай Повала из Тачова, герба Повалов; Сасин из Выхуча, также герба Повалов. Четвертая — святого Георгия, имевшая на знамени белый крест на красном поле; под ним были все наемные чехи и моравы, а предводителями были чехи Сокол и Збиславек, знаменосцем же был чех Ян Сарновский,

так как король Владислав хотел оказать честь чешскому народу. Пятая хоругвь — земли Познанской; на ее знамени был белый орел без короны на красном поле. Шестая — земли Сандомежской, которая имела на одной половине знамени три серые полосы или черты на красном поле, а на другой — семь звезд на лазурном поле. Седьмая — калишская, имела на знамени бычью голову на шахматной доске, украшенную королевским венцом; из ноздрей быка свешивалось круглое кольцо. Восьмая хоругвь, земли Серадзской, имела на одной половине знамени половину белого орла на красном поле, а на другой — половину огненного льва на белом поле. Девятая хоругвь, земли Люблинской, имела на знамени оленя с длинными рогами на белом поле. Десятая — земли Ленчицкой, имела знаменем половину черного орла и половину белого льва на желтом поле. Одиннадцатая, земли Куявской, имела на одной половине знамени половину черного орла на желтом поле, на другой — половину белого льва на красном поле. Двенадцатая — земли Леопольской, имела на знамени желтого льва, всходящего как бы на скалу, на лазурном поле. Тринадцатая — земли Велюньской, имела на знамени косую снежно-белую черту, разделяющую равномерно красное поле; ввиду редких рядов этой хоругви король для ее пополнения присоединил к ней наемных рыцарей из Силезии. Четырнадцатая хоругвь, земли Пшемысльской, имела на знамени желтого орла с двумя головами, повернутыми равномерно в разные стороны, на лазурном поле. Пятнадцатая — земли Добжинской, имела на знамени изображение старика до бедер, с головой, украшенной короной, и с рогами, на желтом поле. Шестнадцатая хоругвь, земли Холмской, имела на знамени белого медведя, стоящего между двумя зелеными деревьями, на красном поле. Семнадцатая, восемнадцатая и де-

вятнадцатая — земли Подольской, которая имела три знамени, ввиду многочисленности своего населения; каждое из них имело солнечный лик на красном поле. Двадцатая — земли Галицкой, имела на знамени черную галку с короной на голове на белом поле. Двадцать первая и двадцать вторая — князя Мазовии, Земовита, имели на знамени белого орла без короны на красном поле. Двадцать третья — князя Мазовии, Януша, имела знамя, разделенное на квадраты белого и красного цвета, расположенные крест-накрест; с белым орлом на двух из них и с вороном на остальных двух. Двадцать четвертая — Миколая Куровского, архиепископа Гнезненского, имела на знамени реку, отмеченную наверху крестом, на красном поле. Двадцать пятая — Альберта Ястшембца, епископа Познанского, на знамени ее была подкова с крестом в середине, на лазурном поле; предводителем ее был рыцарь Яранд из Брудзева. Двадцать шестая — Кристина из Острова, каштеляна краковского, имела на знамени медведя, уносящего деву в короне, на красном поле. Двадцать седьмая — Яна Тарновского, воеводы краковского, имела на знамени серп луны, охватывающий звезду, на лазурном поле. Двадцать восьмая — Сендзивоя из Остророга, воеводы познанского, имела на знамени головную повязку, свитую в круг и перевязанную узлом посредине, с расходящимися концами, на красном поле. Двадцать девятая — Миколая из Михалова, воеводы сандомежского, имела на знамени белую розу на красном поле. Тридцатая — Якуба из Конецполя, воеводы серадзского, имела на знамени белую подкову, передней стороной опущенную вниз и отмеченную крестом, на красном поле. Тридцать первая — Яна, иначе Ивана, из Обихова, каштеляна сремского, имела на знамени голову зубра с висящим из ноздрей круглым кольцом, на желтом поле.

Тридцать вторая — Яна Лигензы из Бобрека, воеводы ленчицкого, имела на знамени изображение головы осла на красном поле. Тридцать третья — Енджея из Тенчина, каштеляна войницкого, на ее знамени был двуострый топор на красном поле. Тридцать четвертая — Збигнева из Бжезя, маршалка Польского королевства, на знамени ее была львиная голова, изрыгающая пламя, на лазурном поле. Тридцать пятая — Петра Шафранца из Песковой скалы, краковского подкомория, на ее знамени был белый конь, опоясанный черной подпругой посредине, на красном поле. Тридцать шестая хоругвь — Клеменса из Мошкожова, каштеляна вислицкого, на ее знамени изображены были два с половиной желтых креста на желтом поле. Тридцать седьмая — Винцента из Гранова, каштеляна сремского и старосты Великой Польши, имела на знамени серп луны со звездой в середине, на лазурном поле. Тридцать восьмая — Добеслава из Олесницы, имела на знамени белый крест с тройной чертой в виде W в четвертом углу на красном поле. Тридцать девятая — Спытка из Ярослава, имела на знамени серп луны со звездой посредине, на лазурном поле. Сороковая — Марцина из Славска, имела на знамени в верхней части черного льва, в нижней части — четыре камня, на коричневом поле. Сорок первая — Доброгоста из Шамотул, имела на знамени повязку, свитую в круг и перевязанную посредине узлом, с расходящимися концами, на красном поле. Сорок вторая — Кристина из Козеглув, каштеляна сандецкого, имела на знамени стрелу с двойной поперечиной, украшенную крестом, на красном поле. Сорок третья — Яна Менжика из Домбровы, имела на знамени две рыбы, называемые форелями, одну на белом поле, другую — на красном. Сорок четвертая — Миколая, подканцлера королевства Польского, имела на знаме-

ни три трубы на белом поле. Сорок пятая — Миколая Кмиты из Висниц, имела на знамени красную реку, украшенную крестом. Сорок шестая — братьев и рыцарей Грифов, имела на знамени белого грифа на красном поле; ее предводителем был Сигизмунд из Бобова, краковский подсудок. Сорок седьмая — рыцаря Заклики Кожеквицкого, имела на знамени белую черту в виде двойного W, снабженную крестом, на красном поле. Сорок восьмая — братьев и рыцарей Козлероги, имела знаменем три копья, пересекающиеся на красном поле; ее предводителем был Флориан из Корытниц, каштелян вислицкий и староста пшедецкий. Сорок девятая — Яна Енчиковца, барона моравского, имела на знамени длинную белую стрелу, разведенную на конце, на красном поле, которая у поляков называется Odrowansz; ее предводителем был Гельм мораванин, и в ней служили одни мораване, которых прислал в подмогу польскому королю Владиславу упомянутый Ян Енчиковец, помня о милостях, оказанных его отцу Енчику королем Владиславом. Пятидесятая — Гневоша из Далевиц, краковского подстолия, имела знаменем белую стрелу, разведенную посредине направо и налево, с косым крестом над развилкой, на красном поле; в ней служили только наемные рыцари, не из поляков, а из чехов, моравов и силезцев, приведенные помянутым подстолием Гневошем; герб же и знатный род, носящий оружие с этими знаками, носит у поляков искаженное усеченное название Стшегомя; вместо чего следует лучше произносить «тши гуры», то есть «три горы», по названию силезского города «Тшигоры», иначе «Тшегом», так как он тогда состоял в их владении, отчего и носит название по своему происхождению. Пятьдесят первая — Сигизмунда Корибута, литовского князя, имела знаменем коня с всадником в доспехах на красном поле. Кроме

того, были в литовском войске Александра Витовта, Великого князя Литвы, хоругви, под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары. Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; также и конями они не могли сравняться с поляками. Знамена же, определенные таким хоругвям, были почти все одинаковы, ибо почти каждая имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом, иногда черном, либо гнедом, либо пегом коне и потрясающего мечом в простертой руке, на красном поле. Только десять из них имели другое знамя и отличались от остальных тридцати; на них на красном поле были нарисованы знаки, которыми Витовт обыкновенно клеймил своих коней, которых имел множество; так как знаки эти нельзя описать как предметы, их можно изобразить таким образом: (здесь в «Истории» Яна Длугоша приведено изображение эмблемы Великих князей Литовских, именуемой «столпами Гедимина» или «Колюмнами» и напоминающей родовой знак древнерусских князей из дома Рюриковичей, так называемый «трезубец» или «тризуб», толкуемый иногда, как стилизованное изображение сокола-рарога, падающего с небес камнем на добычу. — *В.А.*). Назывались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Трокская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона, Георгия.

ОПИСАНИЕ ЗНАМЕН И ОТРЯДОВ КРЕСТОНОСНОГО ВОЙСКА

Прусское войско как рыцарской силой, так и числом знамен уступало польскому (факт численного превосходства армии польско-литовской коалиции над армией Тевтонского ордена признавал и Длугош. — *В.А.*). Два знамени или хоругви имел магистр: одно первое, большое, в котором состояли все отборные рыцари; другое — малое; оба имели знаменем черный крест с черным же орлом в середине. Третья хоругвь, тоже всего ордена, имела знаменем широкий черный крест на белом поле; ее предводителем был Фридрих фон Валлерод (имена «тевтонов» в «истории» Яна Длугоша часто передаются в искаженном виде. — *В.А.*), маршал Пруссии. Четвертая — Конрада Белого Контнера, князя Олесницкого, имела знаменем черного орла на желтом поле; из всех князей Силезии он один со своими воинами лично участвовал в битве, хотя нельзя сомневаться, что почти все князья Силезии участвовали в ней желанием и сочувствием. Пятая — князя Казимира Щецинского, имела знаменем грифа на белом поле; князь тоже лично со своими воинами помогал магистру и крестоносцам. Шестая хоругвь — святого Георгия, имела знаменем красный крест на белом поле; ее предводителем был Георг Керцдорф, и она рыцарскую доблесть предпочитала бегству. Седьмая — епископа помезанского, имела на знамени изображение святого евангелиста Иоанна в виде желтого орла, между двумя желтыми посохами; ее вел Марквард фон Решембург. Восьмая хоругвь — епископа и епископства Самбийского, имела знаменем три красных клобука на белом поле; ее вел Генрих граф Каменецкий из Миснии. Девятая хоругвь — епископа и епископства Кульмского, иначе ризенбургская, имела на белом знамени обнаженный

красный меч, скрещенный с красным же посохом; ее предводителем был Дитрих фон Зовембург. Десятая хоругвь — епископа и епископства Вармийского, иначе гейльбергская, имела верхнюю половину знамени красную с белым изображением агнца Божия, держащего над собой одной ногой маленькое знамя; из груди агнца кровь струится в поставленную перед ним чашу; а другую половину — просто белую. Одиннадцатая хоругвь — великого командорства, имела знамя с широкой белой полосой на красном поле; ее предводителем был Конрад Лихтенштейн, великий командор. Двенадцатая хоругвь — города Кульма, имела на одной половине знамени белые волны, на другой половине — красные с добавлением черного креста и черной же черты поверху; знаменосцем ее был Николай, по прозванию Никш (Никкель фон Реннис. — *В.А.*), хорунжий кульмский, которого потом магистр крестоносцев Генрих фон Плауэн, преемник Ульриха фон Юнингена, казнил как нарушившего верность; предводителями же были рыцари Януш Ожеховский и Конрад Репловский. Тринадцатая хоругвь — казначея ордена, имела знаменем белый ключ на красном поле; предводителем ее был Морейн, казначей крестоносцев. Четырнадцатая хоругвь — командорства и города Грудзендза, имела знаменем черную голову зубра на белом поле; ее предводителем был Вильгельм Эльфештейн, командор Грудзендза. Пятнадцатая — командорства и города Бальги, имела знаменем красного волка на белом поле. Шестнадцатая — командорства и города Шонзее — имела знаменем две красные рыбы, изогнутые так, что они соприкасались ртами и хвостами, на белом поле; ее предводителем был Никлош Вильц, командор Шонзее. Семнадцатая хоругвь — города Кинсберга имела знаменем белого льва с желтой короной на голове, на крас-

ном поле; над ним помещен был черный крест на белом поле; ее предводителем был вице-маршал или вице-командор кинсбергский. Восемнадцатая хоругвь — командорства Старогардского, имела на знамени четыре квадратных поля, частью черных, частью белых, расположенных крест-накрест. Ее предводителем был Вильгельм Ниппен, командор Старгарда. Девятнадцатая хоругвь — командорства и города Тухоли, имела на знамени два поля — красное и белое, разделенные каждое посредине продольными черными чертами; ее предводителем был Генрих, командор тухольский, спесь, ослепление и дерзость которого дошли до того, что, отправившись в этот поход, он приказывал, куда бы он ни шел, нести перед собой два обнаженных меча. Когда некоторые честные и скромные люди советовали ему не вести себя так надменно, то он обязался клятвой, что не вложит этих мечей в ножны, пока не обагрит их оба кровью поляков. Двадцатая хоругвь — замка и командорства нешавского, имела знаменем в средине белое поле, а с обеих сторон — черные; ее предводителем был Конрад Гоцфельд, командор нешавский. Двадцать первая хоругвь — рыцарей и наемников из Вестфалии, имела на поле две скрещенных красных стрелы. Двадцать вторая — фогства и города Рогозьно, имела на белом поле три розы на красной косой полосе; ее предводителем был Фридрих Вед, рогозьненский фогт. Двадцать третья — командорства и города Гданьска, имела на знамени два креста: именно один красный на белом поле и другой белый — на красном; ее предводителем был Иоганн Шоменфельд, командор гданьский. Двадцать четвертая — командорства и города Энгельсберга (который по-польски зовется Копшивно), имела на красном поле изображение белого ангела с распростертыми крылами и руками; ее вел Бурхард Вобек, ко-

мандор энгельсбергский. Двадцать пятая — командорства и города Бродницы, имела знаменем красного рогатого оленя на белом поле; ее предводителем был Балдуин Штолл, командор бродницкий. Двадцать шестая — замка Братиана и города Нове Място, имела знаменем три коричневых оленьих рога, соединенные в круг, на белом поле; ее предводителем был Иоганн фон Редере, фогт братианскнй. Двадцать седьмая — города Брунсберга, имела знаменем два креста, один белый на черном поле, другой — черный на белом. Двадцать восьмая — наемных рыцарей, имела знаменем две скрещенных стрелы: одну заостренную, другую же без железного острия, а только с древком; та и другая — красные, на белом поле. Двадцать девятая — наемных рыцарей, имела знаменем белого волка на красном поле: в ней состояли швейцарские воины, пришедшие на помощь магистру прусскому и ордену собственным иждивением. Тридцатая — командорства и города Ласина, иначе Лешкена, имела знамя в три поля: верхнее — красное, нижнее — черное, а среднее — белое; вел ее Генрих Кушечке, фогт ласинский. Тридцать первая — командорства и города Члухова, имела на знамени в верхней части, на красном поле, изображение белого агнца Божьего, держащего над собой одной ногой белое маленькое знамя; из груди его струится кровь в чашу; а в нижней части — только белое поле; вел ее Арнольд фон Баден, командор члуховский. Тридцать вторая — города Бартенштейна, имела знаменем белую секиру на черном поле. Тридцать третья — командорства и города Остероды; ее знамя составляли четыре квадратных поля, именно белые и красные, расположенные крест-накрест; ее вел Пенченгаун, остеродский командор. Тридцать четвертая — рыцарей Кульмской земли, имела на знамени красные и белые волны с черным крестом

над ними; ее вел граф Иоганн фон Зейн, командор торуньский. Тридцать пятая — командорства и города Эльбинга, имела на знамени два белых креста, один в верхней части, другой — в нижней, на красном поле; вел ее Вернер Теттинген, командор эльбингский. Тридцать шестая — иноземных рыцарей из нижней Германии, имела знаменем широкую черную косую полосу на белом поле. Тридцать седьмая — командорства и города Торуня, имела на знамени замок с тремя красными башнями и черными воротами с двумя открытыми желтыми створками, на белом поле; вел ее вице-командор торуньский. Тридцать восьмая — собранная из рыцарей, прибывших с Рейна, имела знаменем на белом поле косую широкую черную черту. Тридцать девятая — города Гнева, иначе, по-немецки, Меве, которую вел Иоганн граф фон Венде, командор гневский; его подручными были жители и горожане Гневского округа; она была набрана из рыцарей, прибывших из Франконии; на ее знамени были две белых скрещенных стрелы на красном поле, одна заостренная, другая без железного острия, только с древком. Сороковая — города, называемого Свента Секирка, по-немецки Хейльгебейт, имела знаменем на черном поле белую секиру. Сорок первая — командорства и города Брунсвика, имела знаменем на лазурном поле красного льва с белыми полосами в трех местах, именно на груди, животе и на одной ноге, и с желтой короной на голове. Сорок вторая — командорства и города Гданьска, имела в верхней части знамени красный крест на белом поле, в нижней — белый крест на красном поле; предводителем ее был вице-командор гданьский. Сорок третья — состоявшая из рыцарей из Миснии, имела в верхней части знамени белый крест на красном поле, а в нижней — красный крест на белом поле. Сорок четвертая — командорства

и города Щитно, имела знамя, разделенное наискось на белое и красное поле; вел ее Альберт фон Эчбор, командор Щитна, иначе Ортельсбурга. Сорок пятая — командорства и города Рагнеты, имела знаменем три красных клобука на белом поле; ее вел граф Фридрих фон Цоллерн, командор Рагнеты. Сорок шестая — города Книпова, имела в верхней части знамени красную корону на белом поле, а в нижней части — белый крест на красном поле. Сорок седьмая — состоявшая из ливонцев, имела знамя в три поля: верхнее светло-голубое, посредине — белое и нижнее — красное. Сорок восьмая — фогтства и города Тчева, имела знаменем четыре белых и черных чередующихся поля, наподобие частокола; ее вел Матиас фон Беберах, тчевский фогт. Сорок девятая — города Большого Ольштына, иначе Мельзак, имела знамя из трех полей: вверху — черное, посредине — белое и нижнее — красное. Пятидесятая хоругвь — наемных рыцарей, имела знамя с четырьмя квадратными полями, двумя лазурными и двумя красными, расположенными крест-накрест. Пятьдесят первая — командорства и города Бранденбурга, имела знаменем красного орла на поле; ее вел Марквард фон Зальцбах, командор бранденбургский. Хоругвь же командорства и города Свеца, знамя которой состояло только из белых и красных полей, расположенных крест-накрест, не участвовала в настоящей битве, ибо командор свеценский Генрих фон Плауэн со всеми местными воинами и рыцарями Свеценского командорства был оставлен на месте, чтобы защищать Померанскую землю от нападения и опустошения, которого опасались со стороны Януша Бжозоглового из замка Быдгощи, так что командор свеценский со своей хоругвью и воинами не мог принять участия в битве.

ПОДКАНЦЛЕР УПРЕКАМИ УДЕРЖИВАЕТ ЧЕХОВ ОТ ОТПАДЕНИЯ

В этот день триста чехов-наемников без согласия и без ведома короля ушли было из королевского лагеря, неизвестно, из страха ли, или подкупленные врагами. Встретив их уходящими, Миколай, подканцлер Польского королевства, следовавший за королевским лагерем, на вопрос, куда они направляются и по какой причине уходят, получил ответ, что король не производит им выплату выслуженного жалованья. «Я знаю, — сказал подканцлер, — что король Владислав щедро заплатил все, что вы выслужили, и даже прежде чем вы выслужили, так что побудила вас к вашему нынешнему уходу не обида, на которую вы должны бы были жаловаться прежде всего королю и его советникам, но страх и малодушие, когда вы узнали, что у короля сегодня будет сражение с врагами». Эта резкая речь столь сильно задела и уязвила чехов, что они оставили мысль об уходе, и, возвратившись в покинутый ими королевский лагерь, вскоре поспешили на битву, чтобы вместе с королевскими рыцарями вступить в схватку с врагами.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВЗОЙДЯ НА ХОЛМ, ОСМАТРИВАЕТ ВРАЖЕСКОЕ ВОЙСКО И ОТСЫЛАЕТ В ОБОЗНЫЙ ЛАГЕРЬ НЕ СПОСОБНЫХ К СРАЖЕНИЮ

Закончив полностью свои молитвы, Владислав, король польский, уставший от просьб и криков уже не только Великого князя Литвы, Александра, но и своих рыцарей, призывавших его вооружиться на битву, встает с колен, надевает вооружение, облачась с головы до ног в блестящие доспехи; тут его осаждают рыцари новыми, еще более громкими криками с требованием скорее подать знак к битве, ибо ничего

не казалось им достаточно скорым. Хотя как польское, так и литовское войска, построенные в боевом порядке, вышли на бой, и вражеские силы стояли напротив, на расстоянии не более полета стрелы, при оружии и готовые к бою, и хотя между ними завязывались уже предварительные стычки в отдельных поединках, однако поляки считали противным чести вступить в бой с врагом, пока король не подал знака.

Польские рыцари непоколебимо решились или победить, или умереть. Прусское же войско не обладало такой твердостью духа, так как состояло из смешения воинов разных языков и народностей и, кроме того, из толпы ремесленников, слуг и обозной прислуги, бесполезных на войне.

Итак, король, облачившись в доспехи, сел на коня и без всяких знаков королевского достоинства (за исключением того, что перед ним несли малого размера знамя с вышитым на нем белым орлом) проследовал на высокий холм, чтобы осмотреть вражеское войско; взойдя на вершину, находившуюся между двумя рощами, где была широкая поляна, откуда легко можно было полностью обозреть врагов, король, оценивая скорее на глаз, чем разумным расчетом, свои и вражеские силы, приходит то к радостным, то к грустным для себя предвидениям; насмотревшись вдоволь на численность вражеского войска, он спустился с холма и препоясал большое число поляков рыцарским поясом, разжигая в них краткой, но веской речью боевой пыл и наставляя каждого в долге чести; затем король, как был, на коне, снова совершил исповедание грехов Миколаю, подканцлеру Польского королевства. Затем, сменив коня, он сел на сильного и выносливого, выбранного из тысяч, мерина, рыжеватой, иначе czisawy, масти, с маленькой и узкой лысинкой на лбу, и потребовал шлем. Взяв его и держа в руках, он велел Миколаю,

подканцлеру королевства Польского, со всеми священниками и нотариями и прочей толпой невоенных людей, бесполезных в сражении, идти в обоз и ожидать его прибытия, которое последует, когда войско будет построено. Ибо по тайному и здравому суждению было решено, чтобы король не подвергал себя опасности битвы, держась в обозе и лагере. И вот, исполняя решение своих советников, Владислав, король польский, велел подканцлеру Миколаю отправиться вперед в лагерь, подавая надежду, что и сам туда прибудет, чтобы не быть вынуждену и самому, если бы он не подал надежды, что и сам последует за ним, по настоянию советников удалиться к обозу.

ПРУССКИЙ МАГИСТР УЛЬРИХ, ОСМОТРЕВ СВОИ И ВРАЖЕСКИЕ ВОЙСКА, ПРОЛИВАЕТ СЛЕЗЫ, ВЫЗЫВАЯ ЭТИМ ПОРИЦАНИЕ ВЕРНЕРА ТЕТТИНГЕНА, КОМАНДОРА ЭЛЬБИНГСКОГО

В это время магистр крестоносцев Ульрих фон Юнинген, увидя, что и королевские и его войска в великом множестве сошлись и стоят в боевом строю, по отрядам, готовые к сражению, устрашился и, сменив самонадеянность, которая обуяла его до дерзости, на тревогу, удалился в сторону и не только предался скорби, но даже дал волю обильно текущим слезам. Между тем такое поведение магистра очень не понравилось его командорам, толпа которых его окружала; эльбингский командор Вернер Теттинген, подойдя к нему, при всех стал попрекать, убеждая вести себя как мужчина, а не как женщина, и лучше подать пример мужества, чем малодушия своим рыцарям, ожидающим от него знака к битве. Без гнева снеся этот попрек, магистр Ульрих отвечает, что он пролил слезы, которые все видели, не по какой-либо ро-

бости или малодушию, а в силу своей набожности и истинной скорби о том, что именно при его магистерстве и правлении будет пролито столь много христианской крови, что даже тот, кто не станет очевидцем, сможет получить об этом представление. Он страшится также, как бы уже пролитая кровь и та, что сейчас будет пролита, не была бы взыскана с него, и поэтому он не в силах скрыть тревоги или скорби и горестных предчувствий. Он добавил также, что как муж решительный пойдет в битву без страха и в час испытаний будет тверд до конца, на чью бы сторону ни выпал жребий. А Вернер Теттинген пусть лучше смотрит за собой, заботясь лучше о себе и о своей особе, звании и положении; пусть он не мнит о себе и о своих силах столь надменно и высокомерно, чтобы, когда наступит битва, не пасть с тем большим позором, чем надменнее он превозносится над прочими.

Это предостережение не было напрасно: ведь магистр Пруссии Ульрих пал, сражаясь грудью с врагом, почитая недостойным пережить поражение своего войска; Вернер же Теттинген, командор эльбингский (который позорно бежал с поля битвы и не мог остановиться в своем бегстве, пока не достиг Эльбинга), станет для всех примером хвастливости и надменности, не оставшихся безнаказанными.

СПОКОЙНО ПРИНЯВ ЗАНОСЧИВОЕ ПОСОЛЬСТВО УЛЬРИХА, МАГИСТРА ПРУССИИ, И ПРИСЛАННЫЕ ИМ ДВА ОБНАЖЕННЫХ МЕЧА, КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ НАЗНАЧАЕТ СЕБЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ И ПОВЕЛЕВАЕТ ДАТЬ ЗНАК К БИТВЕ

Получив королевский приказ, Николай, подканцлер Польского королевства, выступил было впереди короля к обозу; между тем, когда король уже хотел надеть шлем на голову и

ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов; один из них нес знамя короля римлян, именно с черным орлом на золотом поле, а другой — князя щецинского, с красным грифом на белом поле. Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей, во избежание оскорблений. Магистр Пруссии, Ульрих, послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще и дерзостные поручения. Увидя герольдов и предполагая, что они, как это и было, пришли с каким-то новым и необычным посольством, Владислав, король польский, велел вызвать обратно подканцлера Миколая и выслушал объявление герольдов в присутствии его и некоторых вельмож, несших личную охрану короля, а именно: князя Мазовии Земовита младшего, племянника по родной сестре короля, Яна Менжика из Домбровы, чеха Золавы, секретаря Збигнева из Олесницы, Добеслава Кобылы, Волчка Рокуты, Богуфала, начальника кухни, Збигнева Чайки из Новодвора, носителя королевского копья, носителя малого знамени Миколая Моравца и Данилки из Руси, носителя королевских стрел; ввиду того, что Великий князь Литвы Александр спешил на бой и был занят построением своих войск, вызвать его не удалось. Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь,

вступил в бой и не таился дольше, затягивая сраженье и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы».

Так сказали герольды. И в самый момент этого объявления замечено было, что войско крестоносцев, в подтверждение сказанного герольдами, отступило на значительное расстояние, чтобы видно было, что оно на деле подтверждает достоверность заявления герольдов. Это заявление было, конечно, глупым и не подобающим набожности крестоносцев: как будто бы им было ведомо, что успех находится в их власти и что кому судьба определит в этот день. Владислав же, король Польши, выслушав дерзкое и заносчивое посольство крестоносцев, принял мечи из рук герольдов и, без всякого раздражения и негодования, а со слезами, без какого-либо осуждения, но с удивительным, как бы небесным смирением, терпением и скромностью дал герольдам ответ: «Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моего народа крови и истребления два меча, доставленные вами, я принимаю во имя Бога и прибегну к нему, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни, к его матери, Деве Марии, и заступникам моим и королевства моего, святым Станиславу, Адальберту, Венцеславу, Флориану и Ядвиге. Я буду молить их обратить гнев свой на них, как на столь же дерзких, сколь и нечестивых врагов; ведь врагов моих нельзя утишить и умиротворить ни

справедливостью, ни смирением, ни предложениями моими, пока они не прольют кровь, не растерзают утробу и не наденут нам на шею ярма. На надежнейшей защите Божией и его святых и их поддержке и заботе покоится моя уверенность, что они поддержат меня и мой народ силами своими и своим заступничеством и не допустят, чтобы я и народ мой были повержены столь лютыми врагами, у которых столь часто я искал мира. И в настоящий момент я не отверг бы мира, если бы он был возможен на справедливых условиях; я отвел бы даже теперь занесенную для битвы руку, если бы даже видел в этих двух мечах, принесенных вами, явное небесное знамение, предвещающее мне победу в бою. Выбора же поля битвы я для себя не требую и не притязаю на это, но как подобает христианину, человеку и королю, установление его я предоставляю Божественной воле, чтобы получить то место для сражения и тот исход войны, какие будут определены Божественной милостью и счастьем нынешнего дня; я уверен в том, что Всевышний положит ярости крестоносцев конец, которым и ныне и на будущее время укрощена будет их столь нечестивая и нестерпимая гордыня, ибо я твердо знаю, что вышние силы будут стоять за правое дело. Поле, на котором мы стоим и где нам предстоит сразиться, Марс, равный для обеих сторон, и справедливый судия подавят и унизят великую, превозносящуюся до небес гордыню моих врагов, по упованию моему, что Бог окажет помощь мне и моему народу в предстоящей битве». (Упомянутые два меча, дерзостно посланные крестоносцами в помощь польскому королю, хранятся и по сей день в королевской сокровищнице в Кракове, служа всегда новым и неувядающим напоминанием на будущее время о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой.)

Сказав это и передав герольдов под охрану рыцаря Дзивиша Мажацкого, герба Елита, а подканцлеру снова велев следовать в лагерь, король надевает шлем на голову и во имя Господа приказывает войску выступать и дать сигнал к бою, а рыцарям начинать сражение. Король призывает и молит всевышнего обратить свой гнев на крестоносцев, как на нарушителей договоров и людей безбожной гордыни, презирающих всяческую справедливость, а доблесть его рыцарей воодушевить и поддержать, ибо кротчайший король даже под скрежет и звон оружия и под резкие звуки труб стремился к справедливому решению, готовый отставить все орудия войны, лишь бы заключить мир на справедливых условиях. Однако, выслушав оскорбительное и заносчивое посольство крестоносцев, король отказался от этой мысли; он отложил всякую надежду на мир, которую хранил до этого часа, считая тщетным свое старание при том, что крестоносцы всюду трубили о своей великой гордыне. Это был, бесспорно, наилучший король, побеждавший врагов своих не столько мечом, сколько кротостью и справедливостью, сражаясь больше церковными службами и молитвой, чем оружием. Так положено было и по зрелом обсуждении решено, чтобы Владислав, король польский, не становился ни в какую определенную хоругвь, под каким бы знаменем она ни была; главнейшей заботой в тот день было всячески охранять его жизнь, и было дано весьма ясное распоряжение, чтобы сам король держался в удаленном и надежном месте, неизвестном не только врагам, но даже своим, огражденный свитой и отборной охраной войска из телохранителей и рыцарей. Были поставлены также в разных местах быстрые кони, сменяя которых король мог бы избегнуть опасности в случае победы врагов, потому что короля одного оценивали в десять

тысяч рыцарей. В отряде королевских телохранителей было (как мы упомянули выше) маленькое знамя с белым орлом в качестве герба; его знаменосцем был Миколай Моравец из Куношовки, герба Повала. Сам же отряд телохранителей состоял из шестидесяти рыцарей-копьеносцев. Главными королевскими телохранителями были следующие: Земовит младший, князь Мазовии, сын Земовита старшего, племянник короля по родной сестре; Федушко, иначе Феодосий, литовский князь, со значительным отрядом воинов, и Сигизмунд-Корибут, литовский князь, племянники короля по отцу: эти три князя были его родственниками. Кроме того, при короле были Миколай, подканцлер королевства Польского, герба Тромба, впоследствии гнезненский архиепископ; Збигнев из Олесницы, герба Дембно, впоследствии краковский епископ и кардинал; Ян Менжик из Домбровы, герба Вадвиц, впоследствии воевода леопольский; Ян Золава, чешский барон, герба Товачов; Беняш Беруш из Бялы, главный королевский спальник, герба Веруша; Генрих из Рогова, герба Дзялоша, впоследствии подскарбий Польского королевства; Збигнев Чайка из Новодвора, герба Дембно, который нес королевское копье; Петр Мадаленский, герба, имеющего два плужных лемеха, повернутых спинками друг к другу на голубом поле, называемого по-польски чех Ян Сокол и многие другие. Александр же Витовт, Великий князь Литвы, предоставивший охрану своей жизни и свободы одному Богу, скакал, разъезжая по всему как польскому, так и литовскому войску, часто сменяя лошадей, с немногими спутниками, но без всяких телохранителей; князь восстанавливал во многих местах расстроенные ряды литовского войска, и возобновлял бой, и громким криком и возгласами до самого конца всячески, но тщетно удерживал своих от бегства.

ПОЛЯКИ И КРЕСТОНОСЦЫ СХОДЯТСЯ, И ПРОИСХОДИТ ЖЕСТОЧАЙШАЯ БИТВА

Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско громким голосом запело отчую песнь «Богородицу», а затем, потрясая копьями, ринулось в бой. Войско же литовское, по приказу князя Александра, не терпевшего никакого промедления, еще ранее начало сражение. Уже Миколай, подканцлер королевства Польского, направляясь вместе со священниками и нотариями в королевский лагерь и проливая обильные слезы, повернул в сторону, потеряв из виду короля, когда один из нотариев предложил ему несколько приостановиться и дождаться столкновения столь могучих войск, — зрелища, конечно, редкостного, какого никогда потом не увидеть! Согласившись на его предложение, Миколай обратил лицо и взоры на завязавшееся сражение. В это самое время оба войска, подняв с обеих сторон крик, который обычно издавали, устремляясь в бой, сошлись посреди разделявшей их равнины, причем крестоносцы после по крайней мере двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско; однако усилия их были тщетны, хотя прусское войско бросилось в бой с более сильным натиском и криком и с более высокого места. На месте столкновения стояло шесть высоких дубов; на ветви их взобралось много людей (неизвестно — из королевского войска, или из войска крестоносцев), чтобы видеть сверху столкновение передних рядов и успехи того и другого войска. Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, до-

спехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями; и тогда среди сражающихся самый отважный Марс мог быть замечен только по руке и мечу.

ЛИТОВЦЫ, ПОКАЗАВ ТЫЛ, БЕГУТ ДО САМОЙ ЛИТВЫ

Сойдясь друг с другом, оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом; и так как ни то, ни другое войско не поддавалось назад, с сильнейшим упорством добиваясь победы, то нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье или кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску. Однако их расчет не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера;

когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство. Великий князь Литовский Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, Великий князь Литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены. В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении; все же остальные, оставя поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство, преследуемые врагом. Александр же Витовт, Великий князь Литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги.

РЫЦАРИ ЧЕШСКИЕ И МОРАВСКИЕ, ИЗ ТРУСОСТИ ИЛИ ПО УМЫСЛУ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА ЯНА САРНОВСКОГО, УХОДЯТ ИЗ РЯДОВ ВОЙСКА В БЛИЖАЙШИЙ ЛЕС; ЗАТЕМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В БОЙ ИЗ-ЗА УПРЕКОВ ПОДКАНЦЛЕРА, А ИХ НАЧАЛЬНИК ТЕРЯЕТ ВОИНСКУЮ ЧЕСТЬ

В то же время обратилась в бегство также и хоругвь святого Георгия на королевском крыле, в которой служили только чешские и моравские наемники и которую дали вести чеху Яну Сарновскому. Со всеми чешскими и моравскими воинами хоругвь ушла в рощу, где Владислав, король Польши, жаловал верных воинов рыцарской перевязью, и стояла в этой роще, не думая возвращаться в бой. Подканцлер Польского королевства Миколай заметил ее, но счел не за чешскую, а за хоругвь рыцаря Добеслава из Олесницы и его рода и семьи (ибо белый крест, изображенный на их хоругви, имел некоторое сходство с белым крестом, который носил в качестве герба на знамени Добеслав из Олесницы). Охваченный великим негодованием, подканцлер выбегает из королевского лагеря вместе с нотариями и священниками и прибывает к самому месту стоянки хоругви, и, считая, что там находится Добеслав из Олесницы, обращает к нему брань и укоры в таких словах: «Как ты мог, неверный и бессовестный рыцарь, обратиться в позорное бегство в то время, как кипит битва за твоего короля и твой народ, а твои соратники яростно сражаются, находясь в крайней опасности? И тебе не стыдно укрываться в этом лесу и прятаться, уклоняясь от сражения, тебе, который некогда так часто одерживал победы в личных поединках, благодаря твоей исключительной телесной силе. Подобает ли это твоей чести? Ты пятнаешь себя и весь твой род столь безмерным преступлением, что не найдешь никог-

да достаточно сильнодействующих вод, чтобы смыть его». Сильно задетый такой речью, упомянутый знаменосец, чех Ян Сарновский, полагая, что она обращена к нему, подняв забрало своего шлема, ответил вице-канцлеру Миколаю: «Не страхом и не своей волей, почтенный отец, но натиском и потоком бегущих из сражения и стоящих под моим знаменем я занесен сюда». Однако стоявшие под знаменем чешские и моравские рыцари — Явор, Сигизмунд, Раковец из Ракова и другие — сказали: «Свидетельствуем тебе, достойный муж, что нас погнал в этот лес с поля битвы этот негодяй, наш начальник, и чтобы никто не осудил нас за преступное бегство, мы возвращаемся в бой, покинув нашего начальника и знамя, которое он несет». Сказав это, они немедленно покидают Яна Сарновского и знамя и сколь возможно быстрее возвращаются на поле сражения и присоединяются к рядам польских рыцарей. Упомянутый же чех Ян Сарновский лишился с того времени чести, так что даже его собственная жена, по возвращении его из королевства Польского после битвы, упорно не желала принимать его ни в замок, ни на ложе, ставя ему в вину подлое бегство. Под тяжестью таких оскорблений и укоризн он прожил недолго и угас, зачахнув от постоянной тоски и печали. Ведь измена и малодушие, обнаруженные им в тот день в отношении Владислава, короля польского, когда этот рыцарь добровольно бежал с поля битвы, дошли до всеобщего сведения и стали известны и при дворе Сигизмунда, короля венгерского, и среди чешских и моравских баронов; этот поступок нельзя было ничем изгладить, смыть или стереть из памяти даже с течением времени. А совершилось ли бегство и отпадение упомянутого Яна из малодушия или он был подкуплен золотом крестоносцев, в точности не известно.

ПОЛЯКИ СНОВА ВОДРУЖАЮТ ЗНАМЯ, УПАВШЕЕ ПОД НАТИСКОМ ВРАГОВ. ПРУССАКИ, ВОЗВРАТИВШИСЬ ПОСЛЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИТОВЦЕВ, ВОЗОБНОВЛЯЮТ БИТВУ, И ОДНОГО ИЗ НИХ, КОТОРЫЙ СО ВСЕЙ СИЛОЙ УСТРЕМИЛСЯ НА КОРОЛЯ, УБИВАЕТ БЕЗОРУЖНЫЙ ЗБИГНЕВ ИЗ ОЛЕСНИЦЫ, КОРОЛЕВСКИЙ НОТАРИЙ

После того как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войсками. Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом (которое нес Марцин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы) под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нем и тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место; если бы отборный отряд храбрейших рыцарей не встал около него грудью, защищая его своими телами и оружием, то знамя не удалось бы снова водрузить. Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают. Между тем возвращается войско крестоносцев, преследовавшее бегущих литовцев и русских; ведя с собой множество пленных и держа себя победителями, крестоносцы, очень довольные, спешат в прусский лагерь. Но, видя, что бой принимает неблагоприятный оборот для их оружия и сил, они бросают пленных и добычу и скачут в бой на подмогу своим, которые к тому

времени сражались уже менее охотно. С подходом новых воинов борьба между войсками становится ожесточенной. И так как с обеих сторон пало множество воинов и войско крестоносцев понесло тяжелые потери рыцарями, а к тому же его отряды смешались и предводители их были перебиты, то появилась надежда, что оно обратится в бегство. Однако, благодаря упорству крестоносцев ордена и рыцарей чешских и немецких, замиравшее уже было во многих местах сражение снова возобновилось.

В то время как битва между тем и другим войсками еще продолжала кипеть, Владислав, король польский, стоял, наблюдая издали мужество сражавшихся; возложив упование на милость Божью, король молча ожидал бегства и окончательного разгрома врагов, которые, как он видел, в нескольких местах были уже опрокинуты и повержены. Между тем в сражение вступили шестнадцать свежих вражеских хоругвей (под столькими же знаменами), целых, еще не испытавших военного счастья; повернув ряды в сторону, где стоял король Польши только с телохранителями, они, казалось, устремились на него, потрясая копьями. Король же, полагая, что вражеское войско бросилось на него в расчете на малочисленность его охраны, и страшась крайней опасности, отправляет Збигнева из Олесницы, своего нотария, к расположенным поблизости воинам, стоявшим под знаменем дворцовых рыцарей; король приказывает спешно идти на помощь, чтобы отвратить грозную опасность, которой подвергнется жизнь их короля, если они не подоспеют достаточно быстро. Но и эта хоругвь как раз собиралась вступить в бой. Поэтому королевский рыцарь Миколай Келбаса, герба Наленч, один из стоявших под этим знаменем, обнажив саблю против королевского вестника, нотария Збигнева,

грозным голосом бранит его, приказывая удалиться. «Разве ты не видишь, несчастный, что на нас нападают враги, а ты понуждаешь нас, оставив предстоящее сражение, идти на защиту короля! Что же это — как не бежать из строя и, отступая, подставлять спину врагу, чтобы когда наши силы будут сломлены, подвергнуть нас и короля явной опасности?» Получив отпор такими упреками, Збигнев из Олесницы уходит из дворцовой хоругви, в середину которой он зашел; тотчас же королевские воины сходятся с врагом и, сражаясь с величайшим мужеством, теснят и опрокидывают его. Между тем Збигнев из Олесницы, возвратившись к королю, сообщает, что все рыцари пойдут в сраженье, и добавляет, что те, кто сражается или собирается вступить в бой, не могут принять ни совета, ни приказания. К прочим же хоругвям, ведшим бой, сказал королю Збигнев, он не подходил, так как из-за шума и суматохи они не могли бы принять ни совета, ни повеления. Тогда малое королевское знамя, которое носили за королем, с белым орлом на красном поле в качестве герба, из осторожности унесли, чтобы не выдать пребывания здесь короля, и спрятали по распоряжению королевских телохранителей; короля же Владислава заслонили конями и людьми, обступившими его, чтобы не догадались, что он там стоит. Король Владислав стремился в бой с большим пылом и давал коню шпоры, порываясь ринуться в самую гущу врагов, так что его с трудом удерживали обступившие телохранители. Из-за этого чеха Золаву, одного из телохранителей, слишком грубо схватившего королевского коня за узду, чтобы он не мог ехать дальше, король ударил концом своего копья, но не сильно; король требовал пустить его в бой, пока его не отговорили и не удержали просьбами и решительным сопротивлением все телохранители, заверяв-

шие его, что они пойдут на любую крайность, прежде чем это произойдет. Между тем рыцарь прусского войска, немец родом, которого звали Дипподьд Кикериц фон Дибер, из Лузации, с золотой перевязью, в белом тевтонском плаще (который по-польски мы называем jakka), с ног до головы облаченный в доспехи, выскочил на рыжей лошади из рядов большой прусской хоругви (находившейся в числе упомянутых шестнадцати); затем, подскакав к самому месту, где стоял король, и потрясая копьем на виду всего вражеского войска, стоявшего под шестнадцатью знаменами, казалось, собирался напасть на короля. Между тем король Владислав, стараясь отразить его нападение, и сам взмахнул копьем; Збигнев из Олесницы, королевский нотарий, без доспехов и безоружный, предупредив удар, грозивший королю, обломком копья поразил рыцаря в бок, сбросив его с коня на землю. Король Владислав ударил врага, который беспомощно бился лежа на спине, копьем в лоб, открытый своротенным вверх шлемом, не причинив вреда; охранявшие короля рыцари тут же убили врага, а пешие воины сняли с него оружие и доспехи. Мог ли кто-нибудь совершить в той битве что-либо более удачное? Конечно, не было совершено ничего более мужественного, ничего более отважного, чем подвиг Збигнева; ведь он отважился без оружия и доспехов напасть на вооруженного с головы до ног, юноша — на мужа, и притом еще неопытный воин — на заслуженного рыцаря; обломком копья он преодолел длиннейшее копье и, сбросив грозного врага с коня, отвратил не только от своего короля, но и от целого войска опасность, которая могла возникнуть в случае ранения или смерти короля. Телохранители короля наперерыв стали превозносить перед королем отвагу Збигнева, и Владислав, польский король, выразил сильное желание от-

личить его, опоясав рыцарской перевязью в награду за этот славный подвиг. Однако благородный юноша не допустил, чтобы король отличил и облек его такой честью; он возразил королю Владиславу, собиравшемуся возложить на него знаки рыцарского достоинства, что он подлежит зачислению в ряды не светского воинства, а церковного; и он предпочитает навсегда остаться лучше воином Христовым, чем короля земного и смертного. Тогда король Владислав сказал: «В этом ты избрал лучшую долю. И если я останусь жив, я не премину выдвинуть тебя для облечения высшим духовным саном, чтобы вознаградить твой подвиг». И с этого времени король еще больше полюбил Збигнева, оказывая ему перед всеми исключительное благоволение и милость; затем, по прошествии времени, взысканный милостью короля, он возведен был в сан епископа Краковского, после того как совершенная тогда погрешность, поставленная ему на вид, была отпущена папой Мартином Пятым.

ПОСЛЕ РАЗГРОМА И РАССЕЯНИЯ ПРУССАКОВ ИХ ЛАГЕРЬ ПОДВЕРГАЕТСЯ РАЗГРАБЛЕНИЮ; НАЙДЕННЫЕ ТАМ ОКОВЫ, УГОТОВАННЫЕ ПОЛЯКАМ, НАЛАГАЮТСЯ НА ШЕЮ ВРАГОВ. ВИНО ИЗ РАЗБИТЫХ ПО ПОВЕЛЕНИЮ КОРОЛЯ БОЧЕК, СМЕШАННОЕ С КРОВЬЮ УБИТЫХ, ТЕЧЕТ КРАСНЫМ ПОТОКОМ

Отряд крестоносцев, стоявший под шестнадцатью знаменами (из которого скорее опрометчиво, чем с дерзновенной отвагой, выехал мисненский рыцарь Кикериц, чтобы напасть на короля), видя, что упомянутый рыцарь Кикериц убит, тут же начал поворачивать назад, при этом один крестоносец, ведший хоругви, сидя на белом коне, понуждал копьем находившихся под знаменами рыца-

рей к отступлению, крича по-немецки: «Herum, herum!»[1] И, повернув, отряд поехал в правую сторону, где стояла большая королевская хоругвь, уже разгромившая врагов, с некоторыми другими королевскими хоругвями. Большая часть королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знаменами, сочла его за вражеское (как это и было), прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве, и поэтому не сразу напали на этот отряд, стоя в нерешительности; между тем среди них нарастал спор о возникшем сомнении. Желая его разрешить, Добеслав из Олесницы, рыцарь герба Крест, который называется Дембно, один погнал коня на врага, потрясая копьем; против него выехал из прусского войска крестоносец, ведший конные хоругви и пешие отряды, и, поскакав навстречу Добеславу, ехавшему на него, отбил кверху копье, направленное Добеславом, своей метательной сулицей, пропустив копье над головой. Так как сперва Добеслав Олесницкий метнул копье, которого крестоносец избежал одним небольшим отклонением и опущением головы, — даже подняв свое копье вверх, — и тем увернулся от удара Добеслава, пытавшегося его поразить. Добеслав же, видя, что промахнулся, и считая безрассудным сражаться со всем вражеским отрядом, поспешно поскакал назад, к своим. Крестоносец погнался за ним, пришпорив коня, и, в свою очередь размахнувшись, пустил гибельное копье в Добеслава и нанес коню Добеслава сквозь покрытие (которое мы называем kropyerz) рану в бедро, однако не смертельную;

[1] «Поворачивай, поворачивай!» (*Примеч. В.А.*).

затем он ускакал, чтобы не быть в свою очередь захваченным польскими рыцарями, и присоединился к своим. Тогда польские ряды, отбросив одолевавшее их сомнение, под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен. Когда этот вражеский отряд был разбит и повержен и стало известно, что в нем пали великий магистр Пруссии Ульрих, маршалы ордена, командоры и все виднейшие рыцари прусского войска, то остальная масса врагов повернула назад и, раз показав тыл, обратилась уже в явное бегство; Владислав, король польский, и его войско одержали, хотя и позднюю и трудную, но полную и несомненную победу над магистром и орденом крестоносцев. Тогда-то рыцарь Георгий Керцдорф, который в войске крестоносцев нес знамя святого Георгия, предпочел лучше честно сдаться в плен, чем постыдно бежать, и, пойдя с сорока соратниками навстречу польскому рыцарю Пшедпелку Копидловскому, герба Дрыя, преклонив колена к земле и сдав знамя, был взят в рыцарский плен, как он и просил о том. Захвачены были также в плен и оба князя, которые с собственными воинами и под своими знаменами участвовали в сражении на стороне крестоносцев: Казимир Щецинский — Скарбком из Гур, а Конрад Белый Олесницкий — чехом Иоштом из Зальца. Кроме того, взяты были в плен и многие другие рыцари разных

войск и народностей. Большая же часть рыцарей, которая разбежалась из прусского войска и искала защиты в прусском обозе при стане, подверглась нападению королевских воинов, ворвавшихся в прусский обоз и стан; они были перебиты или захвачены в плен; и вражеский стан, полный разного добра, обоз и все имущество прусского магистра и его войска также были разграблены польскими рыцарями. При этом в крестоносном войске было найдено несколько телег, нагруженных только оковами и цепями, которые крестоносцы везли с собой, чтобы заковывать пленных поляков, предвещая себе, не испросив Божьего соизволения, верную победу и помышляя не о битве, а о торжестве; найдены были и другие телеги, нагруженные сосновой лучиной, смазанной жиром и смолой, и, сверх того, обернутой в пропитанные жиром и смолой тряпки, чтобы (при наступлении темноты) с помощью их преследовать побежденных и бегущих; при этом крестоносцы наперед возомнили в своей спесивой уверенности в победе, не считаясь с могуществом Божьим, будто они совершат дело, которое находилось в руках Божьих. Однако этими цепями и оковами сами они были связаны поляками, ибо праведный Бог попрал их самонадеянность. То было дело, достойное созерцания, и зрелище удивительное для оценки судьбы дел человеческих: свои же оковы и цепи сковали собственных господ, а вражеские повозки, превышавшие количеством несколько тысяч, в течение четверти часа были разграблены королевским войском так, что от них не осталось даже и малейшего следа. Было, кроме того, в прусском стане и в обозе много бочек с вином, к которым королевское войско после разгрома врагов, утомленное сражением и летним зноем, сбежалось было, чтобы уто-

лить жажду; некоторые рыцари для утоления жажды черпали вино шлемами, другие перчатками, иные даже сапогами. Но Владислав, король польский, из опасения, чтобы войско его, опьяненное вином, не стало бесполезным, так что в случае нападения его легко мог бы победить даже слабый враг, и чтобы от чрезмерного питья на него не напали болезнь и бессилие, велел разбить и уничтожить бочки с вином. Когда они по приказу короля были разбиты, вино полилось на трупы павших, которых на месте вражеского стана были немалые кучи, образуя в смешении с кровью убитых людей и коней красный поток; было видно, как он протекал до луга селения Тамберга, образуя своим течением русло и берега наподобие дождевого потока. От этого, говорят, возник повод для распространения в народе выдумок и басен, будто в этом сражении было пролито столько крови, что она текла как поток. Затем в небольшой роще, засаженной деревьями (которые мы называем multicoraces), недалеко отстоявшей от вражеского стана, было найдено семь вражеских знамен, брошенных беглецами и только воткнутых в землю как бы на ее попечение; их немедленно доставили к королю. Командор тухольский Генрих, который требовал, чтобы перед ним носили два меча и никакими добрыми советами его нельзя было отговорить от этой спеси, был настигнут преследователями в то время, когда, позорно бежав с поля битвы, добрался до селения Вельгнова; он был жалким образом умерщвлен отсечением головы и понес злосчастную, правда, но заслуженную кару за свою безрассудную гордыню.

Некоторым же благочестивым и богобоязненным людям и тем, кому было даровано это узреть по Божьему соизволению, видим был в воздухе во время битвы некий почтенного

вида муж в епископском облачении, непрерывно благословлявший польское войско, пока шла битва и пока победа не склонилась к полякам. Считают, что это был блаженнейший Станислав, епископ Краковский, покровитель поляков и первомученик, предстательством и помощью которого поляки, как известно, одержали столь славную победу.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕГУЩИХ ВРАГОВ ПОЛЯКАМИ И ЧИСЛО ПЛЕННЫХ И УБИТЫХ

Разграбив вражеский обоз, королевское войско подошло к холму, где раньше находился привал и стан врагов, и увидело много конных отрядов и клиньев обращенных в бегство врагов, сверкавших на солнце доспехами, в которые почти все они были одеты. Пустившись по собственному почину преследовать их и вступив в какие-то зыбкие луга, королевское войско бросилось на врагов. Затем, преодолев сопротивление немногих смельчаков, остальных рыцарей (по приказанию короля стараться не пускать в ход оружия) привели невредимыми, без насилия и увечья. Тогда Владислав, король польский, велел рыцарям по данному знаку преследовать бегущих, но при этом, насколько возможно, избегать резни. Преследование растянулось на много миль, и лишь немногие спаслись, успев убежать; большинство же было захвачено и также приведено в стан, где победители обошлись с ними милостиво, на следующий день передав их королю. Множество врагов захлебнулось в суматохе и давке в пруду, отстоявшем в двух милях от поля битвы. Наступившая ночь прекратила преследование.

В этой битве пало пятьдесят тысяч врагов, взято в плен было сорок тысяч; рыцарских знамен было захвачено, как сообщают, пятьдесят одно; победители весьма обогатились,

завладев вражескими доспехами. Хотя трудно, я думаю, точно подсчитать, сколько пало врагов, но известно, что дорога на протяжении нескольких миль была устлана телами павших, земля пропитана была кровью убитых и самый воздух оглашался стонами и воплями умирающих.

ДВА БРАТА ОРДЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ ЗА ДЕРЗКИЕ СЛОВА, НАГЛО БРОШЕННЫЕ ВИТОВТУ, КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ, НАКАЗАНЫ ИМ СМЕРТЬЮ ПРОТИВ ВОЛИ КОРОЛЯ

Когда королевское войско по приказу короля пустилось преследовать бегущих врагов, король польский Владислав, взойдя на возвышенный холм, расположился там, чтобы наблюдать зрелище дальнейшей удачи, которое являл тот день: преследованием и отводом пленных врагов польскими рыцарями. Там короля встретил впервые после победы Великий князь Литовский Александр. Во все время битвы князь действовал среди польских отрядов и клиньев, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих и тщательно следя за успехами той и другой стороны. Он сообщил как большую и приятную новость, что в сражении захвачены двое братьев ордена крестоносцев, а именно Марквард фон Зальцбах, бранденбургский командор, и Шумберг; эти крестоносцы во время свидания между упомянутым Александром, Великим князем Литвы, и магистром и орденом близ Ковно на реке Немане оскорбили обидными и грязными словами упомянутого князя Александра и его родительницу, говоря, что она-де была не особенно целомудренна. Князь добавил, что он решил наложить на них подобающее им наказание, казнив их отсечением головы. Владислав же, польский король, не возгордился счастьем победы, но со своим

обычным милосердием и скромностью запретил упомянутому князю Александру учинять какое-либо наказание захваченным и сдавшимся в плен врагам: «Не подобает, — сказал он, — дорогой брат, проявлять жестокость к врагам, которых мы одолели в бою не нашей доблестью, но соизволением милостивого Бога; не следует мстить пленным за наши обиды и оскорбления, но, справив благодарственное молебствие всевышнему Богу за дарованное торжество, надлежит проявлять к несчастным побежденным всяческую кротость и милосердие. Ведь довольно и того, что по справедливому Божьему приговору мы уже обуздали и покарали их, и теперь нам надлежит пощадить тех, кого пощадили сила и военное счастье». Князь Литовский Александр последовал бы королевским увещеваниям, если бы его снова не раздражили, побудив привести в исполнение задуманную месть, дерзкие, заносчивые и надменные речи упомянутых крестоносцев Шумберга и Маркварда. Упомянутый князь Александр, оскорбленный словами людей, которые, находясь в плену, осыпали его угрозами, считая недостойным вести скромные речи и просить прощения, велел их обезглавить в следующее же воскресенье, в двадцатый день июля, в стане около Моронга, причем король польский Владислав ничуть не препятствовал князю. Когда Александр-Витовт указывал крестоносцу Маркварду на теперешнее его положение и участь, браня за оскорбительные слова о своей матери, Марквард, забыв о своей доле и о давнем гневе князя, которого ему бы следовало смягчить кроткими словами, раздражил князя. Он весьма заносчиво сказал князю: «Ничуть не страшусь я теперешней участи; успех склоняется то на ту, то на другую сторону; переменится счастье и подарит нас, побежденных, завтра тем, чем вы, победители, владеете сегодня». Оскорб-

ленный такими словами, слишком дерзкими для пленника, великий князь Витовт, хотя и не замышлял против него никакой жестокости, велел отправить командоров Маркварда и Шумберга на казнь. Многие обвиняли Маркварда за то, что он, нуждаясь в милосердии, возбудил гнев и ненависть; я же не берусь разбираться, правильно или неправильно поступил князь Александр, излив ярость на сдавшихся в плен крестоносцев.

ВО ВРЕМЯ ОТДЫХА ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА, КОГДА ГОЛОС ГЛАШАТАЯ ПРИЗЫВАЛ СОВЕРШИТЬ БОГОСЛУЖЕНИЕ, ПРИХОДИТ ИЗВЕСТИЕ, ЧТО УБИТ МАГИСТР ПРУССИИ УЛЬРИХ

Солнце клонилось к западу, когда Владислав, король Польши, покинул холм, на котором стоял некоторое время, и место битвы; пройдя расстояние в четверть мили по направлению к Мариенбургу, причем за ним следовал многочисленный обоз, король разбил стан над озером; туда собралось и все войско, возвратясь после преследования врагов. Все были охвачены общей безграничной радостью, потому что, одержав над гордым и сильным врагом великую и на много веков достопамятную победу, возвратили родину в руки всевышнего Бога, спасши ее от жестокого и беззаконного вторжения и захвата крестоносцами, а самих себя — от неминуемо угрожавшей гибели или пленения.

Всю следующую ночь возвращались после преследования врагов королевские воины с пленными и добычей без числа и сдавали пленных и вражеские знамена королю, в ту ночь бодрствовавшему и наблюдавшему за караулами; он приказывал стеречь их до завтрашнего дня. Когда же пришли в стан у упомянутого озера, король Владислав сошел с коня

и усталый от трудов и жары расположился на покой, пока устраивали шатер, в тени кустов желтой ежевики, на ложе из ветвей клена, имея при себе одного только нотария Збигнева из Олесницы. От громких криков, которые король издавал во время битвы, убеждая и возбуждая рыцарей к бою, голос его стал до того хриплым, что в этот и на следующий день с трудом можно было понять его слова, и то только вблизи. Когда же установили шатер, король вступил в него и только тогда, впервые сняв доспехи, велел поскорее приготовить обед; ведь ни король, ни войско его в тот день не отведали никакой пищи и голодали все до самого вечера, и лишь с заходом солнца король и войско принялись за еду. При заходе солнца выпал дождь, продолжавшийся всю ночь, и много раненых из того и другого войска, королевского и прусского, оставленных на поле боя, которые могли бы выжить, если бы их оттуда вынесли и ухаживали за ними, погибло от холода. Затем по распоряжению короля, в начале ночи, королевский глашатай Богута объявляет приказ всему войску собраться на следующий день к королевской часовне прослушать торжественное богослужение и воздать благодарение Всевышнему Богу за дарованную победу; знамена же и пленных немедленно представить королю или своим начальникам и должностным лицам; в приказе значилось также, что и следующий день будет проведен на той же стоянке. Между тем Мщуй из Скшинна принес известие Владиславу, польскому королю, что Ульрих, великий магистр Пруссии, убит; в доказательство смерти магистра он показал королю Владиславу нагрудный золотой ковчежец со святыми мощами, который слуга упомянутого Мщуя, по имени Юрга, снял с убитого. Король Владислав с тяжким вздохом и стоном прослезился, дивясь повороту счастья и судьбы, или скорее человеческо-

го высокомерия. «Вот, — сказал он, — о мои рыцари, сколь мерзостна гордыня пред богом; тот, кто вчера хотел подчинить, своей власти многие страны и королевства, кто считал, что не найдется равного ему по могуществу, повержен и лежит без всякой помощи своих сподвижников, убитый самым жалким образом, свидетельствуя, сколь гордыня ниже смирения». Отверзая затем уста во славу создателя, король сказал: «Слава тебе, всемилостивый Боже, который смирил, поразив, гордого, и десницей доблести своей сломил врагов моих и ныне прославил десницу свою на мне и на народе моем».

СВОЕЙ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛЯКИ УПУСКАЮТ СЛУЧАЙ ЗАВОЕВАТЬ МАРИЕНБУРГСКИЙ ЗАМОК

Между тем, как одни королевские советники, рассудив, решили, чтобы Владислав, король польский, со всем своим войском провел на месте битвы три дня, как победитель, другие возражали и по весьма здравым соображениям и основаниям настоятельно требовали без всякого промедления, ночью и днем, быстрым походом двигаться на Мариенбург. Если бы король не отверг этот совет, как бесполезный, но, произведя отбор, послал бы лучшие войска и как можно скорее двинул их на осаду Мариенбургского замка, то легко завоевал бы главный замок, пока сердца защитников его были охвачены ужасом и горестью; он овладел бы мирным путем, не прибегая к оружию, также и остальными, которые немедленно сдались бы. Этот совет оказался бы не только разумнее по замыслу, но и удачным по исходу; ведь когда в замке Мариенбург стало известно о разгроме, то все охранявшие замок (а их было немного) пришли в смятение от великого страха; если бы король на другой или третий день

после победы подступил с войском к замку, его защитники помышляли бы скорее о сдаче, чем о сопротивлении. И хотя бы Владислав, король польский, и его советники тщательнее это предложение обсудили! Но охваченные радостью великого дня и полагая, что с войной покончено, они не последовали совету, который должен был по всем основаниям быть самым мудрым; ведь природа отказалась даровать им оба блага, именно и проницательность, и счастье, и вот оказалось, что король и советники не сумели воспользоваться ни одержанной победой, ни удобным моментом и благоприятным случаем, ибо если бы после разгрома сил крестоносцев король-победитель сразу же двинул победоносное войско на осаду и приступ Мариенбургского замка, то без сомнения это принесло бы величайшую пользу его делу, а ему лично — славу завершения войны. Как величайшую ошибку короля оценивали опытные в военном деле люди также и то, что он пренебрежительно отверг совет послать рыцарей для захвата крепости Мариенбурга. Это было бы легко сделать, пока она стояла почти пустой, лишенная защитников, до прихода туда Генриха фон Плауэна, командора Свеца, с отрядом; в особенности же пока вся охрана крепости, к тому же немногочисленная, потеряв голову от только что пережитого страшного разгрома, была охвачена сильным трепетом, впав в оцепенение. Произошло ли это потому, что, предавшись радости, в упоении настоящим, поляки сочли за лучшее заниматься захватом добычи и пленением врагов, чем завоевывать крепости; либо потому, что они в своем большинстве полагали справедливым и законным пребывать три дня на месте торжества; либо потому, что, как известно из опыта и по природе вещей, никому обычно не дается в удел полного счастья; либо же, наконец,

это могло случиться по той причине (как я склонен скорее полагать), что некий высший жребий, щадя тогда орден крестоносцев, сохранил такую возможность до более подходящего времени, предназначенного для завоевания Мариенбургской крепости.

КОРОЛЬ ЗАБОТИТСЯ О ПОГРЕБЕНИИ МАГИСТРА ПРУССИИ И ПРОЧИХ, ПАВШИХ В БОЮ, КАК СВОИХ, ТАК И ВРАГОВ. ВЕРНЕР ТЕТТИНГЕН БЕЖИТ С ПОЛЯ БИТВЫ

В среду, на другой день после дня рассеяния апостолов, шестнадцатого июля, после дождя воссиял ясный день, и Владислав, король Польши, немедленно, на рассвете же, велел отыскать среди трупов тела прусского магистра Ульриха, маршала, командоров и прочих знатных особ, павших в бою, чтобы предать их с подобающими почестями церковному погребению; ведь король почитал одинаково славным и победить врага и проявить милосердие к нему в несчастье и поражении. Труп магистра Пруссии Ульриха с двумя ранами (одной — в лоб, другой — в сосок) был доставлен королю Болеминским, жителем Кульмской земли, одним из пленников, которому было поручено это дело (ибо он был наиболее близок, как оказалось, среди всех к прусскому магистру); были доставлены также труп маршала Фридриха Валлероде, труп великого командора Конрада Лихтенштейна и трупы командоров Иоганна фон Зейна торуньского, графа Иоганна фон Венде мевского и Арнольда фон Баден члуховского. Рассматривая их, а также одеяние и раны, от которых они пали, король не произнес ни одного слова порицания или оскорбления и не проявил насмешки или злорадства; а напротив, с залитым слезами лицом он

скорбел по своей доброте об их гибели; затем велел обернуть их чистой тканью и отправить на телеге, покрытой пурпуром, в Мариенбург для погребения. Тела же других командоров и знатных и благородных особ он распорядился похоронить в деревянной приходской церкви в Тинбарге, раненых, которые могли еще выздороветь, король приказал лечить, полагая, что получит больше славы от победы и возбудит меньше зависти, если украсит ее в глазах всех добродетелью умеренности. Выказывая этим поведением двоякую милость к побежденным своей любезностью и лаской, король Владислав явил величайший пример мягкости и обходительности не только в глазах собственных народов, но также врагов и чужеземных народов: победу свою он более украсил в надлежащей мере справедливостью и скромностью, чем отравил желчью зависти.

В той же церкви были погребены и тела павших в польском войске, которых отыскивали и находили родные и друзья; и победителям оказано было не более пышное погребение, чем побежденным. Еще живых раненых как из польского, так и из прусского войска привезли в стан, где им предоставили всевозможный уход и лечение.

После подсчета стало известно, что в королевском войске пало только двенадцать знатных рыцарей; среди них можно выделить следующих: Якубовского, герба Роза, и Имрама Чулицкого, герба Червня. Поэтому поистине достойно удивления, что при столь малых потерях среди польских рыцарей было разгромлено столь сильное и многочисленное войско, причем все выдающиеся рыцари в войске крестоносцев были перебиты или взяты в плен. Вернер Теттинген, командор эльбингский, противник мира, бежал с поля битвы, забыв о своих заносчивых словах (как ему и предсказал

командор мевский, граф фон Венде); проезжая через стан крестоносцев, он не решился никому довериться и свое бегство прекратил, только достигнув Эльбинга. Затем, покинув Эльбинг, он смешался с толпой беглецов в Мариенбурге. Командор же мевский, граф фон Венде, раненный в грудь, был найден павшим на поле битвы.

По моему суждению, Владислав, король Польши, более достойно и славно поступил бы, если бы не отправлял в Мариенбург тела магистра, маршала и командоров Пруссии, а повелел похоронить их в какой-нибудь из соборных, монастырских или приходских церквей своего королевства: так его славная победа сияла бы все новым блеском от постоянного их лицезрения.

КОРОЛЬ ПРИГЛАШАЕТ НА ПИР СВОИХ ВЕЛЬМОЖ И ДВУХ ПЛЕННЫХ ВРАЖЕСКИХ КНЯЗЕЙ

Затем в королевской часовне (где были и хоры, и шатер наподобие церкви) совершались громогласно церковные службы, слушать которые собралось все польское войско. Первой была совершена обедня благословенной владычице нашей Марии, вторая — Святому Духу и третья — Пресвятой Троице; на других же алтарях совершались обедни за упокой душ усопших, убитых накануне. Шатер часовни со всех сторон был обставлен вокруг вражескими знаменами и хоругвями; они были принесены для осмотра польскими рыцарями и прикреплены к часовне; развернутые и распущенные знамена от легкого дуновения ветра издавали сильный шум. В тот же день Владислав, король польский, устроил великое пиршество, на которое пригласил и обильно угощал как собственных князей и вельмож, именно Александра, Великого князя Литовского, Януша и обоих Земовитов, старшего

и младшего мазовецких, так и пленных — князей Конрада Белого олесницкого, Казимира щецинского и прочих более знатных (ибо упомянутые два князя, Конрад Белый олесницкий и Казимир щецинский, были взяты в плен, сражаясь на стороне крестоносцев); однако со стороны короля им был оказан прием и проявлено более ласковое обхождение, чем это соответствовало их положению пленных. Их легко отпустили на свободу, хотя их злодейское деяние требовало бы достойного возмездия.

ТРЕВОГА В МАРИЕНБУРГЕ ПРИ ИЗВЕСТИИ О ПОРАЖЕНИИ

Между тем венгерские бароны Николай де Гара и Сцибор из Сцибожиц, находясь в Мариенбургском замке, вместе с оставленными для защиты замка крестоносцами ордена, проявляли чрезвычайное беспокойство об исходе предстоящей вскоре битвы и о том, кому выпадет успех. В это время туда прибыл бежавший с поля боя, усталый и запыхавшийся человек, который на распросы венгерских баронов, откуда он пришел и с какими новостями, ответил, что спешно прискакал из стана магистра Пруссии и что Владислав, король Польши, победил прусского магистра в великой сече; он добавил, что все крестоносное войско уничтожено. Между тем как венгерские бароны старались яснее понять, каким порядком началась битва и как она окончилась, крестоносцы, охранявшие Мариенбургский замок, перехватив это донесение и изменив его, распустили слух, что между польским и прусским войсками еще не дошло до общего столкновения, а происходили лишь отдельные стычки. Но когда венгерские бароны выехали за ворота замка, внезапно прибыл отряд беглецов с поля битвы, которые подтвердили первое сообщение

о поражении. Один из них был рыцарь Петр Свинка, некогда хорунжий добжинский, который еще до начала войны перешел от Владислава, короля Польши, к магистру Пруссии; он рассказал полностью весь ход сражения, приведший к победе короля и поражению крестоносцев. Когда свита Сцибория из Сцибожиц (почти все они были поляки) при этой новости возликовала в безмерной радости, Сциборий, как муж предусмотрительный, велел хранить эту благую весть про себя. Когда же она разгласилась и стала общим достоянием, он запретил своей свите выражать радость, пока они находятся в стенах прусского замка. Крестоносцам, находившимся в Мариенбурге, победа Владислава, короля польского, сначала показалась столь невероятной, что первого вестника о поражении крестоносцев они сочли не только лжецом, но чуть ли не сумасшедшим. Потом, когда прибывавшие один за другим утверждали одно и то же, они, наконец, поверили. Сердца их исполнились горести и уныния, и все они обратили свои помыслы на то, чтобы покинуть замок Мариенбург, используя для бегства любой подходящий случай. И если бы Владислав, король польский, одержав победу, быстрым переходом приступил к Мариенбургу (как ему весьма предусмотрительно и здраво советовали некоторые), то без всякого ущерба и опасности для себя и войска он в первый же день по прибытии овладел бы замком, который сдался бы или легко был бы взят приступом. Ибо крестоносцы, духовные и светские, и прочие защитники Мариенбургского замка, как безумные, бегали по дворам, домам и горницам много дней и ночей, предаваясь плачу и скорбным жалобам; и так как всеми защитниками овладел трепет и помыслы о бегстве, то замок был бы сдан, если бы кто-нибудь приложил усилия вырвать его из рук людей, охваченных трепетом [...]

ПОСЛЕ ПОДСЧЕТА ПЛЕННЫХ ОДНИХ ПОЛЯКИ ОТПУСКАЮТ НА СВОБОДУ, СВЯЗАВ КЛЯТВЕННЫМ ОБЕЩАНИЕМ, ДРУГИХ ЖЕ ОТДАЮТ ПОД СТРАЖУ; КОРОЛЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ ОСМАТРИВАЮТ ТРУПЫ УБИТЫХ; В ПОЛЬШУ ПОСЫЛАЮТ РАДОСТНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЕ

После проведенного с большой торжественностью королевского пиршества всем рыцарям был отдан приказ сдать пленных и построить их на одной открытой со всех сторон равнине. Там Владислав, король польский, разместил отдельно шестерых нотариев для переписи имен, рода и положения пленных. Итак, пленных приводили и представляли сначала королю, затем — нотариям: отдельно — крестоносцев ордена, отдельно — прусских рыцарей, отдельно — кульмских, отдельно — ливонских, отдельно — жителей прусских городов, отдельно — чехов, отдельно — моравов, отдельно — силезцев, отдельно — баварцев, отдельно — мисненцев, отдельно — австрийцев, отдельно — рейнцев, отдельно — швабов, отдельно — фризов, отдельно — лужичан, отдельно — тюрингенцев, отдельно — поморян, щецинцев, кашубов, саксонцев, франконцев, вестфальцев. Ведь столько народов и племен собралось в великом множестве, чтобы уничтожить народ и самое имя поляков! И хотя каждая из упомянутых народностей была представлена большим количеством воинов, однако чехи и силезцы превосходили числом остальных. Итак, после отделения каждой народности подходил королевский нотарий и, приказав всем встать в круг, сам, стоя в середине, записывал их имена, звания, должности, положение и происхождение. Когда все полностью были переписаны, пришли двое королевских вельмож — Збигнев из Бжезя, маршалок Польского королев-

ства, и Петр Шафранец, краковский подкоморий; каждого пленного в отдельности они обязали новым обещанием и новой клятвой в том, что, верные рыцарскому слову и чести, они явятся лично в ближайший день святого Мартина в Краковский замок к ленчицкому воеводе Яну Лигензе из Пшецлав, краковскому судье Яську из Олесницы и к подстаросте краковскому Пшедборию из Пшеход. После принятия пленными этого обязательства Владислав, польский король, проявил не свойственную для победителя умеренность: почти всем, за исключением немногих пленных, разрешил уйти под простое рыцарское слово; князей же Казимира щецинского и Конрада олесницкого, а также Кристофера Керцдорфа, чеха Венцеслава Дунина и всех крестоносцев ордена он задержал, распределив по королевским замкам: в Ленчицу, Серадзь, Хенцины, Люблин, Сандомеж, Леополь, Пшемысль и другие, повелев тщательно стеречь и смотреть за ними. В промежутке, пока переписывали пленных, Владислав, король Польши, сев на коня, проехал с братом своим, Великим князем Литвы Александром, на место битвы, посмотреть на павших; при этом рыцарь Болеминский давал объяснения и показывал их королю, хотя король и сам узнавал некоторых, в особенности графа фон Венде, и опознавал трупы павших и поверженных. После осмотра король только в сумерки вернулся в стан. Оттуда он отправил нарочным гонцом спальника своего Миколая Моравца, герба Повала (из селения Куношувка близ Ксенжа), в Польское королевство с посланием, объявлял супруге своей, королеве Анне, а также Миколаю Куровскому, архиепископу Гнезненскому, и вельможам, охранявшим Краковский замок, университету и краковскому городскому совету, что он учинил великую сечу с крестоносцами, одержав великую победу; король повелевал

также отслужить Богу благодарственные молебствия во всех храмах. Во свидетельство же победы и радостных событий гонец Моравец вез с собой по повелению короля хоругвь епископа Помезанского, с гербом, изображавшим святого Иоанна Крестителя в образе орла. По прибытии его в Краков и объявлении о победе короля, весь город огласился великим ликованием и радостью и славословиями Богу в церквах и всю ночь в ознаменование радости сиял огнями. Когда затем весть о торжестве распространилась по всему Польскому королевству, все города и села Польши оглашались ликующими кликами людей, праздновавших в безмерной радости счастливую победу.

ГОРОД ГОГЕНШТЕЙН С ЗАМКОМ СДАЕТСЯ КОРОЛЮ; ОТ ЕПИСКОПА ВАРМИЙСКОГО ПРИБЫВАЕТ К КОРОЛЮ ПОСЛАНЕЦ, УМОЛЯЯ ПОЩАДИТЬ ЦЕРКОВНОЕ ИМУЩЕСТВО

В четверг, в день святого Алексия, семнадцатого июля, король польский Владислав, освободив и отпустив всех пленников, число которых, как считали, превысило сорок тысяч, одаривает их с королевской щедростью пищей и одеждой в дорогу; кроме того, он дает пленникам надежных провожатых, чтобы довести их до ближайшего города Остероды. Затем король выступает со своим войском и, дойдя до замка и города Гогенштейна, располагается станом. Замок и город Гогенштейн отдались во власть короля, который пожаловал их в держание Яну Кретковскому, герба Доленга. Этой-то умеренностью, милостями и кротостью, проявленными королем Владиславом к пленным и побежденным, он, думается, еще блистательнее воспользовался результатом победы; он снискал величайшую награду и величайшую хвалу за

свою доброту, освободив закованных и несчастных пленников, вместо того чтобы изливать на них ярость. В тот же день приехал к королю посланец епископа Вармийского Иоанна с просьбой считать его самого и имущество его епископата сданными королю и не позволять опустошений и поджогов. Но король, отвечая посланцу, отказался выполнить просьбы епископа и отдать такое распоряжение, так как и сам посланец сочтен был человеком, не заслуживающим доверия; однако король сказал, что не отвергнет просьбы, если епископ явится сам лично для того, чтобы сдаться и сдать свое имущество.

(Перевод Г.А. Стратановского)

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

History files

Акунов Вольфганг Викторович

**ГРЮНВАЛЬД.
РАЗГРОМ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 20.02.2013. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ.л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ № 1628.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

В книге историка Вольфганга Акунова раскрывается история многолетнего вооруженного конфликта между военно-духовным Тевтонским орденом Пресвятой Девы Марии, Великим княжеством Литовским и Польским королевством (XIII—XVI вв.). Основное внимание уделяется т.н. Великой войне (1310—1411) между орденом, Литвой и Польшей, завершившейся разгромом орденской армии в битве при Грюнвальде 15 июля 1410 г., последовавшей затем неудачной для победителей осаде орденской столицы Мариенбурга (Мальборга), Первому и Второму Торуньскому миру, 13-летней войне между орденом, его светскими подданными и Польшей и дальнейшей истории ордена, вплоть до превращения Прусского государства в 1525 г. в вассальное по отношению к Польше светское герцогство Пруссию — зародыш будущего Прусского королевства Гогенцоллернов.

Личное мужество прославило тевтонских рыцарей, но сражались они за исторически обреченное дело.

HISTORY FILES